НОВАЯ ПОЛЬША

№6(164) 2014

Генерала Ярузельского невозможно перечеркнуть

ХАУСНЕР ЗНАЕТ, ЧТО НУЖНО ЭКОНОМИКЕ

Ежи Бузек о лучшем десятилетии Польши

МЫ СОЗДАЕМ ПОЛЬСКУЮ СИЛИКОНОВУЮ ДОЛИНУ

РОМАН ГУТЕК — ДОБРЫЙ ДУХ ПОЛЬСКОГО КИНО

Рабочая сила в Польше по-прежнему дешевле

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

**Вы можете подписаться на «Новую Польшу»,
перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте,
факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты
с пометкой: *prenumerata.***

Деньги просим перечислять на счет издателя «Новой Польши»:
Instytut Książki
ul. Szczepańska 1
31-011 Kraków

Подписка в Польше:
Название банка: BANK MILLENNIUM S.A.
Номер счета: PL79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
Цена 1 экз. — 8 зл.
Цена годовой подписки — 96 зл.

Подписка за границей:
Название банка: BANK MILLENNIUM S.A.
Номер счета: PL79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
SWIFT CODE: BIGBPLPW
Цена годовой подписки — 70 евро или 100 долларов

Информация о подписке за границей:
Тел. +48 22 608-27-95
Факс: +48 22 608-25-05
e-mail: nowpol@instytutksiazki.pl

Информация о подписке в Польше:
Тел./факс: 22 608-24-88, 22 608-23-74
e-mail: czaspatron@instytutksiazki.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 6 (164)
2014
июнь

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

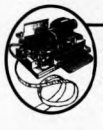
СЛЕПАЯ ВЕРА В НЕОЛИБЕРАЛИЗМ? 3
Беседа с Ежи Хауснером

Я УМЕРЕННЫЙ ОПТИМИСТ,
С УДАРЕНИЕМ НА «УМЕРЕННЫЙ» 7
Беседа с профессором Станиславом Флейтерским

Томаш Чехович 12
СОЗДАДИМ ПОЛЬСКУЮ СИЛИКОНОВУЮ ДОЛИНУ

Виктор Кулерский 14
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

УМЕР ВОЙЦЕХ ЯРУЗЕЛЬСКИЙ 25

ДОСТОЕВСКИЙ — РЕАКТИВАЦИЯ 27
Беседуют Адам Поморский и Гжегож Пшебинда

Жорж Нива 35
О ЖЕСТОКОСТИ ИСТОРИИ И ДУХОВНОМ СВЕТЕ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ — ГЛАЗАМИ ПОЛЬСКОГО РУСИСТА

Лешек Шаруга 38
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Лукаш Ярош 41
СТИХОТВОРЕНИЯ

Лешек Шаруга 46
ОБЫЧНЫЙ МИР

Эльжбета Савицкая 47
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ КИНО 52
Беседа с Романом Гутеком

Адриан Турецкий 58
БОЛЬШАЯ МУЗЫКА НА МАЛЕНЬКИХ ИНСТРУМЕНТАХ

Анатолий Нехай 60
10 ЛЕТ КЛУБУ АГНЕШКИ ОСЕЦКОЙ

Эугениуш Соболь 61
III ФЕСТИВАЛЬ «ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОЭТ СВОБОДЫ»

Януш К. Ковальский 63
НАШ ВОСТОК ЖИВЕТ ЗА СЧЕТ ВОСТОКА

ЧТОБЫ ВЫИГРЫВАТЬ КОНТРАКТЫ НА ВОСТОКЕ, НУЖЕН ПРАГМАТИЗМ 65
Беседа с Томашем Забоклицким

Анна Цесляк-Врублевская 67
РАБОЧАЯ СИЛА В ПОЛЬШЕ ВСЕ ЕЩЕ СТОИТ ДЕШЕВО

Эугениуш Соболь 69
ГОРОДСКОЙ ТЕКСТ ЯКУТСКА

Адам Задворный 72
ПОЛЬСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Татьяна Косинова 75
КАЖДОЕ ЧЕТВЕРТОЕ ЯБЛОКО В РОССИИ — ПОЛЬСКОЕ

ЕЖИ БУЗЕК: ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ — ЭТО ДЛЯ ПОЛЬШИ ГОДЫ БОЛЬШОГО УСПЕХА 78
Беседа с Ежи Бузеком

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ 83

Переводчики: А. Базилевский, И. Белов, Е. Гендель, В. Окунь, Д. Пелихов, С. Политыко

© Фото: East News (стр. 3, 46, 52), Archwium (стр. 25)

Редакционный совет

Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия

Элиза Вольская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Ирина Лаппо
Петр Мицнер
(зам. гл. редактора)
Евангелина Скалинская
(секретариат)

Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
INSTYTUT KSIĄŻKI
al.Niepodległości 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: (22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@instytutksiazki.pl
Информация о журнале для стран СНГ
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв.49
тел: 621-41-42
e-mail: mic@inbox.ru
Журнал издается по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
WYDAWCA:
Instytut Książki, 31-011 Kraków
DZIAŁ WYDAWNICTW:
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa
tel/fax (22) 608 24 88
Тираж 4700 экз.

СЛЕПАЯ ВЕРА В НЕОЛИБЕРАЛИЗМ?

С профессором Ежи Хауснером беседует Рышард Хольцер

«Конечно же существовала догматичная, слепая вера в неолиберализм. Но, быть может, без такой веры нам не достало бы мужества перепрыгнуть в 1989 г. через тогдашнюю пропасть», — говорит экономист, профессор Ежи Хауснер.

— Говорят, что мы живем в ужасной стране, где свирепствует безработица, а молодежь массово эмигрирует в Англию, и все это — последствия нашего слепого поклонения неолиберализму. Но другие утверждают, что мы проживаем в стране, которая по-прежнему ментально застряла в коммунизме. Так как же обстоят дела?

— У меня впечатление, что употребление таких понятийных клише имеет все меньше и меньше смысла.

— Но все больше популярности.

— Возможно, по той причине, что в трудные времена, когда чувство безопасности ослабевает, люди нуждаются в однозначных схемах. Где есть черное и белое, где понятно, кто друг, а кто враг. Но из такого упрощения окружающего мира мало что следует. Это дорога, ведущая в никуда.

— А может такое упрощение мира удобно, потому что позволяет назвать то, что у нас не получилось?

— Раз уж непременно надо упрощать, то давайте поговорим о том, что у нас получилось. За нами — лучших 25 лет в нашей истории. И наверняка тот факт, что сегодня Польша это пример успеха, который когда-то невозможно было представить, тоже связан с либеральными рыночными реформами.

— Тоже?

— Ну, хорошо. Пусть будет, что в значительной мере именно благодаря либеральным рыночным реформам нам удалось дойти до двух третей от уровня развития высокоразвитых стран. Но теперь без далеко идущих реформ мы увязнем в ловушке среднего дохода — оставаясь далеко позади Германии или Америки. С другой стороны, так вполне можно жить. Если сравнить с ПНР, стало намного лучше. А если с Украиной — вообще не о чем говорить!

— Молодые люди не сравнивают свою страну ни с ПНР, ни с Украиной. Они ездят в Англию и спрашивают, почему у нас огромная безработица и два миллиона человек эмигрировало по экономическим причинам.

— Когда мы вступали в Евросоюз, то на меня — как на министра труда — все давили: ну, сделай же что-нибудь, чтобы нам быстро открыли рынки труда. И что же? Открыли, а теперь мы должны из-за этого расстраиваться? Впрочем, я убежден, что вполне возможна волна возвращений. И те, которые приедут назад, привезут с собой багаж опыта. Они научатся всему, в чем Запад нас опережает. Поэтому не надо говорить, что с нами случилась катастрофа из-за того, что мы вошли в Евросоюз.

— Мы не утверждаем, что в эмиграции виноват Евросоюз. Но, может быть, виновато растущее расслоение населения? Предполагалось, что прилив должен поднять все лодки, но теперь видно, что многие он оставил на песке.

— Нет, и никогда не было такой страны, которая вступила бы на путь динамичного роста, избежав роста социальных и региональных диспропорций. Но необходимо их ограничивать — это очевидно.

— Те десять или даже больше процентов населения, попавших «на обочину» общества... Это неизбежные издержки развития?

— Я ни в коем случае не хочу сказать, что те 10%, которых вытолкнули на обочину и которые исключены, — это неизбежные издержки развития. Необходимо искать способ для решения данной проблемы, но он не может заключаться в том, что остальные возьмут этих людей на буксир и станут кормить их. Понятное дело — если у кого-то ограниченные возможности и он абсолютно несамостоятелен, то ему необходимо пособие. Но, помимо этого, существуют разные уровни исключения и нужны разные способы, помогающие людям выйти из подобного состояния. Однако, прежде всего, они должны быть эффективны. Однажды мне принесли анализ ситуации в Лобеском повете Западно-поморского воеводства. Там черным по белому было написано, что материальная ситуация хозяйств с обоими неработающими родителями лучше, чем материальная ситуация хозяйств с одним работающим родителем. Это означает, что мы создали систему, которая многих людей побуждает жить за счет других. Следовательно, нам необходимо ее модифицировать. Но нельзя сказать таким лицам: с сегодняшнего дня вы и только вы отвечаете за себя. Ни в коем случае. Однако надо так все организовать, чтобы они попросту не могли по-прежнему существовать в режиме бездействия и беспомощности. Поэтому, когда мне говорят, что проблема кроется в неравенстве, я спрашиваю: а как вы понимаете равенство? Поскольку, если оно толкуется как равенство желудков, то я с таким определением не согласен. Однако, если речь идет о равенстве шансов, о выравнивании возможностей, то возражений нет. Надо подчеркнуть только одно — ошибаются те, кто думает, что мы могли бы избежать возникновения данной проблемы, если бы выбрали другую модель развития.

— Ну, в таком случае, людей, которые упорствуют в этой ошибке, немало. Марцин Круль, Кароль Модзелевский, Гжегож Колодко* и т. д.

— Кароля Модзелевского я встретил недавно на дискуссии, предметом которой была фигура Яцека Куроня. И он защищал там Лешека Бальцеровича под лозунгом «другого выхода не было».

— Потому что тем самым защищал память о Яцеке Куроне.

— Ну, разумеется. Он говорил: «Другого выхода не было, Яцек это понимал». Но так или иначе тем самым он защищал также Бальцеровича.

— А был другой выход? Была альтернатива?

— Слова «альтернативы не было» можно понимать четырьмя способами. Первый из них принадлежит как раз Бальцеровичу: «третий путь ведет в третий мир», есть «железные законы экономики» и так далее. А я ему отвечаю: неправда — существуют разные модели капиталистической экономики, и англосаксонская модель вовсе не единственная. Взять хотя бы скандинавскую модель. А Бальцерович никакого другого пути не пробовал и с самого начала говорил только о Тине.

— О Тине?

— There is no alternative (никакой альтернативы нет) — ТИНА. А вторая возможность трактовки состоит в том, что «они нам велели». Они — это Всемирный банк, Международный валютный фонд... Именно так сказал Модзелевский: «Мы были вынуждены это сделать, потому что нам велели». Тогда я спрашиваю — а каковы предпосылки, на основании которых историк может подтвердить такой тезис?

— Ведь мы же тогда обанкротились, так что отнюдь не мы диктовали условия игры, а кредиторы.

---

* Мартин Круль (род. в 1944) — политический публицист, философ, историк идей; член редколлегии «Тыгодника повшехного». Кароль Модзелевский (род. в 1937) — политический деятель, историк-медиевист, действительный член Польской академии наук. Активист оппозиционного движения в ПНР, один из основателей и ведущих идеологов «Солидарности». Гжегож Колодко (род. в 1949) — экономист; в 1969–1990 гг. член ПОРП; эксперт правительственной стороны во время переговоров Круглого стола; в 1994–1997 гг. вице-премьер и министр финансов трех левых правительств; в 2002—2003 г. вновь вице-премьер и министр финансов в социалистическом правительстве Лешека Миллера. Прим. пер.

— Это было уже позднее — переговоры с Лондонским клубом и Парижским клубом, где сосредоточены кредиторы. Но существует еще и третья возможность — мол, не было заранее подготовленной альтернативной программы.

— А была?

— Я могу показать вам брошюру, в которой я доказывал, что следовало не уничтожать государственные предприятия, а всего лишь реструктурировать их. И есть еще четвертый ответ: у нас была гиперинфляция, а посему первый шаг к рыночной экономике надлежало выполнить решительным образом, так как пропасть не преодолевают по частям. Я не протестую против «теории большого взрыва» Бальцеровича, это был прыжок в иной мир: соотношение между спросом и предложением кардинально изменялось, в экономике начал доминировать рынок. Однако это вовсе не означает, что впоследствии надлежало продолжать такую однобокую политику! Но я в любом случае буду защищать Бальцеровича как мужественного и честного политика, потому что он выполнил первый шаг на пути, который Польше стоило пройти. А если бы не было того первого шага, то не было бы и всего остального.

— И вы не скажете, что это была слепая вера в неолиберализм?

— Была, особенно на первых порах. Но, возможно, без этой слепой веры в неолиберализм — точно так же, как без слепой веры Яцека Куроня, иными словами, без тех сильных, зачастую догматических убеждений, — людям не хватило бы мужества сделать некоторые вещи? И поэтому я считаю, что одно дело — спор с Бальцеровичем в вопросах экономического мышления и совсем другое — то, что он сделал для нас. Поскольку то, что он сделал, это основа.

— Не получилось ли, что «большой экономический взрыв» был оплачен слишком высокой ценой — ценой безработицы?

— А как иначе — в наших конкретных условиях — можно было перейти к рыночной экономике от экономики социалистической, обладающей гигантскими ресурсами «спрятанного про запас» труда, которые она была не в состоянии использовать? Упадок многих социалистических форм хозяйствования обязательно должен был произойти.

— Не слишком ли приукрашена ваша версия? Вы говорите о 25 годах огромного успеха...

— Какого огромного?! Это вы говорите «огромного». Я говорю — «очевидного». Очевидного успеха и вместе с тем огромных проблем. А как могла бы иначе выглядеть столь глубокая перемена? Столь радикальный переход к совершенно иной материальной цивилизации? Неужели вы думаете, что нечто подобное может произойти без проблем? Ну, конечно, какое-то время был бардак со всеми его последствиями! Но если сравнить Польшу с другими странами нашего региона, окажется, что у нас совокупный экономический рост — самый высокий. Обратите также внимание на то, как стабильна Польша — в экономическом, социальном и политическом плане. Считается, что в Польше неприемлемый уровень коррупции? Тогда поглядите, как выглядит коррупция в Чехии!

— Безработного пана Зенека из какого-нибудь Калиша нисколько не волнует, что в Чехии коррупция выше. Его волнует то, что у него нет ни малейших шансов на покупку всех тех чудесных диковин, которые ему показывают по телевизору.

— Я тоже считаю, что безработица — это самая серьезная проблема. То, что после падения коммунизма она должна была проявиться, — это понятно: ведь при таком системном переходе и банкротстве СЭВа иначе и быть не могло. Но потом мы демонтировали нашу систему профессионального обучения, и это было большой ошибкой. Мы поддались заблуждению, будто общее образование это лучший путь к социальному росту. Нет, это не так. Однако, если мы хотим укреплять конкурентоспособность народного хозяйства, мы по-прежнему не в состоянии использовать все трудовые ресурсы. И рецепт против этого один – другие формы профессиональной активизации, а не только чисто рыночные. К примеру, различные формы хозяйственной активности неправительственных организаций, иначе говоря, общественная экономика. В высокоразвитых странах в неправительственном секторе работает чуть ли не каждый десятый из числа занятых. У нас в десять раз меньше. Напоминаю, что когда мы были у власти, мы приняли закон об общественных организациях и волонтариате, но в стране по-прежнему отсутствует закон об общественном предпринимательстве.

— Значит, десять лет спустя вы по-прежнему довольны этим законом и предусмотренным им одним процентом отчислений от подоходного налога, которые каждый налогоплательщик может направлять на любые благотворительные цели? Это же какая-то карикатура, фактическая приватизация денег, которые идут на дорогостоящие терапии тех детей, чьи родители оказались достаточно оборотистыми, чтобы устроить шумиху вокруг их болезней.

— Идея «одного процента» была деформирована позже, когда указанные деньги разрешили вносить на индивидуальные счета. Но ведь в законе этого не было. Подобное решение противоречит сущности данного закона, и я постоянно об этом твержу. Этот вопрос то и дело возвращается на рассмотрение в комиссию Сейма, и там оставляют все как есть. Что это означает? Означает, что частные интересы ставятся выше общественных. А ведь этот один процент был задуман таким образом, чтобы усилить деятельность во благо сообщества, которой в Польше очень не хватает.

— Может быть, поляки не хотят этой «общественной деятельности»? Может, они крайние индивидуалисты, и хотят оставаться «на своем»?

— Видимо, так оно и есть. Но означает ли это, что так должно быть всегда? Пока что мы быстро растем, развиваемся, но все это держится только на свободных рыночных отношениях и на активности людей в частной сфере. Получается так, как если бы мы располагали ракетой с тремя двигателями, но пользовались только одним. Высоко так не улетишь. Мы летаем в сфере микроэкономики, на рыночных отношениях, на инвестициях фирм, на всем том, что основано на частной инициативе. А теперь требуется запустить два остальных двигателя: один — гражданский, второй — государственный. Без этого Польшу выше уже не вытащить.

— Вы, пожалуй, правы...

— Я знаю, что прав.

— Как профессор. А как политик?

— Как политик я предлагал много необходимых и оригинальных решений. И большинство теперь жалеет, что парламент их не принял, потому что в Польше было бы сейчас значительно лучше.

— Ну, выходит, вы были неправы, раз вам не удалось реализовать свои планы.

— Это не означает, будто я был неправ по существу. Но конечно же я пришел к выводу, что коль скоро мне не удалось претворить это в жизнь, когда по своей политической позиции я был четвертым лицом в государстве после президента, премьер-министра и маршала сейма, то всякому видно, что механизм, позволяющий реформировать Речь Посполитую «сверху» слишком слаб. А раз так, то мне придется действовать в сфере, которая непременно должна существовать в каждой цивилизованной стране, где есть некая элита, состоящая из наиболее активных и отважных граждан, людей, которые в состоянии влиять на общественную сферу ради общего блага.

— Вы думаете, что благодаря своим очередным отчетам и докладам вы оказываете воздействие на общественную сферу?

— Я думаю, что как профессор государственного высшего учебного заведения я сознательно возлагаю на себя обязанность высказываться публично и предлагать конкретные действия в важных для развития Польши областях.

— А вы не страдаете из-за того, что политики вас не слушают?

— Политика, которая доминирует у нас, политика, где власть добывается ради самой власти, меня не интересует.

Сотрудничество — Рафал Калюкин

Newsweek POLSKA

Ежи Хауснер — экономист, в 2001–2005 гг. был министром экономики и труда, а затем вице-премьером в правительствах Лешека Миллера и Марека Белки. Создатель в значительной части не реализованного плана реформы общественных финансов (так называемого плана Хауснера). Профессор Экономического университета в Кракове. Член Совета монетарной политики.

Я УМЕРЕННЫЙ ОПТИМИСТ, С УДАРЕНИЕМ НА «УМЕРЕННЫЙ»

С профессором Станиславом Флейтерским, польским экономистом и специалистом по банковскому делу, беседовал Лешек Вонтрубский

— Начнем с прошлогоднего конгресса экономистов…

— IX конгресс польских экономистов состоялся в Варшаве под лозунгом: «Экономика для будущего. Раскрывать природу и причины хозяйственно-экономических явлений». Организовало его Польское экономическое общество (ПЭО), заявляющее о своей более чем двухсотлетней традиции. Неоценимый вклад в проведение конгресса внесла профессор Эльжбета Мончинская, президент ПЭО.

Такие встречи происходят нечасто. Исторический первый конгресс состоялся более ста лет назад — в 1887 г. Последний проходил в 2007 г., очередной планируется на 2019 год. В работе IX конгресса, который проводился под патронатом президента Польши Бронислава Коморовского, приняло участие около 600 человек — среди них выдающиеся польские экономисты, а также три профессора из числа поляков, много лет работающих за границей, — из Германии, США и Великобритании. Конгресс был важным интеллектуальным и научным событием. Ученые размышляли, среди прочего, о причинах экономического кризиса и способах выхода из него. Причем единодушно признали, что во многом он имеет внеэкономические причины.

— Был ли конгресс переломной встречей?

— Конгресс представлял собой динамичные дебаты по вопросам актуального положения экономической науки в Польше и ее развития или, если кто-либо предпочитает, по вопросу о состоянии дел в польской школе экономики. Отдельные их участники утверждали, что у каждой страны имеется своя национальная экономика. Но ведь экономика-то одна! Зато я готов согласиться, что у каждой страны есть своя национальная специфика. Повсеместно говорится, что наукой под названием «экономика» иначе занимаются в Америке, иначе в Великобритании, Германии, Китае или Японии. Иной является, наконец, и польская экономическая школа.

— Какова она, эта польская экономическая школа?

— Обращаясь к польской экономике и делая это здесь и сейчас, я высоко оцениваю ее достижения. Схожего мнения придерживались также участники Конгресса. Они указывали на достижения проф. Оскара Ланге и особенно проф. Михала Калецкого, который занимался, в частности, анализом конъюнктурных циклов, эффективностью инвестиций, теорией национального дохода, эконометрией и методологией планирования. Калецкий снова стал модным на Западе, причем не только в Великобритании. Однако на вопрос о польской экономике после 1989 года ответить нелегко. Точно так же, впрочем, как и на дальнейшие вопросы: изменилась ли наша экономика за годы трансформации и в какую сторону пошли эти изменения? И чем, в конце концов, она отличается от той, которая существовала ранее? Часть специалистов считает, что мы в Польше не послушались совета Милтона Фридмана — американского творца монетаризма, представителя чикагской школы экономики, а также решительного защитника и пропагандиста свободного рынка. Фридман двадцать с лишним лет назад говорил, «что надо делать так же, как они делали в США, когда были такими же бедными, как мы теперь». Однако мы приняли тогда за чистую монету ту неолиберальную экономику, которую ранее сильно продвигали ведущие политики США или Великобритании.

— А как оценил неолиберальную экономику Конгресс польских экономистов?

— Многие из участников IX конгресса оценили ее весьма критически, придерживаясь мнения, что это доктрина *безнадежно устарела*, и от нее следовало бы избавиться, они считали, что указанная неолиберальная доктрина нам навредила. Сегодня польская экономика стоит на перепутье.

Нам необходимо быстро найти что-нибудь такое, что давало бы нам ответ на сегодняшние вопросы. Когда у китайского премьер-министра Чжоу Эньлая, представителя прагматического крыла маоизма и главного архитектора отношений с США, спросили по случаю годовщины Французской революции, как он оценивает ее достижения, тот заявил, что 200 лет — это слишком мало, чтобы понять, удался эксперимент или нет… Точно так же и у нас: пока прошло слишком мало времени (всего лишь около четверти века), чтобы оценить результаты трансформации.

— Означает ли это, что участники конгресса не давали никаких оценок?

— Оценки были, есть и будут. И они всегда разные. Лично я принадлежу к сторонникам максимально объективной, академической, беспартийной оценки. Мне кажется, что трансформация принесла как существенные положительные результаты, так и заметные, впечатляющие отрицательные последствия.

Положительным последствием трансформации является то, что наша экономика вошла в орбиту рыночной, иначе говоря, капиталистической экономики, а также ее модернизация. Однако на противоположном полюсе присутствует неравенство, факт существования многих недовольных. Ведь имеются как бенефициары, так и пострадавшие. Бенефициары, другими словами, средний класс, который формируется всё отчетливее, в наибольшей степени извлек пользу из трансформации. Вместе с тем значительная, слишком большая часть польского общества пострадала. И государство не может взять на содержание всех безработных, исключенных из жизни или бедных людей, которые не успели перестроиться, хотя отчасти это может быть и их вина.

Я издавна, почти изначально придерживаюсь центристских взглядов. Мне тоже не всё нравится, и мне не всё равно. Причем беспокоюсь я не о тех, кому удалось, а об их детях и внуках. Нашу польскую трансформацию я оцениваю на тройку с плюсом, ну, может, на четверку с минусом. Считаю, что на самом деле могло быть лучше, если бы не многочисленные недоработки, структурные ошибки или ошибки персонального характера. Вся эта история, связанная с приватизацией промышленности, сегодня оценивается по-разному. После 1989 года часть польского общества попала из огня да в полымя. Об этом когда-то писал в своих выдающихся книгах профессор Тадеуш Ковалик, писал ныне уже очень старый, но чрезвычайно заслуженный для Польши профессор Витольд Кежун, писал также профессор Яцек Титтенбрун.

— … из огня да в полымя?

— Книга «Из огня да в полымя» («Z deszczu pod rynnę: studium polskiej prywatyzacji») — это необыкновенная история польской приватизации, ключевого процесса трансформации нашего государственного строя. Необыкновенная не только ввиду количества посвященных ей страниц, но также по причине 12-летней работы автора над ней. Яцек Титтенбрун, профессор социологии из Познани, начинает свое повествование еще при реальном социализме и проводит его через все хитросплетения трансформации, которые та претерпела после 1989 года. Читатель знакомится со всеми ее большими и меньшими, громкими, менее известными и совсем неизвестными аферами и скандалами, которыми изобиловали в нашей стране все связанные с собственностью изменения. Специфика и достоинства социологического и гуманистического взгляда автора заключаются в том, что на эти зачастую запутанные истории мы смотрим с разных точек зрения. До сих пор такого взгляда на приватизацию в польской литературе не было.

Книгу эту, помимо научной компетентности автора, выделяет также огромный объем приводимых фактов, которые не подавляют читателя. Дело в том, что она не является типичной академической монографией, предназначенной и понятной для узкого или даже сугубо элитарного круга лиц. Напротив, стиль автора захватывает читателя целиком, не позволяя ему оторваться от текста, — так, как это бывает при чтении хорошего детектива. «А разве история нашей отечественной приватизации не была детективом?» — как бы подсказывает автор.

Второй том этой книги посвящен темным сторонам приватизации, которые проявились на предприятиях, «прихватизируемых» здешними капиталистами или кандидатами на роли таковых, а также разного рода патологиям, без коих не обходилась чрезвычайно популярная тогда стезя преобразований, связанных с собственностью, которая заключалась в создании акционерных обществ на

базе трудовых коллективов. Сильнее всего эти изменения ощутили те люди, кому во времена ПНР приходилось хуже всего, — иначе говоря, рабочие. Слишком многое было в ту пору продано слишком быстро и слишком дешево.

— А как выглядели экономические науки в период трансформации?

— Так же, как и сегодня. В Польше экономические науки — это три главные дисциплины: экономика, финансы и управление. О них же дискутировали и на конгрессе. Кто-то напомнил, что экономические науки — это науки и красивые, и грустные. Грустные, поскольку в них нет места для иллюзий. Иногда можно, правда, строить креативную бухгалтерию, но из нее мало что получается.

Экономика как наука обязательно должна сделать ускорение. Сегодня срочно требуются новые ответы на старые и новые проблемы народного хозяйства. Экономика — это прикладная наука, в которой предпринимаются попытки описывать, объяснять, сравнивать, оценивать, предвидеть и предлагать. Экономика отвечает на все шесть вышеперечисленных вопросов.

— Стало быть, начнем с описания…

— У нас есть проблема и с описанием, и с объяснением. Почему все обстоит так, а не иначе? Проблемы существуют у нас и со сравнением, поскольку временами наблюдаются методологические ошибки, в том числе и в области оценки. Когда мы оцениваем, например, приватизацию и говорим, что она была превосходной и удалась. Или когда при оценке открытых пенсионных фондов некоторые называют их замечательной идеей, почти восьмым чудом света. Получается, что все видят это по-своему, и обычно по-другому. Оценка является наиболее трудным делом. Ибо экономика — самая точная наука среди неточных наук и самая неточная среди точных. Это наука из пограничной зоны. Кроме того, она всегда была и продолжает оставаться политической наукой, особенно макроэкономика. Мы в Польше отошли от этого названия по идеологическим причинам и по-прежнему им не пользуемся. Недавно профессор Колодко отважился написать «Политическую экономию будущего»…

— Каким же образом оценить в свете сказанного состояние дел с развитием экономических наук?

— Думаю, сегодня эти науки уже в состоянии ответить на многие вопросы, но еще не на все. Мы не умеем, например, дать ответ на некоторые вопросы из области социально-экономической, монетарной, финансовой или налоговой политики. В экономике у нас имеет место некий хаос, слишком уж много тут разнообразных ответов. В экономике нельзя сформулировать универсальные законы. У каждой страны своя специфика. Мне, например, с давних пор нравятся скандинавские решения — так называемая шведская школа экономики и нордическая хозяйственно-экономическая модель. Там разумно говорится о симбиозе и о рынке, а одновременно об обществе. Замечу в скобках, что было бы приятно иметь в Польше норвежские финансы и южно-европейский климат, но не наоборот.

Ключом к решению проблем не могут быть крайне неолиберальные решения. Рынок — неплохой слуга, но скверный хозяин, другими словами, он по-прежнему неполноценен, неэффективен и ненадежен. Но и государство бывает — возможно, даже в большей степени — ненадежным, убогим, наглым, дорогостоящим, бюрократическим и неэффективным. Кстати, не только польское государство, но и другие тоже. Добавим сюда еще низкий уровень доверия к политикам, а также незаинтересованность граждан публичной жизнью. В монологах и диалогах польских политиков — слишком много популизма, риторики, пустых эпитетов, но мало программных споров по существу.

Форма экономики эволюционирует. Предпринимаются определенные попытки — при отсутствии панацеи — показать, как выглядит мир после кризиса. Сопутствует этому неуверенность и риск. Мы испытываем огромные трудности, пытаясь сформулировать ответ на последний из шести вопросов — вопрос о наших предложениях. Иначе выражаясь, что мы можем предложить миру и Европе, что позволит реальной экономике и народному хозяйству развиваться быстрее? Вопрос этот в значительной степени касается также Польши. Ведь если мы по-прежнему будем развиваться в том же темпе: 1,0%, 2,0% или даже 3,0%, — то никогда не догоним ведущие европейские страны, и наше отставание станет устойчиво долговременным. Лично я — умеренный оптимист, с ударением на слове «умеренный»…

— Многие страны развиваются быстрее нас; возьмем хотя бы Китай, Сингапур или Турцию…

— Ситуация динамична, ничто не дано раз и навсегда. Экономисты отнюдь не с сегодняшнего дня испытывают трудности со сравнением, поскольку каждая из стран характеризуется какими-то своими особенностями, другой географией, историей, демографией. Например, динамика развития Турции в XXI веке действительно может импонировать. На это работает сразу много факторов, как экономических, так и внеэкономических. Эта страна вдвое крупнее нас, со значительными сырьевыми ресурсами, сильным сельским хозяйством, она привлекательна для зарубежных инвесторов, а также для туристов. Разумеется, и у Турции хватает проблем. Но нам стоит анализировать турецкий опыт, стоит развивать контакты с Турцией. В этой связи добавим, что в последние годы эту страну относят к так называемой группе МИНТ (Мексика, Индонезия, Нигерия, Турция)…

— Тогда почему все-таки мы развиваемся медленнее?

— На то есть целый ряд причин. Во-первых, нас настигли последствия глобального кризиса. Как мы видим, в Польше не было классического кризиса, имела место даже не рецессия, а отчетливое замедление. От прежнего прироста валового национального продукта на 6, 5, 4% в год мы опустились до уровня около 0+. Отсюда рождается архиважный вопрос: в состоянии ли Польша развиваться быстрее? У меня такое впечатление, что нынешнее правительство выгорело — интеллектуально и с точки зрения предлагаемых программ. Оно концентрируется на использовании евросоюзных средств на 2014-2020 гг., в этом нелегком деле мы болеем за вице-премьера и министра инфраструктуры и развития Эльжбету Беньковскую. В то же время у правительства нет внятных и оригинальных идей для решительного оживления экономики и развития польского рынка труда. Одновременно Польша нуждается в инвестиционном скачке, за которым должен последовать рост потребления, а также увеличенный экспорт. Впрочем, как раз в этой сфере у нас довольно много успехов.

Профессор Гжегож Колодко говорил на конгрессе о так называемых «выдвигающихся странах», именуя их странами эмансипирующимися. Эти государства развиваются быстрее Польши, которая в ближайшем будущем тоже хотела бы эмансипироваться и перейти из положения экономически периферийной страны в группу стран, с которыми считаются и в Европейском Союзе, и во всем мире.

Думается, изменения к лучшему произойдут, когда к власти придут профессиональные экономисты, которым сегодня 30 или немного больше, которые получили хорошее образование, в том числе за рубежом, и у которых нет пороков, унаследованных из прошлого, нет партийного — иными словами, пристрастного, а временами и однобокого — взгляда.

Поводов для беспокойства у нас в Польше много: тут и демографические проблемы, и эмиграция, и старение общества, и трудности с пенсионной системой. А если говорить об инновационности, то приблизимся ли мы в ближайшие годы к нижней зоне средних стран?

Наша нынешняя политика, к сожалению, не способствует инновациям. То же самое относится и к ассигнованиям на науку, а также на исследования и развитие, на образование или, наконец, на здравоохранение. Справятся ли со всем этим наши правительства — сегодняшнее и последующие? И сумеют ли они действовать так, чтобы мы уже в самое ближайшее время поплыли в нужном направлении и в нужном темпе? Предвидеть в условиях современных турбулентностей в экономике, что случится в 2020 г., почти невозможно. Многое зависит здесь от событий за границей, от конъюнктуры в Европейском Союзе, в зоне евро, а особенно в Германии. И от наших отечественных корпораций, равно как от сектора микро-, малых и средних предприятий, а также от всех неправительственных организаций и, наконец, от банковско-финансовых учреждений. Таким образом, это зависит отнюдь не только от одного субъекта — не все зависит от правительства.

Имеет также смысл высказаться по поводу того, прислушиваются ли сейчас к мнению экономистов. И нужно ли их слушать? Есть ли им что сказать? Лично я считаю, что экономисты часто предоставляют правительственным и муниципальным политикам солидные знания. Но, тем не менее, им еще предстоит многое сделать. Ведь пока экономика как наука только становится на ноги. Ей всего лишь 238 лет. По сравнению с другими науками это немного.

Представляет интерес высказанное недавно мнение профессора Анджея Тарговского, польско-американского специалиста по информатике, одного из пионеров прикладной информатики в Польше, на тему неолиберальной экономики. Он считает ее мертвой и непригодной для решения современных проблем экономики. Экономическая теория, потеряв контакт с действительностью, превратилась в интеллектуальную игру. По его мнению, «академические экономисты подменили описание экономических процессов математической дефиницией разных вариантов общественного поведения, в которой самым важным становится поддержание безусловной строгости математических формул, а не выяснение того, как обстоят дела на практике». Это означает, что многие ученые потеряли ощущение здравого смысла. В результате мы имеем дело с самоубийственной финансовой системой, основанной на азартных, рискованных операциях, на чрезмерных денежных заимствованиях, на жизни в кредит.

Одним из последних сторонников неолиберальной теории в Польше является профессор Лешек Бальцерович, главный соавтор так называемой «шоковой терапии». Мне лично больше по душе ноопрагматизм и экономика умеренности, иначе говоря, «экономика середины»*. В этой системе делается попытка соединить несовершенный рынок с несовершенным государством. Рынок сам по себе не справится…

— Тогда в каком же направлении должна сейчас двигаться наука?

— Приведу здесь два направления. Первое состоит в том, что границы внутри экономических наук (это экономика, финансы и управление) лабильны. Должно существовать постоянное перетекание идей между ними, а экономические науки должны образовывать некое единство. Этим сферам надлежало бы сильнее и отчетливее кооперироваться между собой. Важно здесь также сотрудничество между исследователями, работающими в трех перечисленных дисциплинах. Во-вторых, экономика должна оставаться наукой из пограничной зоны, умело пользующейся достижениями других наук, в частности, хотя бы этики, психологии или же так называемых нейронаук. Чтобы сделаться хорошим экономистом, недостаточно быть только экономистом. Нет экономики без других наук. Один из постулатов Конгресса польских экономистов, причем очень сильно акцентированный, состоит в том, что экономика не может быть некой монодисциплиной, — она должна быть открыта на достижения других областей. Наука не может быть суммой оторванных одна от другой дисциплин, которые не сотрудничают между собой. Экономика должна найти себя в новые посткризисные времена.

Вне сомнения, Польша теперь иная, чем была четверть века назад. Многое удалось, но многое и не получилось, хотя могло бы. Главный вопрос касается не миллионов поляков, у которых все в порядке, а того многочисленного, огромного меньшинства, которое оказалось за бортом, не сумев справиться с переменами. У этих людей нет ощущения безопасности — финансовой или профессиональной. А значит, нам есть о чем переживать, есть о чем подумать. Экономика — это самое важное, самое интересное и самое трудное…

* Авторский термин профессора Станислава Флейтерского (прим. пер.).

Томаш Чехович

СОЗДАДИМ ПОЛЬСКУЮ СИЛИКОНОВУЮ ДОЛИНУ

Строительство научно-внедренческих предприятий, сотрудничество ученых с фирмами, приглашение зарубежных компаний к строительству у нас аутсорсинговых центров и привлечение в страну молодых, способных людей, уже получивших опыт за границей, — вот направление, которое должно быть принято экономической политикой Польши. Мы должны стремиться к тому, чтобы стать страной инновационных технологий.

Ответственный подход к вопросу развития заставляет использовать проверенные решения, равняться на лучшие образцы. Что приходит в голову, когда мы думаем о головокружительном развитии, увеличении стоимости? Где в последние годы мы наблюдали наиболее ощутимые результаты и крупные удачи? На ум приходит рынок новых технологий и успешность таких брендов, как Google, Facebook, Tesla Motors, а чуть раньше — Apple или Microsoft. Именно здесь мы видим небывалый рост, измеряемый в сотнях и тысячах процентах.

Польша должна стать инкубатором для предприятий в сфере новых технологий. Как это сделать? Прежде всего нужно снять как можно больше ограничений. Проблемой является эмиграция образованных, предприимчивых поляков. Нам необходим их предпринимательский дух, не позволяющий им сидеть дома сложа руки. Положительное влияние будет иметь приостановка этой тенденции, а ее прекращение было бы спасением. Нам нужны кадры, получившие опыт за границей.

В Польше, вопреки видимости, не хватает предпринимателей с европейским или мировым опытом. Отчасти это вытекает из того, что внутренний польский рынок — это заманчивая ловушка для предпринимателей. Его потенциал прельщает, но сосредоточиваясь на внутреннем рынке, мы тем самым сами себе создаем некоторые сложности. Нам необходимо больше людей — предпринимателей и менеджеров, — для которых большая вода мирового рынка не ночной кошмар. Необходимы программы, поддерживающие развитие рынка венчурного капитала и частных капиталовложений.

То, что фирмы из Силиконовой долины достигли своей мощи, используя капитал, происходящий именно из технологических инвестиционных фондов, должно быть своеобразным указателем, подсказывающим, в каком направлении двигаться. Благодаря современным технологическим возможностям таких устройств, как смартфоны и планшеты, мы живем в эпоху всеобщего доступа к широкополосному Интернету. Это хороший шанс для польской экономики. Поэтому динамичный скачок также требует развития отраслей с низкими барьерами вхождения в мировой рынок, как та же электронная коммерция, интернет-развлечение или динамично развивающиеся облачные вычисления. Кажется, что все козыри для создания подобного новаторского кластера есть у таких городов, как Варшава, Вроцлав, Гданьск и Краков.

Где эти идеи лучше всего воплотились в жизнь? В качестве одного из примеров я назвал бы Берлин. Этот город в последние годы интенсивно развивается. Причин тому несколько. Весьма важна хорошая инфраструктура, о чем мы в Польше прекрасно знаем. Относительно низкие цены на коммерческие поверхности в Берлине — это один из факторов, способствующих тому, что Берлин перестал быть просто крупным городом на востоке Германии. Вместе с тем Берлин располагает большим кадровым резервом, в том числе в виде приезжих. Это только еще одно подтверждение того, в чем мы точно отдаем себе отчет: эффективный рынок труда и хорошая инфраструктура — это необходимые условия развития. Сложность лишь в том, что требуются большие капиталовложения. И хоть такие инвестиции уже осуществляются, важно, чтобы это было грамотно выведено на соответствующий уровень.

Примером в более крупном масштабе должна служить для нас Турция. Номинальный ВВП на душу населения этой большой страны (вдвое превышающей размеры Польши) за последние десять лет вырос в три раза. ВВП на душу населения, измеряемый паритетом покупательной способности уве-

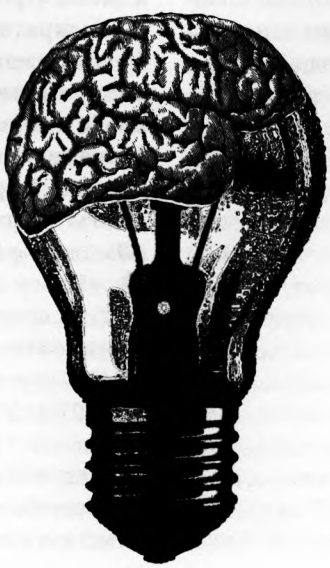
личился за это время вдвое, а уровень безработицы достиг в этом десятилетии самой низкой отметки и по-прежнему снижается. Турки могут похвастаться развитым внутренним рынком, диверсифицированной экспортной базой, разумной фискальной политикой, относительно небольшим публичным долгом (около 35 % ВВП!), здоровой банковской системой, прозрачной стратегией, направленной на создание в Турции финансового центра, упрощение налоговой системы и т. д.

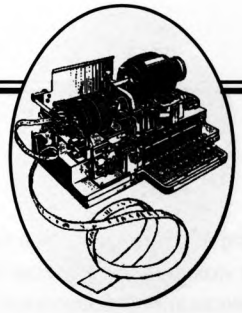
Многим из этого может похвалиться и Польша. В чем же тогда разница? В основном в том, что Польша похвастаться может, а Турция это уже делает. Ключом является широко запланированная промоакция. Польша должна ясно и прозрачно изложить свою стратегию и экономические взгляды, обозначить кратко-, средне- и долгосрочные цели. Цели соразмерные и достижимые. Результатом этих рекламных действий, поддерживаемых вышеназванной системой поощрений, будет привлечение в Польшу инвесторов. Опыт и капитал, предоставляемые бизнес-ангелами или фондами частных капиталовложений и венчурного капитала, будут своеобразной питательной средой для предприятий, возникающих внутри большого инкубатора, каким должна стать Польша.

Реклама страны, благоприятной для инвестиций, с бэк-офисными и информатическими кадрами высшего класса — а именно такими мы можем похвастаться уже теперь, — привлечет фирмы, желающие разместить здесь свои аутсорсинговые центры. Движение нашей науки по пути сотрудничества с предпринимателями привлечет, в свою очередь, большие фирмы, которые смогут основать здесь научно-внедренческие предприятия. По-моему такой аутсорсинговый кластер должен возникнуть при сотрудничестве таких городов, как Катовице, Познань, Щецин или Лодзь. Привлекая в Польшу таких работодателей, мы вернем назад живущих за границей поляков, одновременно обеспечивая трансферт технологий, ноу-хау и капитала. Тем самым мы создадим фундамент, на котором можно будет строить экономику, основанную на инновациях.

Все это необходимо сделать прямо сейчас. Ведь речь главным образом идет о устранении преград, а не о капиталоемком строительстве, что увеличивает наши шансы. Нужна только ясная стратегия и желание ее реализовать. В подготовленной таким образом среде творческая инициатива и предприимчивость поляков, с которыми я, как управляющий частными инвестициями, постоянно сталкиваюсь, сделают свое дело.

DZIENNIK GAZETA PRAWNA

Виктор Кулерский

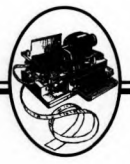
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

» **«1 июля в Брюссель прибудет 751 новоизбранный депутат Европейского парламента из 28 стран, входящих в ЕС, в каждой из которых прошли выборы в представительный орган Евросоюза (в том числе 51 депутат из Польши). Сначала депутаты принесут присягу, а две недели спустя примут первые решения. На первой пленарной сессии депутаты должны будут выбрать политика, который на ближайшие пять лет станет главой Еврокомиссии (это разновидность европейского правительства). (...) До недавнего времени такое решение принималось руководством ЕС — Советом Евросоюза. Теперь же, в соответствии с изменениями, внесенными Лиссабонским договором, роль Европарламента существенно возрастет. Совет ЕС сейчас лишь предлагает кандидата на роль председателя Еврокомиссии, а Европейский парламент утверждает его кандидатуру».** ***(Кароль Маныс, «Bloomberg Businessweek Polska», 14-21 апр.)***

» «Самый масштабный опрос относительно политических предпочтений поляков-избирателей перед выборами в Европарламент провел 16-23 апреля Институт исследования рыночных и общественных отношений «Homo Homini». Опрос касался не только симпатий к тем или иным политическим партиям, но и отношений к лидерам избирательным списков. Обычно в подобных опросах участвует 1 тысяча респондентов. В данном же случае это число анкетированных приходилось на каждое воеводство (исключение составило лишь Мазовецкое воеводство, где количество опрошенных было увеличено вдвое, поскольку в этом воеводстве находится два избирательных округа). Таким образом, общее количество респондентов составило 17 тыс. человек. Вот как предварительно распределились голоса польских избирателей в Европарламент согласно проведенному опросу: «Гражданская платформа» — 31% (то есть 17 депутатских мандатов), «Право и справедливость» — 30% (также 17 мандатов), Союз демократических левых сил — 13% (7 мандатов), крестьянская партия ПСЛ — 7% (4 мандата), коалиция «Европа плюс»/»Твое движение» — 6% (3 мандата), «Конгресс новых правых» — 5% (3 мандата). Остальные политические объединения не смогли преодолеть избирательный порог». *(«Жечпосполита», 7 мая)*

» **«От Европарламента зависит как формирование состава Европейской комиссии, так и ее отставка; кроме того, в его полномочия входит избрание председателя Еврокомиссии, отдельных комиссаров, а также представителя ЕС по вопросам заграничной политики (что-то вроде министра иностранных дел). В случае приема новых членов, а также заключения Евросоюзом международных договоров требуется согласие Европарламента. Годовой бюджет ЕС также должен быть одобрен Парламентом, а вступление в силу нормативно-правовых актов ЕС происходит только при подписании их председателем Европарламента. Многие вопросы решаются Европарламентом совместно с Советом Европы. Самые многочисленные фракции в Парламенте составляют Европейская народная партия (именно в нее входят польские «Гражданская платформа» и ПСЛ), а также Прогрессивный альянс социалистов и демократов, в котором состоят депутаты от Союза демократических левых сил. Отдельными группами выступают Альянс либералов и демократов за Европу, Европейские объединенные левые/Лево-зеленые Севера, зеленые, Европейские консерваторы и реформисты и другие фракции».** ***(По материалам «Bloomberg Businessweek Polska», 14-21 апр.)***

» «Итоги десятилетнего членства Польши в ЕС (...): средний уровень зажиточности поляков достиг 64% аналогичного показателя у англичан и 54% — у немцев (ранее этот уровень составлял 42%). У поляков в собственности в общей сложности 19 млн автомобилей, что на две трети больше, чем десять лет назад. Общая длина польских автобанов и скоростных шоссе составляет 3 тыс. км, а это значит, что она увеличилась за эти

годы вчетверо. Выручка крупнейших польских фирм увеличилась более чем на 80%. Доходы поляков в работающих семьях выросли на 75%, а пенсии — на 67%. На 132% улучшилось финансовое положение в семьях, занимающихся сельских хозяйством. (…) Почти в пять раз увеличилась сумма выданных банками кредитов. (…) В Великобритании проживает (*уже — В.К.*) свыше 600 тыс. поляков, что в 25 раз больше, чем десять лет назад». *(«Жечпосполита», 30 апр. — 1 мая)*

» **«По данным опроса ЦИОМа, целых 89% поляков одобряют членство Польши в ЕС. (…) 62% опрошенных убеждены, что евроинтеграция приносит их стране больше приобретений, чем потерь. Десять лет назад, когда мы только вступали в Евросоюз, такой точки зрения придерживались лишь 39% респондентов, опрошенных 6-12 февраля 2004 г. ЦИОМом». *(«Газета выборча», 30 апр. — 1 мая).***

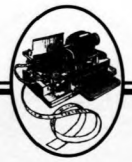
» «Общеевропейский энергетический союз, создать который предложил премьер-министр Польши Дональд Туск, должен, по идее, стать прагматическим альянсом, благодаря которому ЕС как структура мог бы приобретать энергетическое сырье для всех стран-участниц. Примером такой организации может служить Европейское сообщество по атомной энергии (сокр. Евратом), закупающее уран для стран Евросоюза, а также строящийся в настоящее время Европейский банковский союз, который также будет функционировать под управлением одной совместной структуры. Главным принципом здесь должна быть взаимопомощь в кризисной ситуации. Если бы одной или нескольким странам вдруг стали бы грозить перебои с поставками сырья, другие члены ЕС могли бы оказать им помощь. (…) В ЕС как минимум десять стран зависят от российского поставщика — «Газпрома», который покрывает свыше половины их годовых энергетических расходов. Хватает в Европе и стран, целиком зависящих от поставок с Ближнего Востока. (…) Предполагается, что финансовая поддержка данного проекта со стороны ЕС должна составить не менее 75% инвестиций в экономику стран, более всего зависимых от российского газа». *(«Впрост», 28 апр.—4 мая)*

» **«Мы должны соблюдать Лиссабонский договор, который признает суверенное право государств-членов ЕС самим определять способ решения своих энергетических проблем. Изменить этот порядок мы в ближайшее время не сможем. (…) Пока что о совместных закупках газа речь не идет», — Херман Ван Ромпёй, председатель Европейского совета. *(«Жечпосполита», 3-4 мая)***

» 25-я годовщина выборов 4 июня 1989 года. «Свое участие в торжественных мероприятиях уже подтвердили коронованные особы и руководители почти 20 государств. Кроме президентов США, Франции и Германии — Барака Обамы, Франсуа Олланда и Йоахима Гаука, в Варшаве ждут королевскую чету Бельгии, генерального секретаря ООН, а также лауреатов Нобелевской премии мира. Должна также прибыть делегация из Украины, но в связи с грядущими президентскими выборами в этой стране состав делегации пока неизвестен». *(Павел Вронский, «Газета выборча», 7 мая)*

» **В 25-летнюю годовщину Третьей Речи Посполитой «я бы отметил два исключительно важных достижения: оперативное создание практически «с нуля» динамичного сектора частного предпринимательства и проведение на законодательном и институциональном уровнях реформ рыночной экономики, которые стали одним из определяющих факторов, обеспечивших вступление Польши в ЕС. Третье важное достижение — это крупная и быстро развивающаяся экспортная отрасль, созданная на основе прямых зарубежных инвестиций и деятельности новых польских частных предприятий. К неудачам я бы отнес сворачивание пенсионной реформы и, как следствие, низкий уровень профессиональной активности поляков, рост трудовой эмиграции, а также отсутствие радикальных изменений в таких сферах, как здравоохранение и образование», — Станислав Гомулка, многолетний преподаватель Лондонской школы экономики. *(«Жечпосполита», 30 апр. — 1 мая)***

» Умер Мечислав Вильчек (1932-2014). «Польская рыночная экономика появилась на свет 23 декабря 1988 года. В этот день Сейм ПНР принял закон о предпринимательской деятельности, автором которого был Мечислав Вильчек, занимавший в то время пост министра промышленности в правительстве Мечислава Раковского. Содержание первой статьи этого закона до сих пор звучит весьма необычно: «Каждый имеет право

на свободный и равный доступ к осуществлению предпринимательской деятельности». Налоговые правила, а также нормы, регулирующие предпринимательскую деятельность, можно было изучить в течение одного вечера. Позже собственный бизнес уже никогда не был таким легким делом, как в те времена. «Необходимо было вырвать из рук чиновников право на принятие ключевых решений. (…) Благодаря этому закону в первый же, 1989 год появилось 2,5 млн частных предприятий, а в следующем году их стало еще на миллион больше», — вспоминал Мечислав Вильчек». *(Лешек Костшевский, Петр Мяучинский, «Газета выборча», 30 апр. — 1 мая)*

» **«Каждый десятый гуманитарий, получив образование, основал собственную фирму. (…) 9,6% лиц в возрасте от 25 до 34 лет с дипломами историков, философов, специалистов по польской филологии, культурологов и переводчиков открыли свой бизнес. (…) Среди выпускников медицинских ВУЗов такую инициативу взяли на себя 8,7%. (…) Меньше всего предпринимателей среди выпускников естественнонаучных факультетов — 4,2%. В этой группе отмечен самый высокий уровень безработицы (11,1%) и профессиональной пассивности (также 11,1%)». *(Сильвия Чубковская, «Дзенник — Газета правна», 13 марта)***

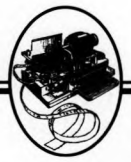
» Оценка Третьей Речи Посполитой согласно опросу, проведенному агентством «ТНС Польска». «В чем плюсы Третьей Речи Посполитой? В первую очередь — свобода (26% опрошенных). (…) Большой выбор товаров в магазинах (19%), возможность свободно путешествовать (также 19%). (…) Наиболее серьезным недостатком Третьей республики респонденты считают безработицу (46%) и «обнищание населения» (22%). Мы очень ценим явное повышение уровня жизни по сравнению с условиями, существовавшими в ПНР: улучшилось качество дорог, телекоммуникаций, электроприборов. (…) Три четверти опрошенных считают, что расслоение общества, произошедшее за последние 25 лет, — это явное поражение, зато 4% респондентов, напротив, отнесли это к главным достоинствам. Также немногие отозвались в подобном ключе о коррупции. (…) В принципе, половина из нас считает, что за последние 25 лет условия жизни изменились в лучшую сторону, а одна треть — что в худшую». *(«Газета выборча», 30 апр. — 1 мая).*

» **«Лешек Бальцерович стал лауреатом премии Милтона Фридмана «за развитие свободы», сообщил Институт Катона, который каждые два года присуждает премию, денежный эквивалент которой составляет 250 тыс. долларов за вклад в укрепление гражданских свобод». *(«Жечпосполита», 18 апр.)***

» «Мустафа Джемилев стал первым лауреатом премии «Солидарность», заявил министр иностранных дел Радослав Сикорский. 3 июня в Королевском замке в Варшаве президент Бронислав Коморовский лично вручит премию Джемилеву. (…) За свою правозащитную деятельность Джемилев провел в тюрьмах и ссылке в общей сложности 15 лет. (…) 25 лет назад он вернулся в Крым. Крымские татары выбрали его председателем Меджлиса — президиума Курултая (*парламента — прим. пер.*) крымскотатарского народа», — Вацлав Радзивинович. «Премиальный фонд составляют 250 тыс. евро, предназначенные для лауреата, а также 700 тыс. евро из программы «Польская помощь», которые Польша вложит в проект, указанный лауреатом, и 50 тыс. евро на ознакомительное путешествие по Польше». *(«Газета выборча», 8 мая)*

» **«Даже самым бедным полякам выгодна жестокая эксплуатация, которой Запад подвергает весь остальной мир. Вот, например, крупнейший польский производитель одежды, фирма «LPP» шьет свою продукцию в Бангладеш, и «славится» там своим жестким отношением к рабочим. Она долго не желала присоединяться к соглашению о соблюдении условий безопасности и охраны труда, и позаботиться о том, чтобы потолки и стены не падали рабочим на головы. Ее продукция всегда была дешевой, поэтому одежду марки «Reserved» охотно покупают те поляки, чье материальное положение явно оставляет желать лучшего», — Анджей Ледер. *(«Газета выборча», 12-13 апр.)***

» «Наши зарплаты составляют 46% ВВП, в то время как среднее вознаграждение в ЕС — 58%. (…) Еще в 2000 г. средняя зарплата в Польше составляла 55,5% ВВП. (…) В крупных компаниях принято, что руководитель зарабатывает в десятки, а то и сотни раз больше, чем рядовой сотрудник, и даже во время кризиса получает прибавки и премии. (…) Уже не первый год мы проигрываем борьбу за рабочие кадры запад-

ным странам, куда ежегодно выезжает немало молодых поляков, привлеченных, в том числе, высокими зарплатами. Медсестры, которые зарабатывают в Польше около 2,5 тыс. злотых «чистыми» в месяц, в Германии сразу же начинают получать 9 тыс. злотых». *(Александр Собчак, «Газета выборча», 23 апр.)*

» **«На 110 млн злотых увеличились в 2013 г. финансовые активы домашних хозяйств. Достигнутый рекордный уровень превысил 1,5 млрд злотых, что соответствует 93,1% ВВП (в Голландии этот уровень составляет 334,8%, в Великобритании — 295,8%, в Швеции — 246,1%, в Чехии — 108,7%, в Венгрии — 101,7%)».** ***(«Дзенник — Газета правна», 7 мая)***

» «В 2013 г. контролеры казначейства, расследующие крупнейшие мошенничества в налоговой сфере, выявили нарушений на целых 6,4 млрд злотых. Это на две трети больше, чем в 2012 г. и почти в три раза больше, чем в среднем обнаруживалось в 2008-2011 годах». *(Анна Чеслак-Врублевская, «Жечпосполита», 10 апр.)*

» **«Политики, которые обложили налогом самую строгую форму приема на постоянную работу, не только публично удивляются, но еще и возмущаются, что люди предпочитают заключать трудовые договоры, которые подлежат более низкому налогообложению. (...) Сам факт того, что предприниматель хочет принять на работу сотрудника, стоит фирме регулярных откупных — иначе и не назовешь ситуацию, когда трудоустройство на постоянной основе означает необходимость отчисления почти 60% всевозможных налогов и сборов в Управление социального страхования. (...) А политики лучше бы занялись реформами экономики, чтобы уехавшие на заработки поляки вернулись в страну», — Анджей Садовский.** ***(«Жечпосполита», 23 апр.)***

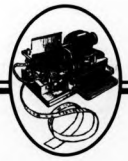
» «Центральное антикоррупционное бюро (ЦАБ) будет сотрудничать с ФБР в ходе расследования дела о подкупе лодзинских врачей концерном «GlaxoSmithKline» (GSK). Уже имеются прецеденты: концерн «Hewlett-Packard», признавшийся в даче взяток во время информационных торгов в Польше, будет вынужден заплатить 108 млн долларов. Доказательства по этому делу тогда собирали, в том числе, ЦАБ и ФБР. Год назад американская комиссия по ценным бумагам и биржам оштрафовала также фирму «Philips» за подкуп директоров польских больниц; размер штрафа составил 4,5 млн долларов». *(Изабела Кацпшак, Гражина Завадка, «Жечпосполита», 16 апр.)*

» **«Преследование депутатов за нарушение правил дорожного движения — это одна видимость. Сейм так затягивает процедуру, что по большинству дел просто истекает срок давности. А сами депутаты создали по этому вопросу своеобразную внепартийную коалицию. (...) С начала 2010 г. полиция безуспешно пыталась наказать 51 депутата, сенатора и депутата Европарламента».** ***(«Газета выборча», 8 мая)***

» «Представители вьетнамских спецслужб допрашивали в отделе польской пограничной службы в Белостоке граждан своей страны. «Это нарушение Женевской конвенции», — бьет тревогу «Общество свободы слова»». *(«Газета выборча», 24 апр.)*

» **«Целых 69% поляков не хотят, чтобы на берегах Вислы проживало больше людей с другим цветом кожи. И почти столько же граждан Польши считает, что дальнейший приток иммигрантов может навредить польской экономике. Так говорится в отчете Центра изучения предубеждений Института психологии Варшавского университета».** ***(«Тыгодник повшехный», 4 мая)***

» «Каждый шестой польский предприниматель дискриминирует иностранцев. (...) Крупные компании даже не реагируют на просьбы иностранцев принять их на работу. Такие выводы пришлось сделать в результате эксперимента, проведенного Институтом философии и социологии Польской академии наук. (...) На рынке труда чаще всех дискриминации подвергаются украинки, а в отношении вьетнамок такой тенденции не наблюдается. А вот среди мужчин больше дискриминируются вьетнамцы, чем украинцы. (...) Для польской столицы такая практика нехарактерна, однако за пределами Варшавы, в дискриминации замешан уже каждый пятый работодатель. (...) В большей степени к дискриминации склонны крупные фирмы — 19% таких предприятий дискриминируют сотрудников-иностранцев. (...) Реже к этому оказывается склонен средний бизнес — 15%, причем в этом случае дискриминации чаще подвергаются сотрудники украинского происхождения, нежели вьетнамского». *(Мацей Милош, «Дзенник — Газета правна», 29 апр.)*

» **«Польша не соответствует ни одному критерию гражданского общества. Если говорить о доверии людей друг другу, то по этому признаку мы занимаем одно из последних мест среди стран, в которых проводила свой опрос организация «European Social Survey» (ESS) в 2010 году. Точку зрения, согласно которой «большинству людей можно доверять», в Польше, по данным «Общественного диагноза» за 2013 г., разделяет лишь 12% жителей страны, а по данным ESS за 2010 г. — 22%. Это в три раза меньше, чем в Дании, Норвегии и Финляндии. Значительно реже, чем представители других народов, поляки склонны верить в добрые намерения своих близких. Всего лишь 14% наших соотечественников (меньший показатель только у Болгарии), по данным ESS за 2010 г., и 16% согласно «Общественному диагнозу» за прошлый год, убеждены, что люди чаще всего стараются быть полезными друг другу. (...) Независимо от нашего образования, возраста и достатка, мы остаемся верны старому коммунистическому принципу, воплощенному в поговорке, которая приписывается Сталину: «Доверяй, но проверяй»».** ***(«Рафал Джевецкий», «Дзенник — Газета правна», 30 апр. — 1 мая)***

» «Поляки не доверяют собственному государству, но при этом не пытаются изменить его демократическими методами. По сравнению с другими европейцами мы демонстрируем изрядную пассивность относительно участия в выборах и публичных акциях протеста, равнодушны к работе общественных организаций, мы нерешительны и недоверчивы. Мы в куда большей степени заняты разработкой собственной индивидуальной стратегии, позволяющей приспособиться к сложившимся условиям и обойти законы, нежели попытками действительно серьезного переустройства страны». *(Иоанна Сольская, «Дзенник — Газета правна», 7 мая)*

» **«Согласно отчету Главного управления статистики «Культура-2012», каждый гражданин в среднем тратит на свое культурное развитие всего 428,28 злотых в год — и в первую очередь это касается оплаты за телевидение. Большая часть этих денег уходит на кабельное телевидение (149,76 злотых) и интернет (114,48 злотых). На газеты и журналы среднестатистический поляк тратит в год 37,20 злотых, а на книги (не считая учебников) — 19,44 злотых».** ***(«Пшеглёнд православный», май)***

» «Необходимо бороться за то, чтобы польские деятели культуры принимали участие в телепередачах. Я верю в польскую культуру и ее создателей», — Богдан Здроевский, министр культуры и национального наследия. *(«Жечпосполита», 2-4 мая)*

» **«Разум — мой самый главный враг», — Добромила Яскот (р.1981), стипендиатка министра культуры и национального наследия, а также многих других организаций и фондов.** ***(«Рух музычный», апр.)***

» «С 1939 по 1956 гг. польское общество претерпевало глобальные, поистине революционные изменения. (...) Немцы реализовали одну часть наших тайных желаний — исчезли евреи. (...) Коммунисты выполнили вторую — в небытие отошла польская усадьба, символ превосходства шляхты и помещиков. Происхождение нынешних элит и среднего класса отдает какой-то постыдной нелегальщиной: деды и отцы этих людей селились в домах, оставшихся после евреев, грабили дворянские поместья, состояли в партии, короче говоря, демонстрировали полную моральную амбивалентность. (...) Это была великая общественная революция, но нам никогда не хватало смелости открыто это признать. (...) Мы оттесняем нашу революцию в подсознание. (...) То, что поляки расторопнее большинства своих соседей, является как раз следствием этой сметливости простого народа, скалывавшего гербы с дворца Замойских и мародерствующего в бывших немецких городах. Мы дети тех, кто тогда ловко воспользовался сложившейся ситуацией. И не хотим в этом признаваться. (...) Под видом псевдоблагородного равноправия в Польше запущен механизм социального неравенства. И в нашем восприятии мира люди по-прежнему делятся на господ и холопов. (...) Это видно на примере любой корпорации, где господствует именно такое отношение к сотрудникам более низкого звена. (...) Условная помещичья усадьба — это метафора нашей жизни. (...) Даниэль Бовуа подробно описал, как функционировало польское общество на восточных территориях — нужен был француз из Сорбонны, чтобы изобразить всю жестокость польской барщины. (...) Эти феодальные тенденции, на какое-то время сойдя со

сцены, вдруг воскресли в свободной Польше, так что структура нынешних корпораций примерно такая же. (…) Фундаментальные перемены, произошедшие в польском обществе, не изменили ни мышления, ни менталитета», — Анджей Ледер, автор книги «Революция, которую мы проспали. Занятия по исторической логике», изд-во «Критика политична». *(«Газета выборча», 12-13 апр.)*

» **«23-й «Марш живых» в Аушвиц-Биркенау. Трехкилометровой «дорогой смерти» прошли 10 тыс. человек. В этом году памятные мероприятия совпали с 70-й годовщиной депортации 430 тыс. венгерских евреев, которые в результате оказались в концлагерях. (…) Среди участников марша были, в том числе, главный раввин Израиля Меир Лау, а также свящ. Войцех Леманский». *(«Газета выборча», 29 апр.)***

» «Мариан Огоновский вспоминает военного (фамилия солдата ему неизвестна), отказавшегося бросить гранату внутрь схрона, где находились украинцы (среди них был Ян Паленга, который уцелел). Этим солдатом был самый старший из моих братьев, Эдвард Джядош, студент Замойской академии. Говорят, что в этом схроне находилась также женщина с шестью детьми. Когда командир отряда обвинил моего брата в неисполнении приказа, тот ответил: «Я оставил дома мать с младшими братьями, потому и не выполнил приказ». Нас было восемь. (…) Дальнейшая судьба брата трагична. Ему грозил смертный приговор, поэтому он покинул отряд Армии Крайовой и вместе с друзьями перешел в отряд Крестьянских батальонов в Пуще-Сольской. Он был арестован сотрудниками НКВД и 17 апреля 1944 года отправлен по этапу в СССР, где умер 19 мая 1945 года», — Рышард Джядош. *(«Тыгодник повшехный», 4 мая)*

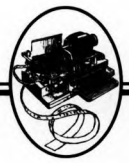
» **«Варшавский суд приговорил бывшего офицера Управления безопасности (УБ) 89-летнего Ежи К. к двум годам лишения свободы за издевательства над одним из политзаключенных во время сталинизма. К. уже отбывает наказание в виде трех лет тюрьмы за аналогичные действия в отношении других заключенных. (…) Первым офицером УБ, осужденным после демократических перемен 1989 г., был полковник Адам Хумер, небезызвестный начальник следственного департамента УБ, получивший 7,5 лет тюрьмы (умер в 2001 г. во время перерыва в отбывании наказания). Следствие и судебные процессы продолжаются. (…) Ни один из судей, которые в те годы выносили смертные приговоры, осужден не был». *(«Тыгодник повшехный», 4 мая)***

» «В ночь с субботы на воскресенье неизвестные осквернили памятник коммунистическому палачу генералу Ивану Черняховскому в Пененжно (Варминско-Мазурское воеводство). Инцидент произошел за несколько часов до официального визита российской делегации, приуроченного к Дню победы, который отмечается в России 9 мая. (…) Жители Пененжно выступили против торжественных мероприятий. (…) «Генерал Черняховский несет ответственность за аресты и отправку в Сибирь военнослужащих Армии Крайовой», — заявил вчера на пресс-конференции председатель партии «Право и справедливость» Ярослав Качинский». *(Дорота Ломницкая, «Газета польска цодзенне», 5 мая)*

» **«Цветы к памятнику генералу Ивану Черняховскому, палачу Армии Крайовой на Виленщине, возложили в воскресенье в Пененжно польская и российская делегации». *(«Наш дзенник», 9 мая)***

» «На самом большом в Европе кладбище советских солдат в Бранево, где покоится 31 тыс. погибших в 1945 г. во время Восточно-Прусской операции, вчера прошли торжественные мероприятия, приуроченные ко Дню победы, который в России отмечается 9 мая. Визит был организован губернатором Калининградской области. Вместе с ним в Польшу приехали ветераны, 400 байкеров и старшеклассники. Такие мероприятия регулярно проходят вот уже пять лет, но в этом году, в связи с российской агрессией на Украине, польская сторона не предоставила ни военного оркестра, ни почетного караула. Торжества также проигнорировали воевода и маршал воеводства». *(Павел Вронский, «Газета выборча», 5 мая)*

» **«С учетом 300-летнего опыта российской политики в отношении нашей страны, уровень польской русофобии, по моему убеждению, на удивление низок. (…) Ведь слово «фобия» дословно переводится как «страх». Если понимать под русофобией «страх перед россиянами», то есть все основания утверждать, что за последние недели этот страх мог усилиться, поскольку мы находимся по**

соседству с государством, чья политика несет потенциальную угрозу для нашего общества. (...) Сам я не русофоб — я не боюсь россиян, ибо они не обладают какой-либо политической дееспособностью. (...) Но я с уверенностью могу назвать себя «кремлефобом», поскольку возможные будущие действия Кремля меня пугают. (...) Не думаю, что наша оценка сегодняшней российской политики утрирована и необъективна в силу личных антипатий и фобий», — проф. Рышард М. Махниковский, эксперт французского Высшего совета стратегического образования и научных исследований. ***(«Польска збройна», май)***

» «В 2008 году, во время российской агрессии против Грузии, мой брат, находившийся тогда в Тбилиси, советовал остерегаться России, говоря: «Сегодня Грузия, завтра Украина, послезавтра страны Балтии, а потом может настать очередь Польши»», — Ярослав Качинский. *(«Super Express», 19—21 апр.)*

» **«Военные атташе стран НАТО, аккредитованные в Москве, впервые в истории приняли участие в мероприятиях, посвященных годовщине катынского преступления. (...) В Катынь от имени всего военного корпуса Североатлантического альянса и ассоциации военных атташе в России прибыли представители США, Франции, Германии, Италии, Голландии, Бельгии, Венгрии, Словакии и Эстонии. (...) «Этот жест имеет самое непосредственное отношение к сегодняшней политической ситуации. Надлежащая оценка прошлого позволяет нам соответствующим образом вести себя в будущем», — заявил генерал Петер Звак, военный атташе США».** ***(Из Катыни Петр Фалковский, «Наш дзенник», 11 апр.)***

» «Аннексия Крыма основательно перекроила сознание политиков. Путин поставил под сомнение саму основу стабильности в Европе — принцип нерушимости границ. Европа перестала быть стабильной и безопасной. (...) Кто знает, не дойдет ли в ближайшие дни до вооруженных столкновений. (...) Это может случиться 1 июля, а может и 1 сентября. Сегодня у Украины пытаются отнять Донецкую область, а потом дело дойдет до двух других важнейших промышленных районов. (...) Мы должны защитить Украину. (...) Ибо стратегическое положение Польши может существенно ухудшиться. Поэтому мы должны, во-первых, настаивать на передислокации американских воинских частей на территорию Польши. Во-вторых, в рамках ЕС необходимо создать энергетический союз. А в-третьих, Польша должна как можно скорее войти в «зону евро». (...) Это укрепит нашу безопасность», — Богдан Борусевич, маршал Сената. *(«Жечпосполита», 30 апр. — 1 мая)*

» **«В Славянске на Украине пророссийские сепаратисты угнали автобус, в котором ехали наблюдатели миссии ОБСЕ — четверо немецких, чешский, шведский, датский и польский офицеры, а также четверо сопровождавших их украинских военных».** ***(по материалам «Газеты выборчей» от 26-27, 28 и 29 апр.)***

» «В Польшу вернулся майор Кшиштоф Кобельский, которого, вместе с другими наблюдателями ОБСЕ, пророссийские сепаратисты отпустили на свободу». *(«Газета польска цодзенне», 5 мая)*

» **«47% поляков, опрошенных ЦИОМом 3-9 апреля, заявили, что независимость Польши, по их мнению, находится под угрозой. Противоположного мнения придерживается 41% респондентов. 80% опрошенных в качестве самого серьезного источника этой угрозы рассматривают Россию, 7% — Германию, 4% — Украину. Количество поляков, одобряющих членство их страны в НАТО, возросло до 81%. По сравнению с февралем 2014 г. рост таких настроений составил 19%».** ***(«Газета выборча», 18 апр.)***

» «Это уже война, и развязала ее Россия. Об этом заявили и премьер-министр, и министр иностранных дел. (...) Война нетипичная, и всё-таки война. Это важные слова, и очень хорошо, что они прозвучали. Однако следствием этого должна быть не только работа «по обеспечению безопасности наших границ», как сказал Дональд Туск. (...) Очень важна и наша ответственность за судьбу Украины», — Ежи Хащинский. *(«Жечпосполита», 5 мая)*

» **«Генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен находился в Варшаве с двухдневным визитом. (...) «Главной задачей альянса является защита населения и территорий стран, входящих в НАТО (...)»,— подчеркнул он в среду после встречи с министром иностранных дел Радославом Сикорским и министром обороны Томашем Семоняком.**

(...) О том, что в НАТО приоритетом вновь становится оборона территорий стран-участниц, Расмуссен беседовал вчера с президентом Брониславом Коморовским. (...) На встрече Расмуссена с премьером Дональдом Туском главной темой стало увеличение численности группировки НАТО в Польше». *(Петр Фалковский, «Наш дзенник», 9 мая)*

» «Четыре французских истребителя «Rafale» прибыли вчера на базу в Мальборке. Французские самолеты, прибывшие в Польшу, оснащены управляемыми ракетами «воздух-воздух». (...) Также на территории Польши находится 12 американских истребителей F-16C. (...) Премьер-министр Канады Стивен Харпер заявил о намерениях канадских властей направить в Польшу 6 перехватчиков CF-18 «Hornet». (...) На июнь запланировано прибытие на базу в Ласке очередных 18 F-16C (...). Их поддержат транспортные самолеты-заправщики KC-135 из 100-го крыла воздушной заправки США». *(Мацей Шопа, «Нова техника войскова», май)*

» **«На территории Польши будут находиться американские военные. Подразделения станут меняться, но само присутствие вооруженных сил США будет постоянным. В среду в Свидник прибыло 150 американских военных из 173-й воздушно-десантной бригады. По окончанию учений в Польшу будет направлено очередное подразделение, затем следующее, и так далее. (...) По мере необходимости численность военных, участвующих в учениях, может увеличиваться до бригады. (...) Не будем забывать и о постоянной оборонительной инфраструктуре США и НАТО в Польше — я имею в виду противоракетный комплекс в Редзиково, а также польско-американские базы Ariation Detachement в Ласке, находящиеся там с 2012 года. (...) Необходимо распространить такую практику и на сухопутные вооруженные силы...», — министр национальной обороны Томаш Семоняк. *(«Газета выборча», 28 апр.)***

» «Это стало политическим событием, почти таким же важным, как и само вступление Польши в НАТО. Американскую роту во главе с капитаном лично встречали министр национальной обороны и несколько генералов. (...) Встречу транслировали все государственные и частные телеканалы, о ней писали в газетах». *(Ян Видацкий, «Пшеглёнд», 5-11 мая)*

» **«Североатлантический альянс увеличивает количество истребителей-перехватчиков, патрулирующих небо над странами Балтии. Мы также благодарны польским пилотам, которые участвовали в этой миссии. С премьером Туском мы побеседовали об энергетическом союзе и начинаем работать над тем, чтобы перестать зависеть от российского газа», — премьер-министр Латвии Лаймдота Страуюма. *(«Ньюсуик Польска», 22 апр. — 4 мая)***

» «Мы должны от всей души поблагодарить господина Путина, за то, что он вернул нам веру в целесообразность союза Польши и США, равно как и в необходимость усиления НАТО», — Бартош Венглярчик *(«Жечпосполита», 24 апр.)*

» **Министр иностранных дел Радослав Сикорский встретился в Варшаве со своим канадским коллегой Джоном Бэрдом. Джон Бэрд: «На вчерашней встрече министров иностранных дел Канады и Польши мы подписали декларацию, координирующую наши совместные усилия по обеспечению будущего Украины как суверенного, неделимого и процветающего европейского государства, свободного от российского вмешательства и угроз. (...) Тесное сотрудничество Канады и Польши поможет Украине преодолеть мрачное наследие убийственного советского управления украинской экономикой, продолжавшегося 70 лет. (...) Польша и Канада не собираются мириться с российской попыткой передела границ в Европе». *(«Газета выборча», 25 апр.)***

» «Согласно результатам опросов, проведенных по инициативе американского International Republican Institute, ровно половина граждан Украины определяют свое отношение к Польше как симпатию, 34% — как нейтральное. О негативном отношении заявили только 15% респондентов. (...) Целых 98% жителей западной и центральной Украины демонстрирует теплое либо нейтральное отношение к Польше. Свыше 2/3 жителей восточных и южных украинских территорий оценивают Польшу позитивно, прочие — негативно». *(«Тыгодник повшехный», 13 апр.)*

» **«В Польше учится 36 тыс. студентов-иностранцев. Это на 23% больше, чем в прошлом году. (...) Свыше 15 тыс. из них приехало с Украины, 3 743 — из Беларуси, 1 580 — из Норвегии, 1 351 — из Испании и 1 251 — из Швеции». *(«Газета выборча», 11 апр.)***

» «Объем польского экспорта на Украину в 2013 г. составил 5,7 млрд долларов — его рост, таким образом, составил 8,5%. По данным министерства экономики, в январе этого года экспорт польских товаров на Украину снизился на 4,3%, а в феврале — на 18%. В апреле же, по неофициальной информации Польско-украинской хозяйственной палаты. 4 тыс. польских фирм представляет свои товары и услуги на Украине». *(«Bloomberg Businessweek Polska», 28 апр. — 11 мая)*

» **«Польша вместе со странами Запада поддерживает Украину не потому, что та уже стала демократической страной (ибо пока что не стала), а потому, что рассчитывает на демократическое будущее Украины. Благодаря организационной и финансовой помощи Украина имеет все шансы превратиться в стабильное государство с рыночной экономикой и заслуживающей доверия правовой системой — то есть, по сути, стать такой же страной, как наша. Это усилит безопасность ЕС, в том числе положение Польше на востоке, а также откроет польским и европейским предпринимателям новый рынок сбыта и инвестиций. Борясь за Украину, Польша борется за саму себя. (...) На Западе никто не сомневается, что украинцы — это самостоятельная, отдельная нация, в то время как президент Путин думает иначе». *(Анджей Талага, «Жечпосполита», 12—13 апр.)***

» «Россия почувствовала себя в опасности, когда НАТО стало приближаться к ее границам, игнорируя российские интересы на Балканах и Кавказе. (...) Прибалтика, Грузия, Молдавия, а теперь и Украина — яркий пример того, как бывшие российские окраины постепенно переходят из сферы влияния России в сферу влияния Запада. (...) Стратегическая инициатива принадлежит Североатлантическому альянсу. Когда несколько дней назад заместитель генерального секретаря НАТО заявил, что Кремль утратил статус «партнера», превратившись в «противника», ВПЕРВЫЕ за последние 20 лет мне стало как-то не по себе (*выделено мной — В.К.*)», — Роберт Станислав Терентьев, в 1994—2000 гг. продюсер ТВ «Полония». *(«Жечпосполита», 8 мая)*

» **«Корнель Моравецкий (деятель антикоммунистической оппозиции в ПНР, во время военного положения создал радикальную организацию «Борющаяся Солидарность» [раскольническую по отношению к подпольному Независимому самоуправляемому профсоюзу «Солидарность» — В.К.]: «Стратегическая цель нашей восточной политики — не допустить сближения Украины с Россией. И эта политика не считается с фактами и демографией. (...) Не так давно при несомненном участии Польши распалась российско-советская империя. (...) И теперь, когда из российских объятий силой вырывают суверенную Украину, получившую независимость именно благодаря России, мы называем это жизненно важным национальным интересом. Мы идем в этот тупик, совершенно не принимая во внимание возможного роста антипольских настроений на Украине. Ведущие польские политики и главные независимые СМИ поют в унисон, причем на одной фальшивой ноте. Они не слышат реальности»». *(«Пшеглёнд православный», май, по материалам «Жечпосполитой» от 17 февр.)***

» «Наследники КГБ (...) проводят запутанные операции по распространению своего влияния, широко используя дезинформацию. Более того — пытаются влиять на общественную дискуссию. (...) Один из их главных принципов звучит: «Всё не так, как кажется». (...) Он основан на внушении определенных взглядов и идей, призванных формировать взгляды общественности и элит на Россию», — Болеслав Пясецкий. *(«Жечпосполита», 29 апр.)*

» **«Общественности бывает довольно трудно разглядеть в тех или иных процессах результат работы агентов влияния. (...) За всю историю ПНР мы настолько освоились с деятельностью лиц, отстаивающих российские интересы, что осознание угрозы со стороны России вызывает у нас страх и беспомощность. С грустью приходится констатировать, что даже свободная Польша не может помешать Путину и его приспешникам манипулировать нами. (...) Но если нельзя на государственном уровне проконтролировать людей, оказывающих серьезное влияние на наши политические процессы, то, быть может, имеет смысл взглянуть сквозь увеличительное стекло общественного мониторинга на те месседжи, которые выставляют Россию в более выгодном свете, причем за счет Польши». *(Якуб Пацан, «Жечпосполита», 28 апр.)***

» «Руководство «Права и справедливости» решило, что достигнутое между польскими политическими партиями взаимопонимание относительно ситуации на Украине более не имеет смысла. (…) Всё бóльшее недовольство поддержкой Украины за счет отношений с Москвой открыто демонстрирует Союз демократических левых сил. Начинает дистанцироваться от новой киевской власти и крестьянская партия ПСЛ, поскольку боится, что в ответ на поддержку Украины Россия закроет границы для польских продуктов, что ударит по электорату этой партии». *(«Жечпосполита», 17 апр.)*

» **«В годовщину смоленской катастрофы перед президентским дворцом 70-летний священник Станислав Малковский… изгонял бесов. (…) В четверг он обратился к прибывшим на церемонию сторонникам «Права и справедливости»: «Прочитаем две простые молитвы, помогающие изгнать бесов. Чтобы злые духи покинули нашу отчизну, и все эти дома вокруг, и вот этот, рядом. (…) Место злых духов в аду, а не здесь». Нормально ли, что такие слова произносятся перед дворцом президента Республики Польша?».** ***(«Super Express», 12-13 апр.)***

» «Сейм принял подготовленную крестьянской партией ПСЛ резолюцию в связи с канонизацией Папы римского Иоанна Павла II. Голосование по резолюции, однако, не было единодушным. Депутаты «Твоего движения» проголосовали против, а Союз демократических левых сил вообще не участвовал в голосовании. Резолюция содержит выражения «Святейший Отец», «проповедник Евангелия Иисуса Христа», а также «Отец и Учитель»». *(«Тыгодник повшехный», 4 мая)*

» **«Парламент светского, казалось бы, государства призвал граждан к участию в религиозных торжествах. (…) Победила логика: нас, католиков, большинство, так что мы имеем право…», — Агата Новаковская.** ***(«Газета выборча», 25 апр.)***

» «Из репортажа о паломничестве в связи с канонизацией Папы-поляка (…): 1700 автобусов, 58 самолетов, 6 поездов, велосипедисты, автостопщики, сотни бегунов. Со всей Польши в Рим отправилось около полумиллиона паломников, при том, что общее число паломников со всего мира составило приблизительно миллион человек». *(Марта Мазущ, «Польска», 7-13 мая)*

» **«Сестра Бернадетта (конгрегация Сестер милосердия св. Карла Борромео в Требнице), осужденная за издевательства над воспитанниками сиротского приюта в Забже, проведет в тюрьме два года. Суд отклонил ее ходатайство об условном наказании. (…) Осужденная бывшая директор приюта уклонялась от отбывания наказания с 2011 года».** ***(«Газета выборча», 25 апр.)***

» «Специальный центр сестер-борромеек в Забже, куда попадали дети из неблагополучных семей, напоминал тюрьму. (…) Решетки, насилие в отношении подопечных. (…) Никто не обращал внимания, что дети приходят в школу с синяками и ссадинами. (…) Также никто не вмешивался, если дети долгое время не посещали занятия. (…) В ходе судебного следствия было доказано, что в приюте разрешалось и даже поощрялось сексуальное насилие в отношении детей. (…) Имели место систематические изнасилования, а те мальчики, которые были жертвами сексуального насилия, подрастая, начинали насиловать младших. (…) Управление образования не может контролировать деятельность церковных воспитательных учреждений, поскольку это запрещено условиями конкордата». *(Томаш Секельский, «Впрост», 22-27 апр.)*

» **«Суд Жешува постановил поместить Мариуша Т. в Национальный центр предупреждения асоциального поведения, расположенный в Гостынине. Эксперты пришли к выводу, что человек, который два месяца назад закончил отбывать наказание в виде 25 лет лишения свободы, представляет собой «угрозу обществу». Судебного реагирования ждут еще 27 заявлений, направленные в суды директорами тюрем в течение последних трех месяцев».** ***(«Тыгодник повшехный», 11 мая)***

» «»Куры-несушки, стоящие на телах мертвых птиц, психически страдают, подвержены стрессу, а также действию различных болезнетворных факторов. Больным и раненым птицам, к примеру, курам, практически полностью лишенным оперения, не оказывается надлежащий уход и ветеринарная помощь, их даже не изолируют», — говорится в заявлении относительно ситуации на птицеводческих фермах «Борковский», которое в прошлый вторник направила в прокуратуру общественная организация «Открытые клетки». На этих фермах находится 6 млн кур, из них лишь

200 тыс. размещены в курятниках, остальные же заперты в клетках. Ежегодно на этих фермах умирает 360 тыс. кур». *(«Впрост», 14-20 апр.)*

» **«Общество «Открытые клетки» проводит мониторинг условий жизни животных, разведение которых поставлено на промышленную основу. С декабря прошлого года по март нынешнего во время трех посещений животноводческих ферм были сделаны десятки фотоснимков и видеороликов. (…) На снимках с фермы «Борковский» видны раненые куры. (…) Также видны тела мертвых птиц, которые лежат в клетках с живыми курами. Некоторые мертвые птицы уже разлагаются. (…) Так, на одном из снимков голова мертвой куры лежит прямо на конвейере, по которому перемещаются яйца. (…) «Мы призываем потребителей не покупать яйца, полученные от куриц, содержащихся в клетках — такие яйца обозначены цифрой «3»», — обращаются к потребителям активисты «Открытых клеток»».** ***(Лукаш Возьницкий, «Газета выборча», 10 апр.)***

» «Организация «Greenpeace» представила новый доклад «Тяжелая судьба пчел». В его основе лежит анализ пробных образцов, взятых с цветов в 12 европейских странах, в том числе в Польше. (…) Образцы, которые были взяты в Польше, показывают, что использование токсичных для пчел сельскохозяйственных химикатов получило в нашей стране весьма широкое распространение. В докладе утверждается, что среди субстанций особо опасных для пчел в польских образцах обнаружили: хлорпирифос этиловый, азоксистробин, тиаклоприд, тебуконазол, а также тиофан метиловый. Бюллетень, выпущенный в прошлом году Постоянным комитетом ЕС по вопросам пищевой цепи и здоровья животных констатирует, что использование в сельском хозяйстве пестицидов ведет к уничтожению пчел и других опыляющих насекомых, приводя к их мгновенной либо медленной смерти, разрушая иммунитет и нервную систему». *(Кшиштоф Ковальский, «Жечпосполита», 2-4 мая)*

» **«Напрасны были усилия пчеловодов, требовавших прекратить использование химических средств защиты растений в радиусе хотя бы 100-150 м от пасек. Вступающее сегодня в силу распоряжение министра сельского хозяйства, касающееся условий применения средств защиты растений, содержит иные нормативы — химикаты по-прежнему могут использоваться на расстоянии не меньшем, чем… 20 м от пасек».** ***(«Жечпосполита», 8 мая)***

» Тадеуш Ружевич (1921-2014). Умер великий поэт и драматург, чьи произведения переведены на 49 языков. «После Аушвица он изображал мир, в котором «церковь значит намного меньше, нежели городская скотобойня, стадион, водокачка и кинотеатр «Аполлон»» (1947). Он повторял, (…) что литература умерла, и поэтому он говорит и пишет вопреки исчезновению поэзии», — Тадеуш Соболевский. «Самым прекрасным его текстом я считаю стихотворение «В середине жизни», написанное в 50-х годах. В нем поэт говорит: «человека надо любить / я учился ночью и днем / что надо любить / отвечал человека»(Перевод Асара Эппеля)», — Адам Загаевский *(«Газета выборча», 25 апр.)*. «На вопрос «Откуда берется зло?», он отвечал: «из человека / всегда из человека / и только из человека / человек это сбой в работе природы / это ошибка», а в стихотворении (…) «Без названия» (2007-2011) он усилил этот тезис: «убивали друг друга / убивают / и будут еще убивать / каиново племя / заселили землю / отравили воду / засорили космос / палачи всего / живого / режут без устали / святых и невинных», — Януш Джевуцкий. *(«Жечпосполита», 25 апр.)*

УМЕР ВОЙЦЕХ ЯРУЗЕЛЬСКИЙ

На 91-м году жизни после продолжительной болезни скончался Войцех Ярузельский. Несмотря на всю свою неоднозначность, он останется одной из важнейших фигур современной Польши и Европы.

ГЕНЕРАЛА ЯРУЗЕЛЬСКОГО ВСПОМИНАЮТ:

проф. Анджей Фришке, историк ПНР, член Польской Академии наук и коллегии Института национальной памяти

Войцех Ярузельский был сложной фигурой, как сложными были судьбы поляков после войны. Его выбор и решения, которые привели его на вершину коммунистического истеблишмента, — это был выбор значительной части общества, которая приспособилась к факту, что Польша оказалась в советской сфере влияния. Важнейшее для него время — это 1981 год, а затем все 80-е годы. Тогда в его руках сконцентрировалась вся полнота государственной власти. Когда в феврале 1981 г. он стал премьером, то поначалу пробовал разрешить нараставший в Польше конфликт мягкими средствами, заняв весьма умеренную позицию. Но летом 1981 г. он свернул с пути компромисса и решил — в значительной мере под давлением Москвы — защищать систему, что завершилось введением военного положения и ликвидацией «Солидарности». Дальнейшая его эволюция — переговоры Круглого Стола и переход власти к оппозиции — показала, что он был способен преодолеть собственные ограничения. В 1989 г. он показал себя человеком гибким и проявил такие качества, которых от него никто не

ожидал. И здесь он был последователен, нет ни одного его высказывания, в котором он усомнился бы в правильности выбранного тогда пути.

Александр Квасневский, бывший президент Республики Польша
Судьба не поскупилась по отношению к поколению, к которому принадлежал Войцех Ярузельский. В его биографии есть все: шляхетская семья, учеба в католической школе, война, Сибирь, где он работал на лесоповале. Есть Народное Войско Польское, с которым он идет на фронт и на этом фронте сражается. Позже — послевоенный период. Пожалуй, нет ничего, что не выпало бы на долю людям поколения, к которому принадлежал Ярузельский. Они пережили все.

Ярузельский, несомненно, останется в истории как одна из наиболее крупных фигур польской политики второй половины XX века. Его будут помнить как соавтора двух решений, оказавшихся принципиальными для Польши. Первое — это военное положение, решение спорное, но оно, по убеждению Ярузельского и многих других, спасло тогда страну и предотвратило советскую интервенцию. Второе решение, которое стало замечательным итогом его политической карьеры, — это Круглый Стол, то есть путь от диктатуры к демократии. Это убедительная декларация, что диалог — самое лучшее решение, а эволюционный путь может принести Польше максимальную пользу.

Владислав Фрасынюк, легендарный вождь подпольной «Солидарности»
Когда кто-то умирает, то о нем говорят или хорошо, или ничего. В день смерти генерала Ярузельского я буду вспоминать только хорошие вещи. В 1989 г. он согласился на Круглый Стол и на выборы 4 июня, которые принесли победу «Солидарности». И это позитивный фрагмент деятельности Войцеха Ярузельского. Более того, генерал согласился с результатом выборов 4 июня и включился в строительство независимой Польши. О том, что происходило раньше, мне пришлось бы говорить плохо, поэтому сегодня я об этом промолчу.

Лех Валенса, бывший президент Республики Польша, первый председатель «Солидарности»
Что бы там ни говорили, а ушел один из великих деятелей. Он принадлежал к поколению, которому было хорошо известно, что такое предательство. Нас предал Запад в 1939 году, а затем — в 1945-м. Люди этого поколения вели себя по-разному. Некоторые пробовали войти в систему и развалить ее изнутри. Другие входили, но потом не выдерживали, так что разобраться во всем этом страшно трудно. Оставим это Господу Богу. Я проигрывал генералу сражения, чтобы в конце концов выиграть войну. Генерал Ярузельский не хотел отдавать власти. Хотел выиграть, как всякий, но проиграл. Его предала собственная коалиция.

Я встречал его в последние годы, когда уже ни один из нас не был у власти. Во время этих встреч он был иным человеком: раскованным, симпатичным, очень умным. Он производил совсем другое впечатление, чем тот человек, которого я знал прежде.

Архиепископ Войцех Поляк, примас Польши
Всегда, когда мы сталкиваемся с тайной человеческой смерти, мы должны прежде всего проявить милосердие к тем, кого она затрагивает, — семье, близким. Жизнь каждого человека — это тайна, поэтому мы взываем к милосердию Божию для каждого из нас. Я думаю, что молитва о милосердии Божием для генерала Ярузельского должна быть в наших сердцах.

ДОСТОЕВСКИЙ — РЕАКТИВАЦИЯ

Беседуют Адам Поморский и Гжегож Пшебинда

Время переосмысления

Адам Поморский: Если бы сегодня мы задались вопросом о присутствии Достоевского в сознании читателей, следовало бы заметить, что его, конечно, по-прежнему читают. Не иметь понятия о его книгах просто неприлично, насколько в нынешней культуре вообще можно что-то считать приличным или неприличным. В последние годы «Братья Карамазовы» и «Бесы» в моем переводе — два огромных романа — полностью прозвучали в отрывках в радиоэфире «Двойки»* в прекрасном исполнении Адама Ференцы. Никто — ни он, ни я, ни редакция — не ожидал столь живого приема. Слушатели реагировали на это, как на новость, что-то свежее по языку и мысли, старались не пропустить ни одного отрывка, из самых отдаленных уголков Польши они присылали нам и на радио электронные письма, делясь впечатлениями.

Силён, однако, и стереотип, сводящий Достоевского к трем мотивам: идеологии народа-богоносца, антипатии к полякам, а после нескольких рюмок водки — приписываемому ему суждению «раз Бога нет, то все позволено». Это, кажется, три основных элемента стереотипа. Имеет смысл опровергнуть это упрощение.

Начнем с поляков, Бог может немного подождать. Убеждение в том, что Достоевский был настроен антипольски, имеет два источника. После смерти писателя поднялась волна критических высказываний о нем со стороны его недавних оппонентов, либеральных и социалистических авторов — в самой России и на периферии Империи, а значит, также в Польше. Покойному антагонисту приписывали, в частности, великодержавный шовинизм, немного по принципу «кто не с нами, тот против нас». В Польше с этими обвинениями выступил в своих воспоминаниях Шимон Токажевский, тридцатью годами ранее товарищ Достоевского по сибирской каторге, который в общей сложности 37 лет провел в тюрьмах и ссылках — человек трагической судьбы, но, к сожалению, не слишком большого ума. Неприязнь Достоевского к себе лично он интерпретировал как выражение антипольскости — тогда как сам провоцировал ее своим поведением на каторге. Представим себе эту сцену в сталинском лагере: вновь прибывший отказывается пожать протянутые ему руки товарищей по несчастью, ибо он, польский шляхтич, не будет брататься с уголовным сбродом. (Курьезность такого поведения в свое время подчеркивал скончавшийся недавно Збигнев Жакевич**). После большевистской войны устоявшуюся уже тему мнимой антипольскости Достоевского подхватил в известном очерке Ежи Стемповский***. Хуже обстоит дело с подтверждением этих обвинений в текстах Достоевского.

Гжегож Пшебинда: Подобная ситуация была с Александром Солженицыным. Когда он умер, по Польше прокатилась волна критики, в которой его обвиняли в антипольскости. Конечно, с польской точки зрения можно полемизировать со многими тезисами Солженицына, но Солженицын никогда не был поляконенавистником, как не был и сторонником возрождения российской империи. Он очень много писал против империи. Подобные клише и стереотипы появляются в отношении многих русских писателей.

---

* Вторая программа «Польского радио», уделяющая большое внимание литературе, театру, философии и серьезной музыке. Здесь и далее прим. пер.

**Збигнев Жакевич (1933-2010) — польский писатель, публицист, русист, историк русской литературы.

***Ежи Стемповский (1893-1969) — польский публицист и литературный критик. Имеется в виду очерк Стемповского «Поляки в романах Достоевского».

А.П.: Недоразумение с Достоевским основано, собственно, на восприятии двух его произведений — «Дневника писателя» и «Братьев Карамазовых». В романе появляются карикатурные образы двух польских шулеров. На основании косвенных данных можно сделать вывод, что это белорусско-польская шляхта с кресов. Сам Достоевский происходил именно из этой шляхты, что вполне осознавал. Мотив польского картежника уже некоторое время был в русской литературе общим местом. После восстания 1863 г. этот мотив появляется в так называемом «антинигилистическом романе», возникшем по инициативе обер-поляконенавистника Каткова. В этом жанре пробовало свои силы десятка полтора писателей, самым выдающимся из них был Николай Лесков. Однако если в подобных тенденциозных романчиках поляки (шулеры или нет) были бунтовщиками, нигилистами, то есть социалистами-революционерами, то в «Братьях Карамазовых» этого мотива нет.

Г.П.: Но таких поляков в российской империи было немало. В борьбе за независимость, сложно было рассчитывать на понимание правых российских сил, поэтому сочувствия искали у левых. Ведь нас поддерживали не Катков или Леонтьев, а Герцен.

А.П.: Но ведь я не пишу антинигилистического романа, не принижаю ни польских, ни русских левых или либералов.

Проблема с «Дневником писателя» в том, что его читают в отрыве от контекста. Антипольские, казалось бы, высказывания Достоевского касаются конкретной политической акции. Во время русско-турецкой войны в Болгарии (1877—1878) Достоевский произносит диатрибы* против ватиканского (а тем самым против австрийского) проникновения в круги польской ирредены**. Очень похожую позицию позже занимал в Польше Цат-Мацкевич***. с той разницей, что он приписывал стремление спровоцировать польское диверсионное брожение в тылу русских войск, то есть на Волыни или же в Румынии, английскому агенту, который должен был склонить к этому князя Адама Сапегу — одного из организаторов созданного тогда тайного Национального правительства****, лидера стремившихся к независимости, и конечно же католических, краковских консервативных кругов. Делать из критических замечаний Достоевского по этому вопросу вывод о его антипольскости — недоразумение.

В этом контексте также следовало бы задуматься, что, собственно, означает символ Великого инквизитора. Достоевский не был автором, но был сторонником тезиса о том, что идея Универсальной Империи после первого (древнего) и второго (католического) Рима переходит именно к социализму. Прообразом служили хотя бы начинания иезуитов в основанном ими индейском государстве в Парагвае. Социалистическую, протототалитарную преемственность католицизма олицетворяет именно Великий инквизитор. Вопрос только в том, кто был воплощением социализма в таком понимании? Революционные французы или католические поляки? А может, одни и другие? Из рассуждений автора получается именно так.

Г.П.: Здесь как раз можно найти кое-какие обоснования неприязни Достоевского к полякам как к католикам, но, прежде всего, как к соперникам России на территориях, говоря нашим нынешним языком, Украины и Беларуси. После смерти папы Пия IX в 1878 г. одним из кандидатов на место главы апостольской столицы был польский кардинал Мечислав Халька Ледуховский. В «Дневнике писателя» Достоевский бил тревогу и писал, что кардиналы не должны быть настолько неблагоразумными, чтобы выбрать поляка папой. Папа-поляк не проводил бы в жизнь социалистических идей, а лишь воскрешал бы идею великой Польши. Фоном является спор между Польшей и Россией о территориях Ягеллонской Речи Посполитой: украинских или белорусских.

---

* Диатриба — жанр античной литературы, выросший из публичной философской проповеди, обращенной к простому народу.

** Ирредента — часть этноса, составляющая меньшинство населения в пределах данного государства, но компактно проживающая в непосредственной близости к государству, в котором близкий или идентичный ей народ составляет большинство.

*** Станислав Мацкевич, псевдоним Цат (1896 — 1966) — польский политический публицист, консерватор.

**** Национальное правительство — главный орган власти в период январского восстания на давних землях Польши.

Позволю себе привести in extensor* фрагмент из Достоевского, который был убежден, что никогда уже не будет Старой Польши, то есть, не только той, что была до 1772 г., но вообще независимой Польши, в каких бы то ни было границах: «Есть Новая Польша, Польша, освобожденная царем, Польша возрождающаяся и которая, несомненно, может ожидать впереди, в будущем, равной судьбы со всяким славянским племенем, когда славянство освободится и воскреснет в Европе. Но Старой Польши никогда не будет, потому что ужиться с Россией она не может. Ее идеал — стать на месте России в славянском мире»**.

А.П.: Поэтому нужно рассмотреть отношение Достоевского к украинцам и белорусам. Шулеры в «Братьях Карамазовых» произносят тост за Польшу в границах до Первого раздела, а значит, с украинскими и белорусскими землями. Об этот неотъемлемый постулат польского движения за независимость разбились в 1863 г. переговоры с украинским движением, которые вел дядя Джозефа Конрада Стефан Бобровский. В «Дневнике писателя» Достоевский ставил полякам этот лозунг в вину, но, делал это, скорее защищая украинцев и белорусов, чем во имя благосостояния империи.

Составляя комментарии к «Бесам», я внимательно изучал всю публицистику и записные книжки писателя, в которых ему не надо было считаться с цензурой. Необыкновенно интересен его подход к проблеме общественной эмансипации в период реформаторского брожения после смерти Николая I (1856). Эти проблемы широко обсуждались в Петербурге и во всей империи. Речь шла о четырех вопросах: об эмансипации крестьянства, то есть, отмене крепостного права, что на практике означало отмену рабства, а параллельно (как в США) — об эмансипации женщин, кроме того, об эмансипации системы просвещения и свободы слова, а также о национальных отношениях. Размышляли, как согласовать отказ от национального гнета с сохранением цивилизованной государственной целостности. Достоевский в этом вопросе сверх ожидания верен Белинскому. У него нет ни одного слова, противоречащего надеждам какого-либо народа: польского, украинского, белорусского. Во всех перечисленных сферах с железной последовательностью он высказывается именно за эмансипацию, за гражданскую свободу.

Характерна история закрытия газеты Достоевского в 1863 году. В связи со смертью брата и необходимостью взять на себя содержание его многодетной семьи писатель залез в долги и вынужден был бежать из страны. Но за что он лишился газеты? Одним из его публицистических тезисов была констатация разрыва между образованными слоями в России и так называемым народом (по-русски «народ» так же как по-немецки «Volk» означает и народные массы, и нацию — *прим. автора*). Этот разрыв толкает просвещенных к доктринерству, модернизационные реформы превращает в орудие тирании, убивающей всякую идущую снизу предприимчивость, и наконец, возбуждает ненависть этого народа даже к благороднейшим представителям интеллигенции. Это делает невозможным создание политического представительства, зато прокладывает дорогу разным «бесам» с их программой превращения абсолютной свободы в абсолютное порабощение. И вот, именно в мае 1863 г., когда в Петербурге и Москве царит исступленный антипольский, антиукраинский и антибелорусский шовинизм, передовица в газете Достоевского распространила этот диагноз на шляхту, создававшую польское движение за независимость. А далее автор утверждал — внимание! — осознавая, ведь, что он пишет: когда Польша, наконец, вернет себе государственную независимость, ей придется столкнуться с этой проблемой. Катков, шовинист, состоявший на службе у правительства, воспользовался случаем и с помощью доноса устранил конкурента-журналиста (а заодно и идеологического оппонента). Газету закрыли.

Может быть, кто-то найдет в наследии Достоевского действительно антипольские высказывания. Я не нашел.

Новые переводы

Г.П.: Достоевского нужно читать. Полагаю, что сегодня его, к сожалению, не читают. В течение многих лет я, как все более старый преподаватель Ягеллонского университета, уговаривал студентов читать Достоевского. «Бесов» читали неохотно — это трудный роман из-за множества персонажей. Если бы количество действующих лиц в «Бесах» уменьшить в 10 раз, то и тогда их было бы

* In extenso: полностью, целиком, дословно (лат.) — Прим. пер.

** Ф.М.Достоевский, «Дневник писателя». Октябрь 1877 год — Глава третья — Прим. пер.

еще слишком много. «Идиота» читают охотней, благодаря простому сюжету. С «Преступлением и наказанием» знакомятся еще в школе, и это не лучшая идея, так как средняя школа — это такой период в развитии человека, когда для такого чтения время, наверное, еще не наступило.

В своей жизни я несколько раз возвращался к Достоевскому, и каждый раз меня привлекало в нем что-то другое. Когда я попытался понять его в целом, он предстал передо мной как кто-то, кто показал миру сложные отношения человека с Богом. В 1991 г. Иоанн Павел II говорил на краковской Рыночной площади, приблизительно цитируя Достоевского: «Бога необходимо принять, ибо если Его нет, то все позволено». У Достоевского, однако, нет такого тезиса. В «Братьях Карамазовых» один из героев — Иван Карамазов — говорит, что, если нет бессмертной души, то все позволено. Старец Зосима отвечает Ивану Карамазову, что, значит, он счастлив, если в это верит, или наоборот — несчастлив… Ведь в зависимости именно от того, верит он в бессмертие души или нет, он будет творить добро или пойдет убивать… Я, однако, сегодня уже не приемлю тезиса Достоевского о том, что нравственность должна вытекать из веры в существование Бога, в бессмертие человеческой души. В 80-е годы этот тезис был для меня очень важен. Сейчас уже нет. Но Достоевскому как раз этот тезис был очень близок, и он упрямо защищал его, особенно в конце жизни. У меня сложилось впечатление, что таких людей, которых изображал Достоевский, было немного (Кириллов или Иван Карамазов). Отчасти он наделял их своим мировоззрением. В одном из писем читателю, отвечая на обвинение в том, что с этим Богом и нравственностью все совсем не так, писатель говорит, что, если нет бессмертия души, то мы можем спокойно жить за счет других. Достоевский и его герой Иван Карамазов свято верили в это. Писатель делал из этого другие выводы, так как старался веровать, хотя, вероятно, не был ортодоксальным верующим.

А.П.: Леонтьев и Соловьев, кажется, справедливо подозревали, что он, скорее всего, не был правоверным христианином.

Г.П.: Тем не менее, у него все же появляются выводы, которые сегодня для меня уже неприемлемы. Достоевский был нам нужен, когда мы спорили или даже, можно сказать, боролись с коммунизмом. Тогда была очень популярна повесть об Антихристе Соловьева и мире «или-или». Сегодня некоторые вещи у Достоевского следует пересмотреть. Мы уже знаем, что много зла принесли люди, которые очень верили в Бога. В XX веке во имя Его совершено множество преступлений. Адам, ты переводил «Бесов». Считаешь ли ты, что образ Шатова, который верил в «русского Бога» и отдельную нравственность для каждого народа, был близок самому Достоевскому?

А.П.: Прежде всего, герои Достоевского — это, как мы знаем, персонажи интенциональные. Согласно принятой (хотя иногда и подвергаемой сомнению) интерпретации, взгляды здесь расписаны между противоположными персонажами. Alter ego автора не существует. Это диалектический способ изложения взглядов, диалектический в буквальном смысле — с помощью спора. Такая конфронтация — это художественная и мировоззренческая основа прозы Достоевского. Может быть, ни один из этих персонажей взгляды автора не представляет, но все вместе они их представляют, включая и те, от которых он сам отрекается. Это очень современная техника повествования. Поэтому Достоевского стоит читать — он не навязывает свою точку зрения, а втягивает нас в дискурс.

Г.П.: Но те герои, которые отрицают Провидение и веру в бессмертие души, в его романах всегда терпят поражение.

А.П.: В его романах поражение терпят вообще все. Даже Алеша Карамазов не является положительным персонажем. Впрочем, герои постоянно преображаются.

Г.П.: «Братья Карамазовы» были первой частью большого целого, которое, к сожалению, не появилось.

А.П.: На основании нереализованного намерения сложно делать какие-то выводы. Для меня Достоевский, а я встречал многих, кто так его читал, гротескно смешон. Об этом в Польше редко говорится.

Г.П.: В твоем переводе «Братьев Карамазовых» это хорошо видно. В переводе Вата хуже. Но в оригинале текст Достоевского бывает необыкновенно забавен. Мы читаем текст и хохочем иногда до упаду. Он иронист, ему удается веселиться и смеяться над самим собой.

А.П.: И это вторая причина, по которой его стоит сегодня читать. Эта черта его писательства тоже очень современна. Мандельштам, описывая Данте, представил его как парвеню в аду, который не знает, что делать с руками, не знает, как себя вести, дурно воспитан, а встречает призраки одних аристократов. Если бы не Вергилий, который хватает его за полу, Данте вызывал бы в аду скандал за скандалом. Из этих нанизываемых скандалов возникает ход повествования. Мандельштам верно замечает, что именно так пишет Достоевский. «Братья Карамазовы» начинаются со скандала в монастыре, а потом у нас битых 52 печатных листа одних скандалов.

Г.П.: Видно, что повествователь, описывая эти скандалы, веселится вовсю.

А.П.: Да, его это необыкновенно забавляет.

Г.П.: Он описывает мученика без головы, который шел со своей головой в руках и целовал ее, заливаясь слезами…

А.П.: Похожие сцены можно найти в «Бесах». В этом романе и сам язык гротескный. У Достоевского персонажи отличаются не только идеями, целями, но и языком. Каждый герой говорит по-разному. В старых переводах это сглаживалось — все говорили одинаково. Федька Каторжный, старший и младший Верховенские, Ставрогин и Кириллов — все говорили одним и тем же языком. Если перевод не передает стилистических различий, то теряется суть этого романа. Это ведь бесы, то есть черти (как в Евангелии). Эти черти говорят гротескно деформированным языком. Стоит только нивелировать стиль, как вдруг все теряет смысл.

Г.П.: Я считаю, что Адам должен перевести все Пятикнижие Достоевского, начиная с «Преступления и наказания», затем «Идиота», «Бесов» и, наконец, «Подростка», который не так известен, но необычайно важен.

А.П.: «Братья Карамазовы» не вполне прочитываются без «Подростка».

Г.П.: И пятое звено этой цепи — «Братья Карамазовы» — конгениально переведенные Адамом Поморским. У нас теперь есть «Бесы» и «Братья Карамазовы» в твоем переводе, но нам нужны новые переводы всего остального Достоевского. В старых переводах Достоевский слишком красив, слишком изыскан. Чтобы хорошо перевести этого писателя, нужна языковая смелость. Иначе он будет казаться нам анахроничным.

Новые интерпретации

Г.П.: Как я уже говорил, я не принимаю у Достоевского двух вещей. Его убежденности в необходимой связи нравственности с верой (тогда у атеистов, как, например, у Альбера Камю, нет ни обязанности, ни права творить добро) и отрицания связи веры с разумом. А из этого в России часто рождался национализм, например, у поздних славянофилов. В «Дневнике писателя» Достоевский слишком близок Шатову. Существует рациональный и общепринятый тезис, в соответствии с которым писателю близки те герои, которые говорят языком, приближенным к публицистике из «Дневника».

А.П.: С «Дневником писателя» все обстоит не так уж просто. В нем есть целый иронический слой, который нужно очень внимательно вычленять из сказанного. Есть и слои эзопова стиля, из цензурных соображений.

Г.П.: Но помнишь, что говорил в «Бесах» Шатов: нет одного добра, нет одного Бога, у каждого народа есть свой отдельный Бог, у каждого народа есть свое отдельное добро. Если бы Достоевский хоть наполовину принимал то, чем наделил Шатова, он был бы опасным идеологом.

Во времена советской России с Достоевским боролись, он не был включен в школьный список литературы, его не читали, считали реакционным писателем. Владимир Соловьев полагал, что Шатов — один из бесов, и что в этом персонаже Достоевский показал карикатуру на национализм. Согласно Соловьеву, такие воззрения были Достоевскому чужды. В то же время Сергей Булгаков в одном из своих очерков о Достоевском утверждал, что у писателя было очень много общего с Шатовым. Конечно, это не так просто. Но в полемике с Достоевским мое мнение таково: нельзя выводить нравственность только из религии, предполагая, что лишь религиозный человек имеет право творить добро, а атеисты этого права лишены. У нас было много достойных атеистов и много подлых верующих.

А.П.: В одном из афоризмов Лец пишет, что, если сказать «Бога нет», то вздрогнет даже атеист. С Шатовым и бесами Соловьев был на верном пути. Шатов — это один из бесов. Достоевский умышленно вкладывает свои рассуждения в уста бесов. Эта дьявольская одержимость России относится и к нему. В автокомментарии он пишет, что обнаруживает внутри себя всю историю с Нечаевым, этим конспиратором-убийцей. В «Бесах» очень ясно видно, что Достоевский так никогда и не отрекся от собственной социалистической традиции. Он рассказывает, что сам был нечаевцем: ведь кто поручится, что его юношеские взгляды не претерпели бы такой эволюции?

Г.П.: Появляется ли у Достоевского понятие «христианского социализма»? У меня на полке стоит изданная в 1991 г. в Новосибирске книга «Христианский социализм», где собраны тексты упомянутого Сергея Булгакова — того, который очень ценил Достоевского, но в то же время обвинял его в тесных связях с национализмом, говоря, например: «Шатов поистине оказывается идеологическим предшественником того болезненного течения в русской жизни, в котором национализм становится выше религии, а православие нередко оказывается средством для политики. Этот уклон был и в Достоевском, который (...) художественно объективировал в образе Шатова этот соблазн беса национализма, прикрывающегося религиозным облачением».

А.П.: Мне кажется, что это понятие родилось во Франции и относилось к деятелям вроде священника Ламменэ*, а позже к католическим модернистам. Но я не уверен. Достоевского в поздние годы очень удовлетворяла формула: консервативный социализм. И в этом случае он шел против течения времени. Защищал Фурье, защищал Белинского — не идентифицируя уже себя с их взглядами, защищал их от реакционных и консервативных публицистов.

Задержимся ненадолго при проблеме христианской нравственности. Отец Зеньковский**, которого я очень ценю как историка русской мысли, замечает, что первоочередной вопрос у Достоевского это антропология, а не религия. Человеком — согласно этой антропологии — всю жизнь управляют два одинаково сильных инстинкта, находящиеся в постоянном споре друг с другом: инстинкт свободы и инстинкт (именно так!) нравственности. Это непреодолимая антиномия. Когда одно берет верх над другим, начинается деформация человеческой личности и общества, появляются бесы, идеологический морок и преступление, жестокость и геноцид. Не знаю, верен ли тезис о христианской нравственности как единственной альтернативе. Христианская нравственность у Достоевского противопоставлена свободе. Нет христианской нравственности без свободы, а у него они должны быть противоположностями, в постоянном конфликте, в динамическом равновесии. Гениальность этого предчувствия эпохи модернизма, а даже постмодернизма, состоит именно в формулировке этой антиномии.

Г.П.: Интересно было бы исследовать, насколько часто в романах Достоевского и его публицистике появляется свобода как позитивная ценность. Я не помню ни одного из героев, который говорил бы о свободе так, как ты ее здесь представил. Герой «Записок из подполья» ищет чего-то, противоположного свободе, ищет вседозволенности...

А.П.: Но он сам — отрицание антропологического идеала, о котором я говорил раньше. Достоевский в своем памфлете показывает его отрицательным героем.

Г.П.: Но ведь он должен был исправиться. Достоевский даже написал соответствующий эпилог к «Запискам из подполья», правда, цензор его вымарал, а потом тот эпилог куда-то навсегда пропал... Я вижу у Достоевского три типа героев. Два из них важны. Есть те, кто убежден в том, что Бог существует, а душа бессмертна. Не задумываясь об этом, они творят добро, хотя их и терзают разные сомнения. Это такие странные персонажи: Соня Мармеладова или Алеша Карамазов. Князь Мышкин — довольно спорный персонаж.

А.П.: Соня Мармеладова тоже персонаж непростой, это падшая гностическая София.

Г.П.: И есть персонажи, которые утратили эту веру, но тоже хотят спасти человечество в мире без Бога. С точки зрения Достоевского, Великий инквизитор был моралистом. Он ведь мог распутничать,

---

* Юг-Фелисите Робер де Ламеннэ (1782 —1854) — французский философ и публицист, аббат, один из основоположников христианского социализма.

** Василий Васильевич Зеньковский (1881- 1962) — русский философ, богослов, педагог. Философское учение Зеньковского включало метафизику, гносеологию и антропологию.

мог жить за счет других, так как уже не верил, и все же он хотел организовать общество тоталитарным образом, чтобы люди как-нибудь «протянули» свою жизнь.

И есть третья категория героев, которые вообще не считаются, как, например, суфражистки в «Бесах». Достоевский явно высмеивает этих персонажей. Есть огромная разница между Петром Верховенским, принадлежащим к третьей группе, и Иваном Карамазовым из второй. Иван Карамазов руководствуется идейными мотивами в значительно большей степени, нежели Петр Верховенский, который хочет обрести власть, а при случае покушать и выпить…

А.П.: Карамазова можно бы сравнивать со Ставрогиным — тем более что им обоим является дьявол.

Г.П.: В некотором смысле они стоят на одной стороне, отвергнув трансцендентный мир, Бога, веру в бессмертие души. Иван Карамазов вполне мог бы быть аскетом, мог воплощать свои идеи в жизнь, отказываясь от ее соблазнов. Апокалипсический мир — это важная часть пространства Достоевского. Демонические герои, такие как Ставрогин, Иван Карамазов, в какой-то степени выражают мировоззрение самого писателя. Они утратили идею Бога, но все же хотели осчастливить человечество в этом мире. Ставрогин, впрочем, лишь до того момента, когда превратился в неисправимо пресыщенного циника.

А.П.: У меня немножко другая интерпретация. Два персонажа, которых ты упомянул — Инквизитор и Иван Карамазов — это превосходные примеры антропологии, о которой мы здесь говорим. Великий инквизитор отрицает свободу. Отрицание свободы вызывает на противоположном полюсе отрицание нравственности (ведь исчезает свобода человеческой личности). После отказа от полюсов антиномии единственный выбор — это тирания и тоталитаризм. Достоевский это только предчувствовал, а мы знаем. Здесь, действительно, невозможна ни свобода, ни нравственность. Инквизитор — это воплощение нигилизма, поэтому неплохой точкой отсчета будет ницшеанство.

Г.П.: Ты говоришь это как читатель, интерпретатор Достоевского, но сам Великий инквизитор убежден, что свобода и нравственность в его мире возможны.

В конечном счете, придумал Великого инквизитора Иван Карамазов. Но прежде он, потеряв веру в потусторонний мир и в нравственность, придумал антиэтический трактат под названием «Геологический переворот». В нем Иван доказывал, что, поскольку человек утратил веру в Бога, то те, у кого все еще остается осознание этого, вырастают над человеческой массой, над плебсом, становятся пророками, вождями. На этом уровне не действует никакая нравственность, кроме нравственности сильнейшего. Когда Иван Карамазов позже создает идею Великого инквизитора, он предпринимает героическую попытку преодоления этого антиморализма из «Геологического переворота». Иван пытается спасти мир без Бога. Мы, конечно, знаем, к чему это привело в XX веке. Но, с точки зрения героев Достоевского — я имею в виду его героических атеистов, то есть ту вторую группу персонажей — мир должен быть нравственным настолько, насколько это возможно в пространстве, где нет воскресения человека.

А.П.: Это персонажи, которые неустанно преодолевают сами себя. Вопрос только, успешно ли. Такова их динамика: они не заняты ничем другим, помимо преодоления самих себя.

Г.П.: Идея Великого инквизитора — это крик души Ивана Карамазова. Он сам называет этот фрагмент романа поэмой. Мы можем назвать его антипоэмой, так как он представляет мир, в котором добро подверглось фальсификации. В то же время не следует никогда говорить — «Легенда о Великом инквизиторе», потому что это было бы наивно и банально.

А.П.: Великий инквизитор задуман, как персонификация проблемы преемственности трех Римов — древнего, католического и социалистического. Великий инквизитор в своем образе через отрицание соединяет свободу социалистов и нравственность католиков. Это столкновение приведет к катастрофе, не знаю, как насчет геологической, но к исторической определенно. Затем мы узнаём, что Ивана Карамазова посещает черт. Черт циничен тривиально, недостойно Ивана. Раз уж автора посещает черт, это ставит под сомнение достоверность поэмы о Великом инквизиторе.

Г.П.: Когда Ты читал «Записки» Достоевского, то наверняка нашел короткий фрагмент, где говорится, что разум и вера это две взаимоисключающие вещи.

А.П.: «Разум и вера взаимно исключают друг друга» — с этим не может согласиться ни один католик. Именно здесь начинается вопрос о христианстве.

Г.П.: В другом месте Достоевский говорил, что социализм — это не только дело рабочих. Социализм — это новый общественный проект, это новая Вавилонская башня.

А.П.: Когда Иван Карамазов говорит, что он не от Бога отрекается, а только возвращает билет, он действует во имя нравственности, причем нравственности добра. В качестве обоснования своей позиции он приводит негативные примеры жестокости по отношению к детям, еще неспособным активно проявлять добро: поэтому их нравственность лишь пассивна. Это еще одно искажение однозначности образа Ивана, но и зрелая форма замысла «Исповеди Ставрогина», только намеченной в «Бесах». В то же время это и положительный пример антиномии свободы и нравственности: в позиции героя они остаются в динамическом равновесии. Иван возвращает билет во имя нравственности, то есть совершает акт свободы во имя нравственности, все сходится. Это три фазы: Иван Карамазов по отношению к страдающим детям, Великий инквизитор и этот тривиальный черт, который все выворачивает наизнанку. Тривиальный, потому что олицетворяет нигилизм.

Г.П.: Некоторые тезисы, которые высказывает Карамазов, в отрыве от его мировоззрения вполне приемлемы. Например, его сочувствие к страданиям детей. Анна Григорьевна Достоевская, хорошо понимавшая своего мужа, утверждала, что в образе Ивана Карамазова Достоевский изобразил некоторые черты Владимира Соловьева.

А.П.: Сегодня особенно стоит читать Достоевского. Приведу самый простенький пример: политизированные мировоззренческие разногласия в Польше вписываются в политическую проблематику Достоевского, о которой мы мало сегодня говорили. Достоевский позволяет нам в тривиальности конфликта заметить неожиданную глубину. Всем нам так опротивел польский ад, что мы не хотим замечать, насколько все серьезно. Тем временем, вопрос вполне достоин Достоевского.

Г.П.: Я читаю Достоевского уже, наверное, лет тридцать, это такой особый мир, эти герои для меня — реальные личности. Я часто думаю о них с сочувствием. И я восхищаюсь тем, с каким сочувствием Достоевский относится к униженным и оскорбленным. И к животным. Например, это проявляется в драматической сцене с клячей, которую замучили пьяные изверги (то ли сон, то ли детские воспоминания Раскольникова). Когда я читаю Достоевского, то забываю, что читаю. Это происходит всегда, даже теперь, и напоминает мне юношеские годы, когда мы читали, иногда даже не зная, кто написал данную книгу, сосредотачиваясь только на сюжете и судьбах героев. И это есть у Достоевского.

Выслушал и записал Гжегож Янкович

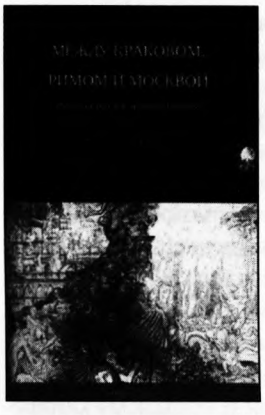
TYGODNIK POWSZECHNY
KATOLICKIE PISMO SPOŁECZNO-KULTURALNE

Адам Поморский — эссеист, литературный критик, переводчик, председатель польского ПЕН-клуба. Перевел, в частности, «Братьев Карамазовых», «Бесы» Федора Достоевского, «Фауста» Гете, «Мы» Евгения Замятина, стихи Рильке, Есенина, Ахматовой, Элиота.

Гжегож Пшебинда — русист, историк идей, преподаватель Ягеллонского университета, автор ряда исследований, в том числе: «Между Москвой и Римом. Религиозная мысль в России XIX и XX веков» (2003), «Ад с видом на рай. Встречи с Россией 1999-2004» (2004).

Жорж Нива

О ЖЕСТОКОСТИ ИСТОРИИ И ДУХОВНОМ СВЕТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ — ГЛАЗАМИ ПОЛЬСКОГО РУСИСТА

Книга Гжегожа Пшебинды «Между Краковом, Римом и Москвой» вызывает у меня много личных воспоминаний. Она частично посвящена польской русистике, ее истории, ее трудному и героическому возникновению и развитию в еще «пленной» Польше, где русский язык был языком угнетателя и тирана — то есть коммунистической России. Я сам встречался с этой польской волной русистики 70-ых и 80-ых годов. Дружил с Анджеем Дравичем, который был учителем и стал другом студента, а потом плодотворного ученого Пшебинды. Живо помню конференцию о Борисе Пастернаке, проходившую в Ягеллонском университете осенью 1983 года, через полгода после отмены военного положения. Виктор Ворошильский и Анджей Дравич были только что освобождены от принудительного пребывания в каком-то молодежном лагере на берегу Балтийского моря. Финал романа «Доктор Живаго», рассуждения друзей покойного Юрия Андреевича Живаго о русской истории в свете античности («Так Греция стала Римом, так русское просвещение стало русской революцией») получали новое драматическое, грандиозное значение в контексте тогдашней польской ситуации. Там я и познакомился с молодым, восторженным студентом — русистом Гжегожем. А потом, в 1988 году я пригласил его на конференцию в Женеву, посвященную тысячелетию Крещения Руси. Уходила безбожная Россия, возрождалась христианская Россия. Было много надежд — далеко не все исполнились… Пшебинда сделал обширный доклад о восприятии мысли и творчества Владимира Соловьева в Германии. Соловьев стал стержнем его подхода к России, так сказать его поводырем по жгучим противоречиям «русской идеи».

Я любовался этой польской русистикой, которая так мужественно росла вопреки столь неблагоприятным обстоятельствам. Дравич был самым ярким примером этой новой польской русистики. Совершенно верно рисует Пшебинда его портрет, портрет щедрого, открытого искателя, для которого «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова был ключом к русской истории и к русским мытарствам. То есть двойное дно романа — иерусалимское и московское, христианское и большевистское — значило, что Россия не какой-то совершенно обособленный мир, которого умом никогда не понять, и в особенности гордому «иноплеменнику». В России общечеловеческие проблемы попросту (если можно так сказать) ставятся острее, чем в благоустроенной Европе. Пшебинда помнит, что Дравич часто говорил что «в России надо жить долго», повторяя заветную мысль Николая Гоголя (хотя сам Гоголь собственному совету не последовал).

Книга Гжегожа Пшебинды это нечто большее, чем просто сборник статей и умных эссе. Это также попытка самопознания польского русиста времен застоя и времен «Солидарности». Момента, когда русская культура нашла убежище в эмиграции, в тамиздате и самиздате — хотя и в СССР она вовсе не умерла. Жгучие полемики того времени ощущаются во многих фрагментах этой книги. Дравич резко полемизировал с Михаилом Геллером и Александром Зиновьевым. Он правильно считал, что сохранилось больше, чем принято было думать в определенных антисоветских кругах. Так же, как Дравич, думал «диссидент не по своей воле» Ефим Эткинд. Трудно было найти правильный путь между резким отрицанием и неким тайным приспособленчеством.

Сам Пшебинда резко осуждает актуальную вплоть до наших дней традицию жестокости в русской истории. Но при этом он ищет и находит духовный свет в русской культуре. Меня всегда поражала и восхищала влюбленность, характерная не только для польской русистики, но и для некоторой части польского общества, в русскую религиозную мысль. Эту любовь к русской духовности все мы ощущали у папы Иоанна Павла II. Польская русистика странным образом особенно увлекалась русским славянофильством и подарила нам в этой области ценнейшую книгу Анджея Валицкого. Пшебинда посвящает ему особенно интересную главу, в которой анализирует не только довольно сложные, порой загадочные философские лабиринты Валицкого, но и реакции на него, например Анджея де Лазари. Тут, как и в других главах, пишется история польской русистики (с ее сторонниками просветительства и с ее сторонниками религиозного возрождения), однако, не совсем прямо, а в примечаниях или между строк (по-набоковски?).

Много интересного приносит глава о переведенном Дравичем и изданном в Лондоне в 1979 году «польском Континенте». Героическая попытка Владимира Максимова объединить всех европейцев и в особенности всех восточных европейцев в Интернационале Сопротивления (тоталитарному коммунизму) сказалась и в этом польском выпуске «Континента» (напомним, что «Культура» посвятила три номера польско-русским отношениям, и впервые опубликовала Андрея Синявского). В том польском «Континенте» был диалог двух зеков, одного еврея (Борис Пэнсон) и одного украинца (Вячеслав Черновол). Предисловие написал русский — Синявский. Напечатанный в шестом номере русского «Континета» за 1976 г. «Диалог за колючей проволокой» Вячеслава Черновола и Бориса Пэнсона стоит перечитать и сегодня. В том польском «Континенте» была оказавшая, видимо, большое влияние на поколение Пшебинды статья Игоря Голомштока «Язык искусства при тоталитаризме». Голомшток, с которым я общался довольно много в Калифорнии (в Стенфордском университете), детально изучал и сравнивал искусство при Муссолини, Гитлере и Сталине.

«Какая красота спасет мир?» — спрашивает Пшебинда в главе посвященной гениальному кинорежиссеру Андрею Тарковскому. Тарковский читал малоизвестных русских философов, например, Аскольдова, автора «Русского Сократа», знал его учение о трех видах времени: физическом, психическом и онтологическом. Тарковский так же, как Достоевский, по мнению автора книги «Между Краковом, Римом и Москвой», затрагивает основу основ философии и христианства: залог бессмертия. Знаменитое утверждение каторжника Достоевского, что между истиной и Христом он бы выбрал Христа, до сих пор таит в себе загадку. Тут я не согласен с автором, что это выражение сомнения Достоевского в Воскресении. Может быть, это скорее выбор между Новым и Ветхим Заветом в пользу первого? Отказ от имманентного Бога? А в фильмах Тарковского все мы чувствовали жгучее переживание веры и безверия; режиссер тут скорее на стороне какого-то имманентного Бога, а от этого страдают все его герои. Пшебинда пишет, что у него был «комплекс Толстого».

Когда я познакомился с Анджеем Валицким, мы оба в Колледже св. Антония в Оксфорде ходили слушать лекции Исайи Берлина. Берлин занимает видное место в этой книге. Он завораживал всех своих слушателей и гостей, не скупясь на приглашения в свою «дворянскую усадьбу». Философ либерализма, «свободы от», поклонник Александра Герцена, Берлин действительно написал блестящую книгу о русских мыслителях. Но принять эту книгу за полный портрет русской мысли было бы ошибкой. Это диптих с отсутствующей половиной. Ни Достоевский, ни Леонтьев, ни Бердяев (с его первичной Свободой, не от Бога исходящей), ни сегодняшний философ-богослов Сергей Хоружий не входят и войти не могут в «русскую мысль по Берлину».

Обе части русского диптиха присутствуют в книге Пшебинды. Но чувствуется некая строгость к «темной» части. Именно эта строгость превращает прекрасную академическую книгу в нечто другое, более личное, более «настоящее». Например, его строгое отношение к Тарковскому выдает некое отрицательное отношение автора к русскому мистицизму, отвержение его. «Так кто ты, Андрей Тарковский?» восклицает его польский читатель после прочтения польского перевода «Дневника» великого кинорежиссера. Ответ: еще один русский ницшеанец «запутавшийся Прометей, как Бердяев...»

Странное заглавие сборника «Между Краковом, Римом и Москвой» содержит как бы водяной знак книги: от Войтылы к Иоанну Павлу II через Москву, куда так хотел совершить официальное

путешествие польский папа, но куда его не пустили суровые московские патриархи. Краков по праву занимает свое место в этом странном треугольнике. Замечательная фигура отца Юзефа Тишнера, «капеллана краковского и всея Польши» вполне оправдывает это заглавие. Ежи Турович, главный редактор эпохального «Тыгодника повшехного», по-видимому, один из духовных учителей Пшебинды, включал Россию наравне с Элладой в свои философские поиски. Следует отметить, что тексты этого сборника большей частью были переведены Натальей Горбаневской, героиней русского диссидентского движения, тонким поэтом, самоотверженной и страстной переводчицей на русский язык многих польских поэтов. Пшебинда нежно и очень хорошо пишет о Горбаневской, чей «роман» с польской поэзией поистине не только русско-польский «роман», но и великая глава европейского культурного романа. А если добавить, что многие из этих текстов первоначально были опубликованы в «Новой Польше» у Ежи Помяновского, автора перевода «Архипелага Гулага», то можно сказать, что книга Пшебинды находится как бы на самом перекрестке польской и русской культуры.

Читатель получит еще много других и метко написанных портретов, например Милоша и Херлинга (первого я навещал в Калифорнии, второго в Неаполе), Вата и Колаковского. Это уже не польская русистика, а сама Польша в трагическом и любовном своем диалоге с Россией, и в некотором отношении это диалог Европы с Россией. Пшебинда особенно подчеркивает размах, глубину и строгость к самому себе Вата, этого польского европейца, прошедшего через самые тяжелые моменты XX века. Мы в лозаннском издательстве «L'Age d'homme», основанном сербским европейцем Владимиром Димитриевичем, опубликовали по-французски «Мой век» в 1986 году. Ответы Вата на вопросы Милоша, весь этот происшедший в Калифорнии жгучий «допрос» старшего поэта младшим коллегой по перу, страстно увлек тогда Димитриевича и его группу, к которой принадлежал и я. Так что и Лозанну можно прибавить к маршруту этой польской русистики.

Книга Пшебинды доказывает неисчерпаемость спора о «русской идее». Эссе, статьи, опусы накапливаются, наслаиваются друг на друга со времен Вольтера и Руссо. Французские философы ехидно и яростно спорили о плюсах и минусах «просвещенного деспотизма». На смену пришел спор о славянофильстве и западничестве, а потом — спор о русском социализме. Казалось, спору настал конец. «Архипелаг ГУЛАГ» поставил точку. Да нет, спор продолжается и принимает в этой книге новый облик. У него теперь польское лицо— благонамеренное, но суровое. Спор сместился. Он теперь концентрируется на различиях диссидентских взглядов Солженицына и Гроссмана. Первый осудил февральскую революцию (к этому заключению приводит читателя огромное «Красное колесо»), второй же видит в ней росток свободы, сорванный большевиками. Книга Пшебинды, вдохновленная либерализмом Исайи Берлина, склоняется к позиции Василия Гроссмана.

Гжегож Пшебинда, «Между Краковом, Римом и Москвой. Русская идея в новой Польше». Предисловие Д. Бака. М.: РГГУ, 2013.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

По моему глубочайшему ощущению, со смертью Тадеуша Ружевича завершилась, и не только в польской литературе, определенная эпоха, отголоски которой несут последние произведения творившего до самой своей кончины поэта — впрочем, не только поэта, хотя как автор стихов он приобрел наибольшую известность и оказал воздействие на строй современной лирики, — но также выдающегося драматурга и прекрасного, реализовавшего себя в малых формах прозаика. Поэтому неудивительно, что в прощании с Ружевичем приняли участие все значительные периодические издания посвященные культуре. И не следует при этом забывать, что на тему его творчества существует, причем не только в Польше, весьма обширная библиотека исследований, ученых диссертаций и эссе. В этих работах затрагиваются не только эстетические и мировоззренческие темы, но и столь утонченные, лишь для специалистов существенные вопросы, как версификация у Ружевича, — последняя, впрочем, очень важна, ибо объясняет проблемы, связанные с силой голоса его поэзии. Следует полагать, что подобных исследований и целых сборников трудов с течением времени будет все больше, в особенности потому, что мы уже имеем дело с явлением целостным и законченным — если не считать творчества продолжателей, имя коим легион: не случайно в свое время Яцек Лукасевич писал, что множится племя «ружевичей», более или менее талантливых последователей поэта, — что благотворно для попыток обобщений и новых прочтений, интерпретаций, к чему особенно располагает последний период его творчества. Но при этом также следует помнить, что Ружевичу в поисках дикции, которая позволила бы поставить диагноз современности, подверженной давлению со стороны различных тоталитаризмов, удалось выработать систему стиха, выходящего за пределы силлабического, силлабо-тонического и тонического строя, — стиха, основанного на комплексе эмоциональных клаузул. Истоки этого типа поэтической дикции можно искать у Норвида, можно обнаружить подобные эмоциональные доминанты также в поэзии Аполлинера и Маяковского. И у Леопольда Стаффа, учеником которого считал себя Ружевич. Это особенно важно потому, что такая мощная версификационная основа, как писал об этом Бродский, напрямую связана с мощью картины мира, а в своих в крайних, радикальных проявлениях с великодержавной мощью, как в известном и, деликатно говоря, вызывающем недоумение стихотворении того же Бродского «На независимость Украины».

Здесь, однако, имеет смысл отложить эти филологические экскурсы, необходимые, впрочем, чтобы осознать ранг творчества Ружевича. Но лучше все-таки дать слово ему самому. В еженедельнике «Newsweek Польша» (№ 19, 2014) Ева Липковская публикует интервью, которое четыре года назад дал ей Ружевич с просьбой не печатать этих высказываний до его смерти. На вопрос о том, что должно произойти в будущем, он отвечает: «Что будет дальше? Отвечу словами Поэта: «Темно всюду, глухо всюду, ничего не было, ничего не будет».* Будущее содержится в настоящем и в прошлом, это такая «генетика истории»; шестое чувство — это инстинкт, а седьмое — мышление. В прошлом, например в Версальском договоре, а потом в ялтинских и потсдамских соглашениях, заключались все будущие конфликты — территориальные, этнические, борьба за гегемонию». И далее о поэзии: «У меня нет «своего идеала» поэзии. (…) У поэзии нет будущего, о будущем я не тревожусь… Интересна современность. (…) Сколько поэтов, столько «положений». Хороший поэт всегда в скверном положении». О жизни: «Меня охватывают сомнения, когда я думаю о «смысле» жизни… (но это лишь несколько раз в месяц…)». На вопрос, когда он узнавал что-либо новое о себе: «В больнице. В разных больницах и клиниках». И далее: «Я боюсь не смерти, а умирания. (…) Самое главное в жизни — это жизнь, от

* Ружевич перефразирует рефрен Хора из второй части «Дзядов» Мицкевича, который в дословном переводе звучит: «Темно всюду, глухо всюду, / Что будет, что будет?» В переводе Л. Мартынова: «Глушь повсюду, тьма ложится, / Что-то будет, что случится?» *Прим. переводчика.*

жизни не надо убегать». И наконец, в завершение этой подборки лаконичных высказываний — ответ на вопрос, как чувствует себя «наш главный свидетель XX века»: «Чувствую себя «не на месте»».

Все это столь же серьезно, как и несерьезно, но несерьезность здесь не озорство — напротив: Ружевичу удалось как в жизни, так и, что самое главное, в творчестве сохранить бесценный дар, каким является «наивность» ребенка, всматривающегося в мир. Здесь важнейшая основа его писательства (хотя ее и не всегда улавливают) — чувство юмора и способность к самоиронии. Я думаю, что исследователям творчества Ружевича предстоит заняться этим вопросом со всем вниманием, которого заслуживает человек, назвавший в одном из стихов человечество «болтливой плесенью», затягивающей планету. А пока нам придется довольствоваться более или менее научными разборами, какой, например, мы найдем в превосходном очерке профессора Яцека Лукасевича «Старый поэт в истории» во вроцлавском ежемесячнике «Одра» (№ 4/2014). Недавно Лукасевич издал объемный том, посвященный произведениям Ружевича, под названием-монограммой «TR». Журнальная публикация готовилась еще при жизни «старого поэта», который, как пишет Лукасевич, «понимает историю (…) как процесс детерминированный и детерминирующий. Мы ему подвластны, участвуем в нем — хотим мы того или нет. Детерминизм выступает в двух версиях. Оптимистической, устремленной вперед («гегелевский укус», осуществление Абсолютного Духа, исторический материализм, указывающий путь от первобытной общины к коммунизму), и в версии пессимистичной, катастрофической. (…) Оба детерминизма, оптимистический и катастрофический, становились искушениями одновременно и параллельно, время от времени затаивались, но никогда не исчезали, поскольку в мировоззрении Тадеуша Ружевича (в том числе и в поэтическом) и в мире его стихов никакой опыт и ничто из пережитого не исчезает бесследно. А остается даже в большей мере, чем у многих других, образуя последовательные пласты произведений и убеждений. После войны Ружевич не без колебаний избрал оптимистический проект — приятие нового порядка и участие в строительстве новой жизни. С социалистической мыслью он столкнулся еще в гимназические годы, в ходе полуподпольного альтернативного самообразования. Оптимистический детерминизм истории, впрочем, был характерной чертой мессианизма XIX века, в том числе польской романтической поэзии. Если в своем творчестве Ружевич решил встать на сторону новой власти, это не было для него простым решением. (…) Он должен был эту программу, как говаривал Анджей Товянский своим адептам, в том числе Мицкевичу и Словацкому, «пропустить сквозь тело». (…) Потребность — и даже необходимость — в том, чтобы «пропустить сквозь тело» связана с еще одним важным процессом. Его можно назвать проверкой больших нарративов малыми. (…) Ценность этих малых, как бы будничных нарративов для Ружевича не подлежит сомнению. Это происходит в его поэзии, его прозе (…), а также в драматургии. (…) Так что история, относящаяся к «сейчас» XX столетия, рассматривается и оценивается, как бы проверяется — «снизу». (…) История не создается сама собой. Ее творит человек. Она результата действий, являющихся следствием его воли, той, которую отбросил Хайдеггер и которая столь важна в историософии близкого Ружевичу Ясперса».

Очевидным образом эта проверка больших, сформированных идеологией нарративов посредством повествований о реальных проблемах и реальных решениях человека относительно быстро подорвало доверие Ружевича к оптимистической версии детерминизма. Продолжая анализ, Лукасевич пишет: «Отстранение от всякой сиюминутности, от политики, уход из литературной жизни — это известная позиция Ружевича. Он не выступал с декларациями «по случаю», не подписывал и не направлял никаких писем протеста. (…) Поэтому уже старый Ружевич не участвует в политической деятельности, но об истории он размышляет. И это давно уже не мышление историософского оптимиста. Ибо мир идет к катастрофе. Об этом свидетельствуют войны на всех континентах, демографический взрыв, вызванное им перенаселение, толпа, деформирующая человека, превращающая его в «карикатуру, (…) в какое-то мелкое новообразование, неизвестно во что». Свидетельствуют экономические кризисы, из которых извлекает выгоду циничный, распаляющий приносящую прибыль истерию (история с коровьим бешенством) международный финансовый капитал, поскольку он аморален по своей сути, пример чему операции с золотом уничтоженных евреев (поэма «Рециклинг»). Миром овладевает мелкая, измельчающая чувства и воображение массовая культура, которая лишь оглупляет множащееся

народонаселение… (…) Ничего хорошего это человечеству не сулит, катастрофа кажется неизбежной. (…) Облегчение приносят игра, вера в разум и метафизические интуиции. Эти три источника облегчения, пусть и не всегда эффективного, присутствуют в творчестве Ружевича между семидесятым и девяносто третьим годом жизни. Рациональность — это отпор всякого рода мошенничеству. Ею руководствуется Ружевич — читатель Бертрана Рассела, но и ученик Ингардена, однако, прежде всего, Ружевич-моралист. Ибо моральность, по Ружевичу, должна быть рациональной, опирающейся на межчеловеческие связи. (…) Метафизические интуиции. Мир утратил форму, ему нужна новая форма, способная все это выразить. Эта форма не может быть только рациональной (таковая оказалась бы бессильной) и только органической (проистекающей из организма, из телесных ритмов поэта). Добросовестный художник подошел к незнакомой, непонятной ему сфере. Словно бы по-иному и в новом виде возвращалось то, что когда-то он принимал как ребенок, как автор благочестивых стихов (…), и что давно уже отбросил. Эту тему он предпочитает не затрагивать, ссылаясь на Мицкевича: «о Боге не говорят за чашкой чая», но именно такие его стихотворения, как «Без» и «Есть такой памятник» относятся сегодня к самым известным и чаще всего анализируемым».

И вот окончание очерка: «Человек заброшен в историю затем, чтобы творить. Если история — это не одно лишь гипостазирование, не вымысел, вольный пересказ того или иного историка, перечисляющего злодейства и жестокости, если это не пустые поиски порядка в хаосе или попытка навязать некий порядок, осознавая при этом собственную субъективность, — если история это все же нечто другое, то поэт, который в 1947 году издал «Беспокойство» (а это было беспокойство о судьбах мира сего), сегодня старый поэт, чьи стихи и до сих пор — беспокойство, должен противодействовать слепоте, хаосу, злу, которые порождены человеком, и только человеком». Не исключено, что именно беспокойство оставляет фундаментальную эмоциональную доминанту версификации в лирике Ружевича — творца, как это определяет Лукасевич, «ритмического, хотя и не метрического стиха».

В заключение среди многочисленных публикаций, посвященных умершему поэту, следует указать на целую подборку текстов в краковском «Тыгоднике повшехном» (№ 18/2014). Наряду с попыткой осмыслить все наследие Ружевича, предпринятой Анджеем Франашеком, под поэтическим заголовком «Чернота. Тернии. И тень», заслуживает внимания краткий биографический очерк Калины Блажеёвской «Я писал, чтобы не говорить», из которого приведу один, но, как мне кажется, многозначительный фрагмент: «Он не разрешал превращать себя в памятник. Даже буквально — опротестовал идею поставить во Вроцлаве «скамейку» со своей фигурой. Он не хотел, чтобы все к нему подсаживались или — пуще того — залезали ему на колени. Для пьедестала он тоже не годился: маленький, в очках, с детским лицом. Когда он принимал диплом доктора «honoris causa» Вроцлавской академии изящных искусств, то тихо сказал: «Иногда и я хочу быть ребенком… вот сейчас… чтобы покинуть этот прекрасный зал, знаменитых гостей — и вернуться к своим игрушкам»». Это очень в стиле Ружевича, которому все же удалось сохранить в себе ребенка. Что же до «скамейки», то они, как известно, выполняются из металла и можно подозревать, что кто-то сумел бы такую скамейку демонтировать, чтоб сдать в пункт скупки металлолома. Ибо что правда, то правда: поэт — особенно в Польше — не только «не больше, чем поэт», но просто человек «в скверном положении».

Лукаш Ярош

Перевод Андрея Базилевского

СТИХОТВОРЕНИЯ

Земля

Однажды сентябрьским днем у нас не было уроков,
и мы пошли с воспитательницей собирать кормовую свёклу
на поле к одному парню из нашего класса. Он жил с бабкой
(отец повесился, «матери я был не нужен»).
Он вез нас на тракторе с прицепом, куда мы потом
бросали тяжелые твердые клубни.
Сделали несколько ездок (при этом больше было
смеха, чем работы), потом сидели в саду, прислонившись
к налитыми соком деревьям, и далекое солнце
припекало вовсю, хотя приближалась осень.
Он принес нам компот и только что сорванные грецкие орехи.
Орехи были горькие, руки от них становились коричневыми.

Человек возник из песка. Он заново склеен из скорлупы.
Об этом я подумал сегодня, когда много лет спустя встретил
того одноклассника. Он попросил мелочи, на лице его были глубокие
борозды от многолетнего пьянства. Я дал ему денег,
он улыбнулся, сказал спасибо и от света
в открывшемся напротив окне зажмурил глаза,
в которых не было уже ничего.

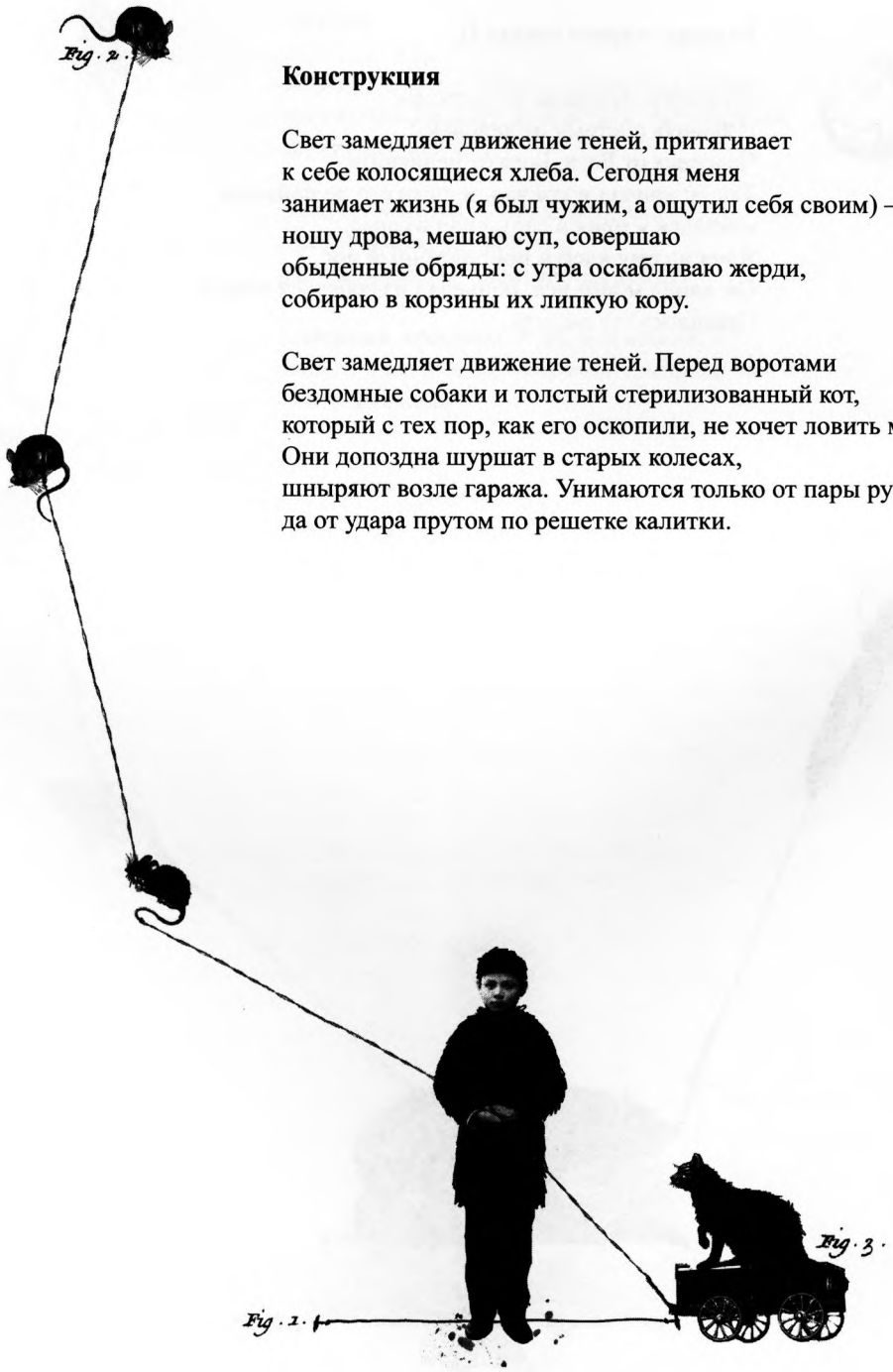
Paulina Zielona

Странствия (О жизни людской)

Жизнь вроде этой: прохожу мимо полуразвалившегося дома,
на котором растут березки, мимо мужчин,
соображающих на троих, —
один из них постукивает ребром ладони по кадыку.
Читаю случайно найденное письмо: «У деда
ничего особенного, горюет по бабушке,
вдобавок после операции у него распухла рука.
К счастью, не пухнет другая, на которую
пятнадцать лет назад упала здоровенная сосулька».

Жизнь вроде этой: наконец прихожу
к этой женщине, чтоб опять принести ей
в ведерке уголь из подвала, почистить ковры.
Застаю ее укутанной в колядку, на кухне, над катехизисом,
возле радио с приглушенным звуком.
Она неотрывно смотрит, как колышется за окном
кубик свиного сала на ветке яблони.

Конструкция

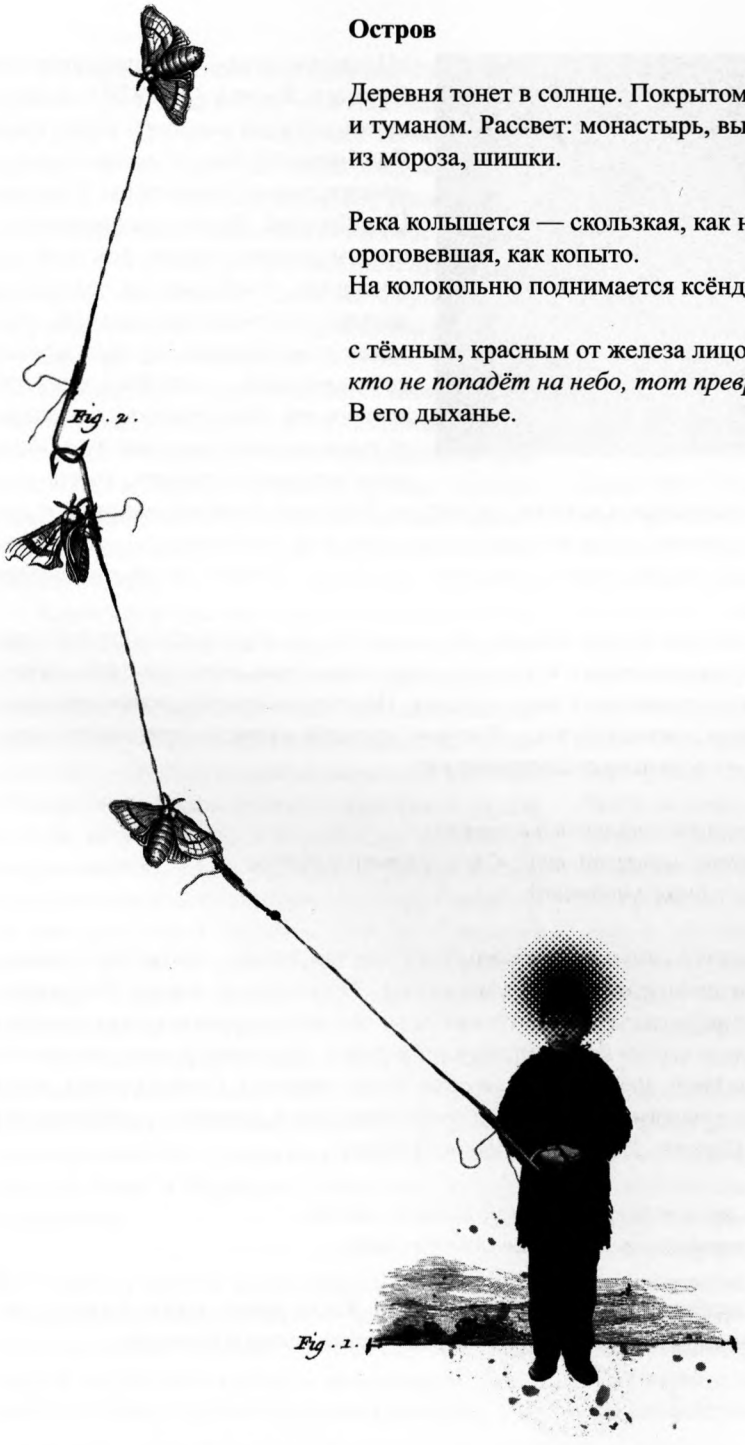
Свет замедляет движение теней, притягивает
к себе колосящиеся хлеба. Сегодня меня
занимает жизнь (я был чужим, а ощутил себя своим) —
ношу дрова, мешаю суп, совершаю
обыденные обряды: с утра оскабливаю жерди,
собираю в корзины их липкую кору.

Свет замедляет движение теней. Перед воротами
бездомные собаки и толстый стерилизованный кот,
который с тех пор, как его оскопили, не хочет ловить мышей.
Они допоздна шуршат в старых колесах,
шныряют возле гаража. Унимаются только от пары ругательств
да от удара прутом по решетке калитки.

Рассказ старого соседа II

«Избавить человека от системы!
Избавить систему от человека!
Человека от Бога, Бога от религии!»
Так он кричал и кричал, и, пока его не поймали,
прятался у меня в саду, спал в сарае.
Я носил ему хлеб и припрятанный рис.
Он пинал моего пса, подъедал из собачьей миски.
Пришлось его выдать.

Остров

Деревня тонет в солнце. Покрытом инеем
и туманом. Рассвет: монастырь, выкованный
из мороза, шишки.

Река колышется — скользкая, как ноготь,
ороговевшая, как копыто.
На колокольню поднимается ксёндз

с тёмным, красным от железа лицом:
кто не попадёт на небо, тот превратится в прах.
В его дыханье.

Лешек Шаруга

ОБЫЧНЫЙ МИР

«Полная кровь» — уже шестая книга Лукаша Яроша (р. 1978). В прошлом году он вместе с Кристиной Домбровской был отмечен впервые присуждаемой премией им. Вислявы Шимборской. Ярош — не только поэт, но и музыкант, автор рок-текстов и ударник. Свой мир он создает из деталей, частных наблюдений, эпизодов повседневности, фрагментов воспоминаний — хотя бы о том (стихотворение «Как братья»), как когда-то приходил первым в школу, а после него «приходил парень, которого я уже не знаю», но этот парень запечатлелся в памяти и в стихах. В другом стихотворении поэт как бы мимоходом упоминает: вчера «умерла учительница, которая научила меня писать», — и вновь: она живет в стихе и в какой-то мере является его соавтором, поскольку именно ее работа сделала возможным появление этих строк.

Ярош вспоминает сценки из детства, из отроческих лет — все это на фоне сельского пейзажа: «отец срезал засохшие побеги кукурузы,/ которая в тот год не уродилась». Здесь много жесткой, словно стыдящейся самой себя, нежности по отношению к миру и людям. Накопленные наблюдения, вспышки повседневности записаны в коротких, сжатых фразах. Время от времени ставятся принципиальные вопросы — как в «Черном озере» — о смысле существования:

О блеск, подсмотренный в ветвях,
что хочешь показать ты? Как я граничу с миром,
как он со мной граничит?

В то же время поэзия Яроша насквозь интимна, она скрывает чувства, точнее, экспонирует скрытность: «Мне стало стыдно, меня подсмотрели/ во время молитвы». Это сценка из лагеря. Натуралистические образы и метафизические вопросы тесно взаимосвязаны. За повседневностью просвечивает необычайное — то, что невыразимо и все же как-то проникает в стихи. Жестокость военного опыта (в цикле «Рассказы старого соседа») вписана в современность: люди прячутся, боятся смерти, когда «темные фигуры обвязывают ноги тряпками/ с топорами приближаются к дворам» — деревня под Луцком хранит память о резне на Волыни. И остается, как в «Мифе»:

все та же капля крови которую пьем годами
мы хоровод слепцов стремящихся к свету

Целое дополнено сценкой с кладбища: «Я тут побыл немного. Когда ухожу, вижу: к стене приближаются две серны — ночью/ они будут щипать с надгробий свежие венки и букеты».

Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» **24 апреля не стало Тадеуша Ружевича. Каждый год в октябре мы надеялись, мы ожидали... Но он не получил Нобелевской премии по литературе, хотя заслуживал ее, как мало кто. Вечный новатор, предвестник и первопроходец, он создал свой собственный вид стиха — стих Ружевича. Поэт, драматург, прозаик, сценарист, один из крупнейших творцов польской литературы. Событием был его первый послевоенный сборник 1947 года «Беспокойство» — попытка восстановить фундаментальные ценности после коллапса, после массовых убийств, после Освенцима и трагедии Катастрофы. «Мне двадцать четыре года / я уцелел / отправленный на заклание», — эта известная цитата из его стихотворения «Уцелевший».**

Классикой театрального авангарда стала «Картотека», дебютная пьеса Ружевича, впервые поставленная в марте 1960 года в варшавском «Театре драматычном». Последовавшие далее «Старая дама высиживает», «На четвереньках», «Непорочный марьяж», «В расход», «Разбросанная картотека» и другие его пьесы всегда затрагивали важнейшие проблемы современности, часто вызывали раздражение, шокировали. Неоднократно номинированный на литературную премию «Нике», Ружевич получил ее лишь в 2000 году за поэтический сборник «Мать уходит». Его произведения переведены на 49 языков.

Тадеуш Ружевич умер в возрасте 93 лет. Согласно своей последней воле, он нашел упокоение на евангелистском кладбище при расположенной у подножья горы Снежки церкви Ванг в Карпаче, в Нижнесилезском воеводстве.

» 9 мая на экраны вышел фильм Яна Комасы «Варшавское восстание» — первый в мире художественный фильм, полностью смонтированный из документальных материалов. Лента цветная, со звуком, хотя исходный материал был черно-белым и немым. Гибрид, который войдет в историю кино. К действительным событиям была добавлена вымышленная история двух братьев, Кароля и Витека — операторов, снимающих восстание (их голоса мы слышим за кадром). Создатели фильма — замысел исходит от Музея Варшавского восстания — провели гигантскую работу, они просмотрели шесть часов оригинальной кинохроники восстания, а потом провели тысячи часов, консультируя с группой специалистов самые разные вопросы вплоть до тонкостей колоризации фильма.

Фильм несет огромный эмоциональный заряд, что находит свое отражение как в зрительских реакциях, так и во мнениях рецензентов. Тадеуш Соболевский пишет на страницах «Газеты Выборчей»: «Говорят, что с «Варшавского восстания» зритель выходит растроганный. Не уверен, что это точное слово. Растрогать может что-то, в чем есть некое умиротворение, очищение, прощание, что-то вроде малого катарсиса. Меня этот фильм не растрогал. Скорее, лишил дара речи. Словно образ этого восстания, как будто хорошо известный, складывался заново, во всей своей остроте». Далее критик добавляет и это весьма существенное замечание: «То, что мы увидели, пробивает брешь в стереотипном образе восстания — быть может, даже противоречит стратегии самого музея. Недаром ведь говорят, что иногда после экскурсии по музею школьники выходят в полной уверенности, что мы это восстание выиграли».

Кинокритик Томаш Рачек пишет в своем блоге: «Последние минуты фильма пугают. Я чувствовал, как проникаюсь напрасным геройством: неизвестно как, неизвестно когда меня пронзили дрожь и восторг. Я посмотрел на зрителей рядом со мной: мы все онемели, как разрушенная и оставленная Варшава. Я стреляный воробей, меня мало что трогает в кино, моими эмоциями трудно манипулировать. Иногда я даже думаю, что слишком циничен. Но на этот раз я оказался под воздействием картины. Выйдя из кино, я за-

перся в машине, включил на всю мощь музыку и заплакал».

Одновременно с выходом фильма на экраны вышла в свет книга «Варшавское восстание. Узнанные» Изы Михалевич и Мацея Пивоварчука. В ней рассказывается о судьбах людей, которых мы видим в фильме и которые раньше были лишь анонимными персонажами хроники повстанческой Варшавы. Их имена удалось узнать благодаря акции «Узнай», организованной Музеем Варшавского восстания.

» В нынешнем году лауреатами премии имени Самуэля Богумила Линде городов-побратимов Торуни и Геттингена стали немецкий романист и эссеист Вильгельм Генацино и польский прозаик Януш Рудницкий. Рудницкий (род. 1956) эмигрировал в Германию в 1983 году, живет в Гамбурге. Опубликовал такие произведения, как, например, «Можно жить», «Жуткий мир», «Мой Вермахт», «Пошли, пойдём», «Смерть чешкой собаки», «Три раза да!».

Литературная премия имени Линде присуждается с 1996 года всегда одновременно двум авторам — из Польши и из Германии, слово которых «создает идеалы и ценности, объединяя людей, общества и народы в общем разговоре».

Самуэль Богумил Линде (1771–1847), имя которого носит премия, родился в Торуни, был языковедом, библиографом и педагогом. Самый известный его труд — шеститомный «Словарь польского языка», впервые изданный в 1807–1814 гг.

» 24 апреля во время торжественной церемонии, которая состоялась в варшавской Национальной библиотеке мы узнали имена лауреатов литературной премии Столичного города Варшавы. В категории «Варшавский творец» лауреатом стал Веслав Мысливский, выдающийся писатель, дважды лауреат литературной премии «Нике». Жюри под председательством проф. Анджея Маковецкого отметило премиями также роман «Кости» Игнация Карповича, поэтический сборник «Между» Тадеуша Домбровского, книгу для детей «Приголубьте меня, пожалуйста» Пшемыслава Вехтеровича, а в категории «варшавское издание» — «Беседы о детстве» Иоанны Ролинской.

» Ежегодные премии Авторского объединения ZAiKS были присуждены 23 апреля. Среди лауреатов один из крупнейших польских прозаиков Яцек Бохенский, переводчица русской литературы Эва Ружевич-Олеярчук, болгарская переводчица русской литературы Вера Деянова, известный актер и режиссер, а также автор переводов французской литературы Ежи Радзивилович, Артур Запаловский — создатель переводов современных польских пьес на английский язык.

Премию за творчество для детей получили писательница Ванда Хотомская и скульптор, сценограф и иллюстратор Адам Кильян. В области визуальных искусств лауреатом стал Анджей Дудзинский — график, фотограф, живописец.

» В Кракове с 2 по 11 мая проходил кинофестиваль «OFF PLUS CAMERA». Фестиваль, приближающий зрителям творчество молодых, — одно из важнейших событий в мире кино Центральной Европы.

Победителем признан французский фильм «Eastern Boys» в режиссуре Робина Компилло. Международное жюри под председательством Ежи Штура присудило фильму Краковскую кинопремию (100 тыс. злотых) «за выдающиеся творческие находки и показ столкновения двух миров — Востока и Запада».

В конкурсе польских художественных фильмов лучшим признана «Ида» Павла Павликовского, премиями отмечены Иоанна Кос-Краузе и Кшиштоф Краузе за фильм «Папуша», а актерские премии присуждены Дороте Коляк за роль в картине «Хочется жить» и Матеушу Банасюку за роль в ленте «Плывущие небоскребы». Член жюри британский режиссер Майк Ньюэлл («Четыре свадьбы и похороны») после просмотра 12 фильмов молодых режиссеров заявил: «Все были необычайно смелы. Мне импонируют эти молодые кинематографисты, они делают фильмы, которые нельзя сделать. Прежде всего потому, что у них нет денег. Они невероятно изобретательны. В них есть страсть. Они ведут тебя туда, где ты раньше никогда не был».

» Известный кинорежиссер Юлиуш Махульский написал и поставил пьесу о Макиавелли. Премьера спектакля, посвященного мыс-

лителю эпохи Возрождения, автора трактата «Государь», состоялась 3 мая в «Старом театре» в Люблине. В главной роли выступил варшавский актер Адам Ференцы. «Мы ошибочно отождествляем Макиавелли с его произведением, — говорит режиссер. — Он не был таким плохим или никчемным, как описанные им персонажи. Он был благороден в своих помыслах. Беспомощный в житейском отношении, он не сумел обеспечить себя и свою семью и умер, в общем-то, в нищете, хотя так многое внес в развитие политической мысли».

Махульский, автор таких рекордно кассовых фильмов, как «Ва-банк» и «Сексмиссия» (в советском и российском прокате «Новые амазонки»), впервые ставивший в театре собственную пьесу, стремился уйти от «амплуа» режиссера кинокомедий. Получилось ли? Рецензент «Дзенника всходнего» Вальдемар Сулиш признает удачу: «Спектакль хватает за сердце и заставляет думать. Актуальность его поразительна, ибо сегодня в аду Махульского вместе с борющимися за сохранение влияния флорентийскими политиками горят и наши варшавские, и наши люблинские политики. А если пока не горят, то будут гореть, потому что сама политика отправит их в преисподнюю».

» Премьера «Разбойников» Фридриха Шиллера состоялась 8 марта в «Театре Народовом» в Варшаве. По словам режиссера Михала Задары: «Это драма о том, что происходит, когда молодые мужчины маются от безделья. И это имеет самые плачевные последствия для общества».

Задара перенес действие в современные реалии. Графскую семью Мооров он преобразовал в богатых бизнесменов, глядящих из окон своих эксклюзивных апартаментов на небоскребы. Отец, которого играет Мариуш Бонашевский, — директор корпорации, сыновья борются за его имущество. Заглавные разбойники, напоминающие апатичных безработных, располагаются на скамеечке возле многоквартирного дома. А Чешский лес, в котором должен находиться их стан, — это современные, недостроенные жилые районы.

Короткая рецензия Агнешки Гурницкой: ««Разбойники» — интересный спектакль, хотя определенно можно упрекнуть режиссера в прямолинейности, с которой он заталкивает текст немецкого драматурга XVIII века в довольно-таки прозаичные и банальные рамки современности. Эту трансплантацию оправдывает, однако, юмористический подход к пьесе, которая, как блистательный злободневный комментарий, представляет групповой портрет поколения молодых людей, отсекающих себя от традиций и ценностей, стремясь к самореализации в соответствии с собственными принципами и ожиданиями».

» А в «Театре драматичном» имени Александра Венгерки в Белостоке Яцек Ябжик решил рассказать о современной Польше с помощью гоголевской истории — поставил «Ревизора» (премьера 10 мая). Создатели спектакля пробуют ответить на вопрос, чего сегодня боятся в Польше.

— Мы старались извлечь из гоголевского мира все описанные там комплексы и всю беспомощность человека перед их лицом, — говорит режиссер. — Меня интересует подлинный герой Гоголя — страх. Мы анализируем, что он делает с людьми, что в нас обнажает, каковы его источники. Откуда берется страх перед чужим или компрометацией. Мы вытаскиваем из этого текста близкие нам контексты. А их много.

» Толпы зрителей пришли 3 мая в краковский Национальный музей на открытие выставки «Стэнли Кубрик», посвященный жизни и творчеству гиганта американского кино, создателя таких фильмов, как «Заводной апельсин», «Сияние», «Спартак», «Лолита», «С широко закрытыми глазами».

Экспозицию, созданную десять лет назад Немецким музеем кино (Deutsches Filmmuseum) во Франкфурте, к настоящему времени посмотрел почти миллион зрителей в десяти городах мира, в том числе в Берлине, Риме, Париже, Лос-Анджелесе, Сан-Пауло. Присутствовавший в Кракове продюсер Ян Харлан сообщил, что Стэнли Кубрик (1928—1999) был большим любителем польского кино, особенно он ценил фильмы Кшиштофа Кеслёвского.

Выставка работает до 14 сентября.

» Гданьск вспоминал одного из крупнейших польских фотохудожников XX века выставкой «Вильна/Вильно/Вильнюс и Виленщина в фо-

токартинах Яна Булгака». Работы созданы в период с 1910 по 1934 год.

— Название выставки не случайно. Фотографии Яна Булгака отличают редкий вкус и художественная проработка деталей, художник так заботился о композиции кадра, которые благодаря этому напоминают живописные картины, — говорят организаторы.

Показанные фотографии работы Яна Булгака (1876—1950) — это пейзажи Виленщины и городская архитектура, прежде всего окрестности Острой брамы. Вильно, где Булгак жил и творил до 1945 года, было первой темой работ признанного мастера польской фотографии, которую он разрабатывал дольше всего. После войны он перебрался в разрушенную Варшаву.

Выставка в гданьской Галерее фотографии продлится до 18 июля.

» В Национальный музей в Варшаве в мае прибыла найденная картина Александра Герымского «Поясной портрет мужчины в ренессансной одежде» (масло, 35 на 26,7 см), которая находилась в списке культурных ценностей, утраченных в результате Второй мировой войны. Неожиданно, в 2013 году, картина обнаружилась в частном собрании. Ее удалось возвратить благодаря усилиям Министерства культуры и национального наследия. Напомним, что в 2011 году из Германии в Польшу вернулось еще одно, необычайно ценное полотно Герымского — «Еврейка с апельсинами». Эту и еще почти 120 других картин можно теперь увидеть в Национальном музее на выставке «Александр Герымский. 1850—1901», которая продлится до 10 августа.

» Варшава со все большим интересом всматривается в свое недавнее прошлое, в свой портрет времен ПНР. 7 мая прошел вернисаж выставки Тадеуша Суминского, посвященной послевоенной фотографии архитектуры. Это первый показ из серии «Непарадная Варшава» в зале на ул. Андерса, 13. Суминский увековечил жилые районы 50-х и начала 60-х годов, вокзалы, скоростные трассы, а также кафе, световую рекламу, дворы. Серия 70-х годов — это, главным образом, фотографии с видами новых городских районов (Пески, Жолибожские сады, За Железными воротами). Тадеуш Суминский (1924–2009) участвовал в Варшавском восстании. По образованию экономист. Во время учебы был арестован и отправлен в тюрьму по ложному обвинению в антигосударственной деятельности. После освобождения он не мог найти работу по специальности, занялся для заработка фотографией. В начале 60-х годов был штатным репортером ежемесячника «Польша».

Выставка будет работать до 22 июня.

» В мае открылся первый в столице музей ПНР — «Магия ПНР». Он расположен в районе Прага на бывшей территории оптического завода, в соцреалистическом здании 50-х годов. Музей организовала группа варшавских гидов «Adventure Warsaw», которая уже много лет показывает туристам не самые известные уголки столицы.

— Мы не хотим сказать, что ПНР — это замечательно. Мы хотим сказать, что это не была страна мечты, но в ней как-то надо было жить. И это самое интересное, — объясняют организаторы.

В музее можно увидеть квартиру в стиле ПНР с мебельной стенкой, стиральной машиной «Франя» и телевизором «Рубин». Под звуки песен «Червоных гитар» (с виниловых пластинок) можно ознакомиться с такими экспонатами, как телефонная будка или сатуратор с газированной водой — «туберкулезник». А также посмотреть, как выглядел типичный магазин с прилавками и пустыми крюками. Есть офис ЦК с приемной и оригинальный портрет Гомулки, найденный в бывшем Доме партии. Нашлось здесь место и для экспозиции посвященной «Солидарности».

Для молодых — нечто новое, для тех, кто постарше, — воспоминания…

Прощания

» 4 мая в Подкове-Лесной умер Богдан Скарадзинский — публицист, писатель, общественный деятель, в 1952—1955 годах политзаключенный. После введения военного положения он под псевдонимом Казимеж Подляский опубликовал в самиздате свою наиболее известную книгу «Белорусы, литовцы, украинцы», которая затем неоднократно переиздавалась, иногда под названием «Наши братья? Поговорим о белорусах, литовцах и украинцах». Публикации Скарадзинского часто

становились темой передач польского вещания радиостанции «Свободная Европа».

Многие годы он был редактором ежемесячника «Вензь». После изменения строя в 1989 году редактировал «Справы побратимче» («Дела побратимства») — приложение к «Тыгоднику бялостоцкому». В своем творчестве Скарадзинский занимался историей Польши XX века, особенно интересовали его отношения поляков с восточными соседями. Был лауреатом Культурной премии «Солидарности» (за книгу «Белорусы, литовцы, украинцы», 1985), премии имени Ежи Лоека (за книгу «Польский год 1919», 1989). В 2007 году был награжден Офицерским крестом Ордена Возрождения Польши. Удостоен звания почетного гражданина Подковы-Лесной за пропаганду добрососедства с украинцами.

Богдану Скарадзинскому было 83 года.

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ КИНО

С Романом Гутеком беседует Вальдемар Мазур

— Международный кинофестиваль «T-Mobile Новые горизонты» состоится в этом году в 14-й раз. За это время вы перенесли его из крохотного Санока сначала в Цешин, а восемь лет назад во Вроцлав. Фестиваль стал самым важным кинематографическим событием в Польше и оброс целой массой менее крупных мероприятий, продолжающихся практически весь год. Вы еще помните причины, которые побудили вас организовать его в первый раз?

— Я не выношу рутины. Сколько себя помню, всегда охотно брался за все новое. В 80-е я организовывал «Дискуссионные киноклубы», потом готовил первые Варшавские кинофестивали, во второй половине 90-х работал на кинофестивале «Лето фильмов» в Казимеже Дольном и тогда же основал дистрибьюторскую фирму. Но даже у нее к 2001 году было уже достаточно стабильное положение, а мне нужны были новые вызовы.

Однако главной причиной было желание организовать фестиваль и показать польской публике фильмы, которых никто тогда не демонстрировал. Я имею в виду малобюджетные, экспериментальные формы, нередко вызывающие крайние эмоции и разделяющие как публику, так и критиков. Вместе с сотрудниками моей дистрибьюторской фирмы — «Гутек фильм» — мы много ездили по разным фестивалям и смотрели бесчисленное количество интересных фильмов. Впрочем, мы по-прежнему этим занимаемся. К сожалению, из всего этого в польский прокат попадало пятнадцать, может быть, двадцать фильмов в год. Нам было жалко, что остальные фильмы не доходят до нашей публики. Надо еще помнить, что это были другие времена, не то, что сейчас. В Интернете, хотя он и был уже почти везде, не было всего того, что можно найти там теперь. Поэтому, если какой-то фильм не купили кинотеатры, если его не выпустили на дисках и не показали по телевидению, то для польского зрителя он был практически недоступен. Мы хотели это исправить.

— А название фестиваля должно было подчеркивать этот новаторский взгляд на кино?

— Это была идея Якуба Душинского. Помню, мы тогда рассматривали разные варианты, но быстро пришли к выводу, что выражение «новые горизонты» лучше всего определяло наше мышление о кино.

— Для своего фестиваля вы выбрали довольно странное время года — середина лета. Обычно в этот период культурная жизнь замирает.

— Это был вполне сознательный выбор. Мы с самого начала хотели делать «Новые горизонты» во время отпусков, в маленьком городке, чтобы заставить зрителя совершить нечто вроде паломничества, склонить его к путешествию во имя кино. Нам хотелось, чтобы публика, добравшись до места назначения, смотрела фильмы, сосредоточившись только на них, оставив мысли о работе, школе и всех повседневных заботах. Отсюда сначала Санок, потом Цешин.

— А теперь более чем полумиллионный Вроцлав…

— Да, жизнь немного подкорректировала мой замысел. Фестиваль перерос Цешин. Интерес публики постоянно рос, а инфраструктура оставалась слишком скромной. Да и финансовых возможностей Цешина оказалось недостаточно. Организация такого крупного мероприятия, каким стал МКФ «T-Mobile Новые горизонты», требует круглогодичной работы, для чего необходим

профессиональный организационный офис и соответствующая финансовая поддержка. Тогда как при бюджете, которым мы располагали, мы были не в состоянии не только финансировать офис, но даже приглашать режиссеров, а ведь в этом суть фестиваля. Предложение от мэра Вроцлава Рафала Дуткевича стало для нас в некотором смысле спасением.

— И как вас принял Вроцлав?

— Помню, когда мы перебрались из Цешина, где в последний год мы собрали 96 тысяч зрителей, во Вроцлав, я был убежден, что посещаемость быстро вырастет тысяч до ста пятидесяти. В конце концов, это большой город. Мы рассчитывали, что к фестивальной публике присоединятся местные жители. Однако оказалось, что здесь нам удалось привлечь только около 120 тысяч зрителей, то есть разница была не так велика, как мы ожидали. Жители Вроцлава по сей день относятся к «Новым горизонтам» с некоторым недоверием. Существует мнение, что мы показываем очень трудные фильмы, слишком элитарные.

— Вы разочарованы?

— Ни в коем случае, разве что немного удивлен. Но я же прекрасно знал специфику фестивального рынка в Польше, знал, что может предложить нам такой город. К тому же, как дистрибьютор фильмов я постоянно слежу за результатами отдельных кинотеатров в стране. Поэтому я осознавал, что посещаемость киносеансов во Вроцлаве не слишком высокая, что здесь еще многое нужно сделать.

Однако будем откровенны: все равно публика, которая ежегодно участвует в нашем фестивале, а ее число колеблется от 100 тысяч человек до 130 тысяч (в рекордный год) — это абсолютный феномен. В конце концов, мы не идем на компромиссы, не подстраиваемся под вкусы публики. А то, что большинство зрителей приезжие, для города только лучше. Мы, конечно, стараемся привлечь к участию в фестивале жителей Вроцлава, что вписывается в программу Европейской столицы культуры 2016 года. Несколько раз я говорил на эту тему с мэром Дуткевичем. Он, как мало кто из политиков, возглавляющих в Польше городские власти, отдает себе отчет в том, что люди, посещающие такой фестиваль, как наш, а также ходящие в оперу, театр или филармонию, это, обычно, более творческие, открытые и, тем самым, более ценные для города личности.

— Может создаться впечатление, что «Новые горизонты» для мэра Дуткевича — мероприятие необычайно важное.

— Я помню мой первый с ним разговор, когда он уговаривал меня перенести фестиваль в столицу Нижней Силезии. Говоря о том, зачем городу наш фестиваль, он сказал, что во время каждой встречи с серьезными иностранными инвесторами, склонными открыть во Вроцлаве свои офисы или фабрики, они в первую очередь спрашивают, есть ли в городе опера, сколько театров, какие фестивали здесь проходят. Им важно, что город может предложить их сотрудникам в области культуры: ведь если они хотят привлечь лучших работников, то должны создать им самые лучшие условия. Таким образом мы завязали сотрудничество с IBM и с Hewlett-Packard, для которых организовываем специальные показы. Кроме того, NBY Mellon — огромный американский банк, обслуживающий только инвесторов, у которого есть свое представительство во Вроцлаве — обратился к нам с предложением спонсировать наш «American Film Festival».

— Кстати, «American Film Festival» это второй кинофестиваль, организованный вами во Вроцлаве. Осенью этого года он состоится уже в пятый раз. Когда вы начинали этот проект, было немало скептиков, спрашивавших, кому нужно такое мероприятие, если американского кино в Польше и так избыток.

— Действительно, таких голосов было много. Правда и то, что фильмов родом из США у нас немало, но это ведь, прежде всего, коммерческие картины, выпущенные и распространяемые крупными студиями. В то же время множество хороших, но не столь коммерческих фильмов вообще не попадает в Польшу. Наш фестиваль, показывая разнообразие американского кино, стремится разрушить представление о Соединенных Штатах как об огромном супермаркете, поставляющем продукцию, в том числе кино, на мировой рынок. Этот стереотип, сильно укоренившийся в Европе, основан на ложном противопоставлении: независимой, художественно утонченной Европы

и создающей коммерческие товары Америки. А ведь американское кино сыграло и по-прежнему играет существенную роль в формировании киноязыка.

— Мне интересно, как выглядит процесс выбора репертуара для ваших фестивалей. Вы полагаетесь на своих сотрудников или же составляете программы самостоятельно?

— Оба фестиваля — мои авторские проекты, хотя понятно, что я не организовываю их в одиночку, на них работает целый штаб людей, состоящих в созданном специально для этой цели Обществе «Новые горизонты». Я бесконечно ценю своих сотрудников, однако, когда речь идет о подборе репертуара, демократии у нас нет. Конечно, мы ссоримся, спорим, иногда доходит просто до скандалов, но если я считаю, что данный фильм должен попасть на конкурс, то так оно и будет. Последнее слово всегда остается за мной. Так же обстоит дело с нашими ретроспективными показами, в большинстве своем это мои идеи. Чаще всего с их помощью я возвращаюсь к важным для меня фильмам, которые я часто смотрел в школьные или студенческие годы, когда моя восприимчивость еще не притупилась. Можно сказать, я преследую личные интересы.

— И никогда не случалось, чтобы ваши сотрудники вынудили вас включить какой-либо фильм в конкурсную программу?

— Поймите меня правильно, это ведь не значит, что я не считаюсь с мнением других. Я стараюсь никому в команде не подрезать крылья, поэтому они тоже смотрят все эти фильмы, выражают свое мнение по их поводу. Несколько раз бывало, что я испытывал сомнения насчет фильма, и только выслушав аргументацию, признавал правоту кого-то из команды.

— Случалось ли, что фильмы, которые вы считаете великими или, по крайней мере, интересными, публика принимала равнодушно или даже холодно?

— Разумеется. В конечном счете, дело именно в этом.

— И это не обидно?

— Вначале я страшно переживал из-за таких вещей, но это было уже действительно давно. Помню, в рамках обзора греческого кино я впервые показывал в Польше фильмы Теодороса Ангелопулоса. Тогда, в 80-е годы, об этом режиссере можно было в лучшем случае прочитать в журнале «Кино» или «Фильм», его фильмы были у нас недоступны. И хотя я осознавал, что они не только длинны, но при этом еще изысканы и трудны для восприятия, я все равно не мог примириться с тем, что люди выходили из зала во время показа «Путешествия комедиантов». Однако я быстро понял, что подхожу к делу слишком идеалистически. Теперь я знаю, что так и должно быть, что у каждого свое отношение к кино, к искусству вообще. И в этом вся прелесть. Я хочу лишь дать людям возможность выбора.

— И никогда не было соблазна перейти на более легкий репертуар?

— Никогда. Я часто разговариваю на тему наших фестивалей, особенно «Новых горизонтов», со знакомыми, которые профессионально не связаны с кино, да и заядлыми киноманами их не назовешь, но на наши фестивали они приезжают регулярно. Они говорят, что в памяти остаются именно эти неоднозначные, радикальные фильмы, как хотя бы «Анатомия ада» Катрин Брейя. «T-Mobile Новые горизонты» ассоциируется с определенным типом кино, и пусть уж так и останется. Для фильмов полегче есть другие фестивали.

— Кто, собственно, приезжает во Вроцлав на «Новые горизонты»?

— Наш спонсор, T-Mobile, заказал проведение исследований, на основании которых были получены данные о среднестатистическом зрителе «Новых горизонтов». В частности эти данные касались его возраста, пола, образования или профессии. Однако признаюсь честно, меня это не слишком заинтересовало. Мне гораздо интереснее то, что творится в голове у фестивальной публики, как она воспринимает наше кинематографическое предложение. Впрочем, аудитория сейчас уже другая, чем еще десятилетие тому назад. Появляется все больше молодых людей, у которых возникают определенные проблемы, когда они сталкиваются с нашим репертуаром, особенно с самым трудным фестивальным направлением.

— И поэтому вы развернули образовательную деятельность, хотите воспитать своего зрителя?

— Не знаю, осмелился ли бы я так это назвать. Да, мы ведем некоторую просветительскую деятельность, издаем книги, организуем ретроспективы, встречи с режиссерами, кроме того, запустили цикл «Новые горизонты образования в области кино», но прежде всего мы даем возможность узнать новое, другое кино. Мы открываем публике глаза, благодаря чему она дозревает, осваивается с более трудным видом кинематографа.

— Результаты заметны?

— Смею утверждать, что да. Для меня приятным примером стал специальный номер журнала «Ha!Art», посвященный X фестивалю «Новые горизонты». Из размещенных там текстов следовало, что в Польше появилось целое поколение кинокритиков, сформировавшихся именно благодаря нашему фестивалю. Но и среди постоянных зрителей «Новых Горизонтов» хватает людей, которые останавливают меня на улице и говорят, что я открыл для них кино, о существовании которого они и понятия не имели.

— Вы много ездите по миру, посещаете фестивали почти во всех уголках земного шара. Как выглядит польская публика на фоне других? Отличаемся ли мы в чем-то принципиально от зрителей из Франции, Соединенных Штатов или России?

— У нас определенно самая молодая публика. И в этом наибольшая разница. С одной стороны, мы можем считать это плюсом, в конце концов, есть шанс, что какую-то часть этих людей нам удастся увлечь предлагаемым нами типом кино, и, возможно, уже скоро они будут регулярно ходить на фильмы, отличающиеся от американской суперпродукции. С другой стороны, хотелось бы больше иметь и зрелой публики. Когда я бываю на фестивалях в Роттердаме, Ванкувере или Берлине, я вижу, что в возрастном отношении публика там все же более разнообразна. Зрители постарше, в том числе пожилые, осаждают документальные просмотры. Видно, что с помощью кино они хотят расширить свои горизонты. У нас этого нет. Я был просто шокирован, когда во время фестиваля в Буэнос-Айресе на фильмы Павла Павликовского о России, которые он сделал для Би-Би-Си, пришли толпы. Подозреваю, что у нас это была бы горстка специалистов. Конечно, на все это повлияла наша геополитическая ситуация, история, наверное, СССР долго еще будет нам костью в горле стоять, но нельзя же все сваливать на прошлое. К сожалению, у меня создается впечатление, что в нашей стране просто все меньше людей интересуется интеллектуальным и высокохудожественным кино. Я прекрасно это вижу по моей дистрибьюторской фирме.

— Есть ли риск, что скоро фирма «Гутек Фильм», чтобы удержаться на плаву, начнет распространять фильмы с коммерческим уклоном?

— В некотором смысле так и происходит. В последние годы случалось, что мы покупали среднее кино, фильмы, которыми мы обычно не интересуемся, для того, чтобы потом купить те, которые нам нужны. В наше время все меньше людей смотрит фильмы в кинотеатрах, к тому же Общественное телевидение уже не так заинтересовано в высоком репертуаре, как еще несколько лет назад. Когда-то мы всегда могли рассчитывать, что в случае чего «Двойка»* возьмет у нас фильм, который не собрал во время сеансов достаточного количества зрителей, чтобы окупить наши инвестиции в картину. Это не раз нас спасало. Сейчас «Двойка» не берет практически ничего. К счастью, существуют еще тематические каналы, они по-прежнему что-то покупают. Ну и есть несколько громких имен — таких как Альмодовар, Линч, Джармуш — благодаря которым мы все еще можем позволить себе привозить и менее известных авторов. Это делало и по-прежнему делает нас счастливыми. Мы с Якубом Душиньским недавно решили, что непременно сделаем так, чтобы в польские кинотеатры попал новый фильм Чженьфан Яня. Он сделан почти без монтажа, состоит всего из нескольких кадров. Это просто тотальная медитация длиной в час, и мы знаем, что его посмотрит, может быть, тысяча человек, но нам хотелось привезти этот фильм, и мы это сделали. Вот в чем смысл той свободы, которая нам нужна.

Возвращаясь к вашему вопросу об уходе в коммерцию: «Гутек Фильм» существует уже 20 лет, и мы, вероятно, продержимся еще несколько лет, но, к счастью, особой финансовой необходимости

* «Двойка» — польский общественный телеканал. Демонстрирует документальные, исторические программы, ток-шоу, комедийные фильмы, юмористические программы. Прим. пер.

в этом нет. На некоторые компромиссы мы точно не пойдем. Так сложилось, что в данный момент «Гутек Фильм» это, может быть, 5% моей профессиональной деятельности. То, что больше всего занимает меня сейчас, это кинотеатр, в котором мы как раз находимся.

— Еще несколько лет назад ваши проекты были разбросаны по всему городу, теперь же все мероприятия проходят здесь.

— С самого начала я мечтал о таком месте. Я хотел иметь возможность реализовывать как можно больше проектов без каких-либо ограничений. К «Новым горизонтам», наконец, прибавился проходящий осенью «American Film Festival», мы начали работу с детьми, обзоры, выставки — собственный кинотеатр становился необходимостью. Поэтому с самого начала я участвовал в организации Нижнесилезского киноцентра, который появился в бывшем кинотеатре «Варшава». К сожалению, по политическим причинам этот проект провалился. Кто-то решил, что Гутек — человек Дуткевича, и когда возник конфликт между мэром Вроцлава и «Гражданской платформой», партией, правящей как в стране, так и в Нижнесилезском воеводстве, нам просто дали по шапке. Маршальское управление** прекратило выделять нам дотации, что было странно, потому что до этого наши проекты всегда оценивались очень высоко. Более того, почти те же самые проекты по-прежнему финансировались Евросоюзом и министерством, но в глазах маршала они были уже недостойны дотаций. Спустя несколько лет одна чиновница, работавшая в Маршальском управлении, сказала мне, что ей стыдно, потому что мы предлагаем лучшие проекты, а их систематически отклоняют.

— Так вы остались без кинотеатра. Как родилась идея переоборудовать огромный мультиплекс в студийный кинотеатр? Признаюсь, это несколько неожиданно, раз уж вы неоднократно жаловались в интервью на трудности управления варшавским кинотеатром «Муранув», сетуя на то, что город недостаточно вас поддерживает. В то же время здесь вы беретесь за проект во много раз крупнее, и, наверное, во много раз труднее.

— Это не так, что я жалуюсь на сложности в управлении кинотеатром «Муранув». Мы там уже 20 лет, и я думаю, что это очень важное место на карте Варшавы. Если уж что-то вызывает у меня недовольство, так это тот факт, что мы делаем работу за город, так как, хоть мы и управляем кинотеатром как коммерческая фирма, в действительности, мы выполняем функции учреждения культуры. Но власти столицы этого, кажется, не замечают. Мало того, что они никак нас не поддерживают, так еще каждый год регулярно поднимают нам арендную плату, а на наши просьбы реагируют только предупреждением, что если мы не согласны, то скатертью дорога, они с радостью откроют там банк. Что я могу поделать? Стискиваю зубы и оплачиваю эту аренду, по возможности модернизируя кинотеатр. Пока мы будем сводить концы с концами, я точно его не закрою. Надеюсь только, что ситуация не будет развиваться так, как это было с кинотеатром «Варс», который я арендовал в течение 15 лет, а потом город без предупреждения его продал. То здание до сих пор пустует. Это абсурд, так поступить с прекрасным кинотеатром в варшавском Старом городе.

Что же касается кинотеатра «Гелиос», в котором мы сейчас находимся, идея перенести сюда нашу деятельность родилась вскоре после того, как провалился наш проект, связанный с Нижнесилезским киноцентром. Сначала мы снимали здесь залы, в которых проходили наши фестивали и просмотры. Во время одного из таких показов я объявил фильм и вышел, погулял по кинотеатру, внимательно осмотрелся и подумал, что, может быть, нам следует начать переговоры с «Гелиосом» и получить в свое пользование весь объект. Переговоры продолжались очень долго. На наше счастье, мы обратились в тот момент, когда по всей стране катастрофически падала посещаемость кинотеатров. Когда «Гелиос», наконец, согласился, мы с готовым проектом отправились в Ратушу.

— Несколько месяцев тому назад мэр Дуткевич говорил в интервью, что проект, за который вы беретесь, ставит перед собой весьма честолюбивые цели, но связан с большим риском.

— Риск связан с размерами здания, объект просто огромный. Таких кинотеатров уже не строят. Насколько я ориентируюсь, в данный момент мультиплексы на 9-10 залов делают, по крайней мере, вполовину меньше. Вдобавок, мы унаследовали от «Гелиоса» договор аренды, который был подписан

** Маршальское управление — административный орган, подчиняющийся маршалу (руководителю исполнительной власти) воеводства. Прим. пер.

с владельцем здания во времена самой благоприятной конъюнктуры. Все это складывается на весьма высокую арендную плату. В настоящий момент около 80% бюджета идет на оплату счетов, поэтому для нас так важно пересмотреть договор. Переговоры на эту тему идут, мы провели уже целый ряд встреч, но несколько важных разговоров еще впереди.

— Вы можете рассчитывать на помощь города?

— Да, из кассы Вроцлава мы получаем около 30% суммы, которая нужна на содержание кинотеатра, остальное зарабатываем сами. Кстати, если говорить о городских учреждениях культуры, то мы — редкое исключение, потому что обычно дотации составляют большую часть привлеченных средств. Однако прошу меня правильно понять: деньги, которые мы получаем от города, это и так очень большие суммы. Более того, благодаря им нам легче находить спонсоров, они представляют собой некую гарантию нашей деятельности.

— А что будет с кинотеатром, если переговоры о снижении арендной платы не увенчаются успехом?

— Честно говоря, я даже думать об этом не хочу. Нам просто необходим новый долгосрочный договор, чтобы иметь возможность обратиться за средствами к Евросоюзу или взять кредит. Иначе мы не сможем превратить этот объект в место, полностью отвечающее нашим ожиданиям. Вот если бы город мог взять на себя хотя бы 50% расходов, связанных с содержанием кинотеатра, я считаю, это имело бы общественное значение. В программах, которые мы здесь реализуем, уже принимают участие более десяти тысяч детей и молодежи, здесь проходят кинематографические курсы и выставки. Мы планируем приспособить один из самых больших залов для организации концертов. Грубо говоря, мы расширяем предложение вроцлавских кинотеатров, показывая не только фильмы, но также оперы и балеты. Недавно нам пришлось открыть еще один зал, так велик был интерес детей и их родителей к балетной версии «Спящей красавицы». Конечно, мы не забываем о кино. Теперь во Вроцлаве можно посмотреть практически все важные фильмы, включая и те, малобюджетные, которые без нас никогда бы сюда не попали.

Наш кинотеатр — это необычный проект, уникальный в мировом масштабе. Думаю, для Вроцлава, который уже через два года станет Европейской столицей культуры, он просто ключевой.

— Под конец я хотел бы вернуться к вашему высказыванию, сделанному несколько лет тому назад, когда по случаю юбилейного X фестиваля «Новые горизонты» вы признались, что ваша мечта — сделать «Новые горизонты» фестивалем, известным во всем мире. Исполнилась ли эта мечта?

— В контексте узнаваемости бренда, которым являются «Новые горизонты», я считаю, что да. Когда-то я думал, что было бы прекрасно, если бы авторы-кинематографисты — особенно молодые, яркие и бескомпромиссные, которые делают свое дело в разных уголках мира — нашли у нас благоприятное место, открытое для малых, трудных, экспериментальных фильмов. Ясно, что они будут посылать свои фильмы в Канны, в Берлин, в Венецию, но ведь у нас не обязательно должны быть мировые премьеры. Я не страдаю гипертрофией больных амбиций, скорее речь идет о создании бренда, который ассоциируется с хорошим независимым кино. И с каждым годом мы получаем все больше доказательств того, что это нам удается. Я имею в виду поступающие заявки, но не только. В британском кинематографическом журнале «Sight&Sound», на страницах которого в январе всегда проводится опрос, подводящий итоги года в кино, Марк Казинс*** упоминал о нас, как об одном из трех важнейших кинособытий года. Я не стремлюсь с кем-то конкурировать, мне нужно лишь одно (хотя это очень немало) — чтобы марка была узнаваема. Когда я думаю о Локарно****, я знаю, какие фильмы там показывают. И нечто подобное начинает происходить среди европейской публики, когда речь заходит о «Новых горизонтах». И это просто здорово.

*** Марк Казинс — ирландский режиссер и кинокритик. Прим. пер.

**** Международный кинофестиваль в Локарно (Швейцария) считается четвертым по важности после Канн, Венеции и Берлина европейским кинофестивалем. Прим. пер.

Адриан Турецкий

БОЛЬШАЯ МУЗЫКА НА МАЛЕНЬКИХ ИНСТРУМЕНТАХ

«Химия и физика» — это третий студийный альбом группы «Маленькие инструменты» и первый, в котором автором репертуара является лидер группы Павел Романчук. Альбом записан на студии «Рогалюв аналоговы», издан фирмой «Obuh Records» в 2012 году. Звукорежиссер — Войтек Черн. На двух предыдущих дисках названной команды были запечатлены интерпретации произведений Юлиана Антониша и Фридерика Шопена. Кроме того, группа записывала иллюстративную музыку и музыку для фильмов. Название ансамбля восходит к инструментам, которыми пользуются его участники, — на обсуждаемом диске использовалось почти сто имеющих небольшие размеры инструментов, звуковых игрушек и музыкальных изобретений. Этот возникший в 2006 году проект вызывает ассоциации с фигурой Пьера Бастьена (Pierre Bastien) — французского деятеля культуры, музыканта и конструктора нетипичных музыкальных инструментов, с которым «Маленькие инструменты» концертировали в 2007 г. на кинофестивале «Эра. Новые горизонты» во Вроцлаве, а также в гастрольной трассе по Великобритании.

«Химия и физика» — переломная веха в деятельности данного коллектива, причем не только по причине собственного авторства представленных композиций. Этим альбомом группа, кроме всего, порывает с имиджем команды, играющей музыку для детей. Такой ярлык им приклеили, в частности, из-за того, что они организовывали мастер-классы для малышей. На подобных встречах музыканты показывали, как сделаны инструменты, популяризировали используемое лидером группы Павлом Романчуком «toy piano», то есть игрушечное пианино, а также предлагали чаще применять детские инструменты в аудиозаписях. Попавшие в альбом композиции показывают, что к тем мощным возможностям, которые дает сегодня цифровая электроника, можно приблизиться, создавая музыку на инструментах, которые в первый момент вызывают на лицах меломанов снисходительную улыбку. Шарманки, звонки и колокольчики, игрушечное пианино «Барби», насос к надувному матрацу — в общей сложности без малого сотня маленьких инструментов, среди которых напрасно было бы искать расширенные перкуссионные комплекты, мощные электрогитары, рояль, компьютеры. Мы имеем дело с полностью аналоговыми звукозаписями, без каких-либо цифровых поправок. Результатом стал превосходно изданный альбом, приятно поражающий глубиной звучания, а также свежим подходом к исполнению, — альбом, который «завис» где-то на границе между популярной и экспериментальной музыкой. Невзирая на ограниченные возможности используемых инструментов, здесь не может быть и речи об исчерпании всех потенциальных вариантов инструментовки и аранжировки, — мне кажется, что в этой области предельную точку устанавливает лишь воображение музыкантов.

Диск открывает песня «Профессор Бамбош и его ученики». После короткой минималистской интродукции вступает аккордеон, придавая песенке цирковую окраску, одновременно напоминая звуки, к которым прибегают создатели уличных театров. Такое начало идеально вводит слушателя в дальнейшие разделы альбома, погружая аудиторию в сказочный, чуточку ирреальный мир. Следующее произведение на диске — «Проблемы с химией на уроках физики», экономное по инструментарию, полное стуков, поскрипываний, свистков и звонков — приближается к эксперименту, пропитанному детской фантазией и энтузиазмом, который вытекает из ознакомления с различными источниками звука. «Смерть на пять» — это вгоняющая в транс иллюстрация к короткой анимации Мариуша Вильчинского, которая изначально создавалась как теледиск к произведению с аналогичным названием, записанное группой «Republika». Далее следуют «Гость с Аляски» и «Бароны» — произведения, выдержанные в психоделическом настроении и вызывающие в памяти свершения таких групп, как «Pearls Before Swine» и неофолковый «Current 93», полные странных, немного беспокоящих звуков,

перемешанных с легко цепляющими поп-темами. Они балансируют на грани авангардной и популярной музыки. «Пухлые щечки» это веселый вальсик, сыгранный в театрализованной обстановке, где полно каруселей, трамплинов и чёртовых колес. Наконец, последние два произведения демонстрируют образ по-настоящему зрелой группы, состоящей из музыкантов, которые отдают себе отчет в собственном мастерстве, реализуют некий целостный художественный проект и творят музыку для искушенных слушателей. Плотно насыщенная ломаными ритмами вкупе с быстрыми мелодиями композиция «Мостаха» («Усищи») находится где-то между спейс-роком и экспериментальным джазом. «Аллегро» являет собой сюиту, длящуюся почти четверть часа и раскручивающуюся по мере истечения времени, переходя от спокойной, минималистской колыбельной песни к электроакустическому эксперименту, основанием которого становится стена звука, создаваемая синтезатором и придающая этому произведению космическое, грозное измерение родом из музыки Штокхаузена, Экспериментальной студии Польского радио, Эугениуша Рудника, напоминающая раннее звучание «Tangerine Dream» и записавшей всего один диск «Tone Float» группы «Organisation», созданной Флорианом Шнайдером и Ральфом Хюттером, более известными как основатели «Kraftwerk».

Группа «Маленькие инструменты», которая на первых порах рассматривалась как творческий эксперимент, доставлявший много детской радости и музыкантам, и слушателям, на диске «Химия и физика» заявила о себе как о вполне осознанном и состоявшемся проекте. Ее участники предстали пред нами как коллектив, от которого можно ожидать альбомов, находящихся на высоком композиторском уровне. Глубина звучания, которой достигли на данном диске Романчук и компания, ошеломляет, заставляет вновь и вновь возвращаться к этим странным звукам и открывать чарующее обаяние каждой композиции. «Химия и физика» вызывает у слушателя широкий спектр ассоциаций — от серьезной музыки XX века через французские мелодии, исполняемые шансонье, вплоть до краут-роковых электронных экспериментов. Все это определяет ценность альбома, отводя ему заслуженное место среди лучших современных польских предложений, находящихся на пограничье двух миров: между популярной и высокой культурой. Как следствие, после прослушивания этого диска снисходительные улыбки скептиков уступают место приятному удивлению и полному принятию репертуара, который исполнялся, среди прочего, на детских пианино, велосипедном звонке и яблочке фирмы «Fisher Price».

Анатолий Нехай

10 ЛЕТ КЛУБУ АГНЕШКИ ОСЕЦКОЙ

Последнее заседание клуба прошло 23 декабря 2013 года. Оно было посвящено Юлиану Тувиму. Уходящий год был объявлен в Польше Годом Юлиана Тувима: 100 лет назад, в январе 1913-го, было опубликовано его первое стихотворение, а 60 лет назад, 27 декабря 1953-го Тувима не стало...

Клуб друзей польской книги в Петербурге существует уже 10 лет. Он образовался в 2003 г. на базе кружка польского языка в Отделе иностранной литературы Центральной Городской Публичной Библиотеки им. В. В. Маяковского, участниками которого были в основном члены Культурно-просветительского общества «Полония». В дальнейшем заседания Клуба проходили в школе № 216 им. Адама Мицкевича, в филиале № 3 Центральной детской библиотеки им. А. С. Пушкина на 3-й Советской улице и в др. местах. С момента открытия Дома Польского в Петербурге (2008) заседания Клуба стали проводиться в библиотеке ДП (Саперный пер. 10).

На заседаниях обсуждаются новинки переводной литературы, проводятся вечера, посвященные памяти польских писателей и поэтов, демонстрируются видео и художественные кинофильмы — экранизации произведений польских авторов, проходят презентации новых книг. В клубе часто бывают польские гости, в частности, нас посетили: большая делегация Университета 3-го возраста из Миланувка (под Варшавой) во главе с директором пани Марией Инкельман; известный журналист и писатель Мариуш Вильк; автор книги воспоминаний о своей ссылке в Казахстан «Странствующие маки» Станислава Хобиан-Шерон; поэтесса и журналистка из Катовице Барбара Грушка-Зых и многие другие. В связи с изданием в Петербурге книги стихов и песен Агнешки Осецкой «Ах, пани, панове…» Клуб посетила дочь поэтессы Агата Пассент, приехавшая в Санкт-Петербург по приглашению Польского института. С ее благословения с 2009 года Клуб носит имя Агнешки Осецкой. Приезжала к нам также Александра Ивановская — хранитель и издатель произведений поэта-ксендза Яна Твардовского, участвовавшая в презентации книги его стихов «Просьба», выпущенной Польским институтом.

Наши книги можно посмотреть на сайте Клуба www.agnieszka.ru (раздел «Библиотечка польской поэзии»). Последняя книга, выпущенная в этой серии — том «Нежность» (2010), сборник стихов и песен Ионаша Кофты — поэта, артиста кабаре «Под эгидой» в Варшаве.

В создании наших книг активное участие принимают молодые переводчики — победители в польской номинации конкурса «Sensum de sensu» (Смысл — смыслом), который ежегодно организовывает Союз переводчиков России при участии переводческой фирмы «Эго ранслейтинг» и Петербургской Торгово-промышленной палаты.

Встречи в клубе проводятся ежемесячно по четвертым понедельникам, начало в 18 часов. Вход свободный. Последнее заседание 2013 года состоялось 23 декабря. Оно было посвящено итогам этого года, объявленного в Польше Годом Юлиана Тувима. Были прочитаны афоризмы и фрашки поэта, а также объявлены условия очередного конкурса молодых переводчиков — «Sensum de sensu-2014» на лучший перевод стихотворений Юлиана Тувима. Приглашаем всех желающих!

Анатолий Нехай — председатель Клуба, заслуженный деятель культуры Польши.

Эугениуш Соболь

III ФЕСТИВАЛЬ «ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОЭТ СВОБОДЫ»

Фестиваль «Европейский поэт свободы» прошел в Гданьске 19–22 марта уже в третий раз. В нынешнем году программа мероприятия была обогащена идеей пропаганды поэзии посредством ее связи с музыкой и кино, перевода стихов не только на иные языки, но и «перевода» на другие виды искусства. Этот оригинальный замысел принадлежит новому художественному директору фестиваля Тадеушу Домбровскому, который обосновал такую междисциплинарность следующим образом: «Мне хотелось бы показать, что происходит с поэзией в ушах и душах выдающихся композиторов и исполнителей современной классики, а также то, каким образом кино создает пространство в котором слово не оказывается заглушенным, не становится банальностью, не уплощается в кадре». Однако при всех новаторских изменениях стержнем фестиваля остались встречи с авторами, выдвинутыми на премию «Европейский поэт свободы», составляющей 100 тыс. злотых для поэта и 10 тыс. злотых для его переводчика. В 2014 году в финале оказались Яан Каплинский из Эстонии со сборником «На другом берегу озера», Дорта Ягич из Хорватии («Диван на рынке»), Ирен Бауманн из Швейцарии («Когда прибывающие еще на пути домой»), бельгиец Гай Гоффетт («Прощания на краю»), грек Панделис Боукалас («Глаголы»), Токтарали Танжарик из Казахстана («Страницы ночи»), Эрвин Айнцингер из Австрии («Нож из Одессы»). Имеет смысл подчеркнуть, что организаторы решили нарушить традиционные схемы авторских встреч, приглашая к беседам с поэтами представителей мира масс-медиа, таких как Казимера Щука, Агата Пассент, Макс Цегельский, а фестивальным слэмом руководил Рафал Брындаль. Это было попадание в яблочко, поскольку на каждой из встреч, проходивших в Институте городской культуры и в воеводской библиотеке на улице Мариацкой, всегда был полный зал.

Во время концерта в Центре св. Яна публика услышала «Сонеты Шекспира» Павла Мыкетина, «Между отливом мысли и приливом сна» Агаты Зубель на основе поэзии Домбровского, «eMotions» Михала Моца. Зубель как исполнительница вокальных партий, пианист Мацей Гжибовский и оркестр AUKSO в очередной раз доказали, что они музыканты мирового ранга. В отделении, посвященном кино, зрители посмотрели несколько десятков поэтических видеоклипов из собрания берлинского «Zebra Poetry Film Festival».

Чрезвычайно интересной оказалась дискуссия на тему «Места поэзии» с участием директоров европейских поэтических фестивалей — Маделин Грив («International Poetry Festival», Стокгольм), Элеонор Ливингстоун («StAnza — Scotland's International Poetry Festival», Сент-Андрюс), Баса Квакмана («Poetry International Festival», Роттердам), Свитослава Померанцева («International Poetry Festival Meridian» в Черновцах), Кристианы Ланге («Poesie Festival» в Берлине) и Тадеуша Домбровского. Беседа преимущественно концентрировалась вокруг вопросов, связанных с новыми способами пропагандирования поэзии, роли литературных мероприятий и поиска финансовых средств на их организацию. В связи с последними украинскими событиями в исключительной ситуации оказался организатор черновицкого фестиваля «Meridian», поскольку спонсор мероприятия, олигарх Дмитрий Фирташ, находится ныне под домашним арестом в Вене, а Соединенные Штаты настаивают на его экстрадиции. Высказывались соображения о пропаганде поэзии в потребительском обществе — например, в Роттердаме фрагменты стихов гостей тамошнего фестиваля размещаются на городских мусороуборочных машинах. Участники дискуссии подчеркнули также, что европейская литература должна открыться на африканскую, азиатскую, латиноамериканскую поэзию, что может способствовать интеграции иммигрантов в мультикультурном обществе.

Впервые мероприятия фестиваля «Европейский поэт свободы» прошли также в школах. Под патронатом «Тыгодника повшехного» были организованы «Мастерские творческого чтения». Их

целью было оживить программу изучения польской литературы, помочь ученикам преодолеть страх перед стихами и их схематизированное восприятие. Томаш Ружицкий представил эвристическую интерпретацию поэзии Иосифа Бродского в контексте восточноевропейских литератур, а литературовед Павел Прухник объяснил стихотворения Збигнева Херберта «Две капли» и «Ткань». Тему «Ларс фон Триер экранизирует Лесьмяна» рассмотрел Гжегож Янкович, проводя аналогию между содержанием рассказа Лесьмяна «Сатир и нимфа» и фабулой фильма «Нимфоманка» Ларса фон Триера. В свою очередь Анджей Сосновский представил глубокий анализ стихотворения «В костеле» Ярослава Ивашкевича. Возможно, «Мастерские свободного чтения» и не были наиболее зрелищной частью нынешнего фестиваля, но живая заинтересованность молодежи этим циклом показывает, что в разговоре с действенно общающимися с новейшей литературой критиками и поэтами молодые люди стремятся освободиться от тесного корсета школьных интерпретаций. Литературные мастерские для младшеклассников провела в одной из гимназий гданьская писательница Барбара Пюрковская.

Финальная церемония, в режиссуре Мартина Либеры, проходила в иронично-декадентском ключе. Хор Балтийской оперы облачился в золотистые покровы, сбрасывая их под защитой темноты, когда стихи выдвинутых на соискание премии поэтов стала читать Магдалена Целецкая в сопровождении пения. Торжественное мероприятие вела журналистка радио «Тройка» Агнешка Шидловская. По завершении этого великолепного зрелища был оглашен вердикт. Жюри из восьми членов в составе: Агнешка Холланд, Анда Роттенберг, Павел Хюлле, Кшиштоф Помян, Станислав Росек и Анджей Ягодзинский — решило в нынешнем году признать титул «Европейский поэт свободы» Дорте Ягич из Хорватии. «Стихи Дорты Ягич — это утверждение свободы женщины, ее способности не поддаться давлению телесности и чувств, общественных и исторических предубеждений. Они объединяют конкретный экзистенциальный опыт с посланием всеобщего характера. Жюри отмечает также работу переводчика — Малгожаты Вежбицкой, которая сумела представить по-польски поэзию Дорты Ягич», — написано в обосновании решения. В самом деле, поэзия Ягич выражает феминистический бунт против закоснелых норм патриархального балканского общества, утверждая сексуальную эмансипацию. Но одновременно женщина в этих стихах чувствует себя опутанной паутиной мужского вожделения, из которой пробует любой ценой высвободиться: «спроектированные давно, / еще в средневековье, как крепость / против наступления полевых цветов / и живительного дождя / старые девичьи комнаты имеют в десять раз больше / врат одиночества, чем во всех других домашних помещениях» («Каменные стены женских комнат»).

Следует подчеркнуть, что фестиваль был очень доброжелательно и заинтересованно освящен СМИ. На странице фестиваля в интернете мы найдем несколько десятков ссылок, отсылающих к посвященным этому мероприятию сообщениям прессы, телевизионным программам и радиопередачам. Торжественная церемония завершилась жеребьевкой, были определены семь европейских стран, поэты которых будут состязаться за титул «Европейский поэт свободы 2016». Выбор, с легкой руки президента Гданьска Павла Адамовича, пал на Португалию, Италию, Данию, Венгрию, Македонию, Румынию и Россию.

Януш К. Ковальский

НАШ ВОСТОК ЖИВЕТ ЗА СЧЕТ ВОСТОКА

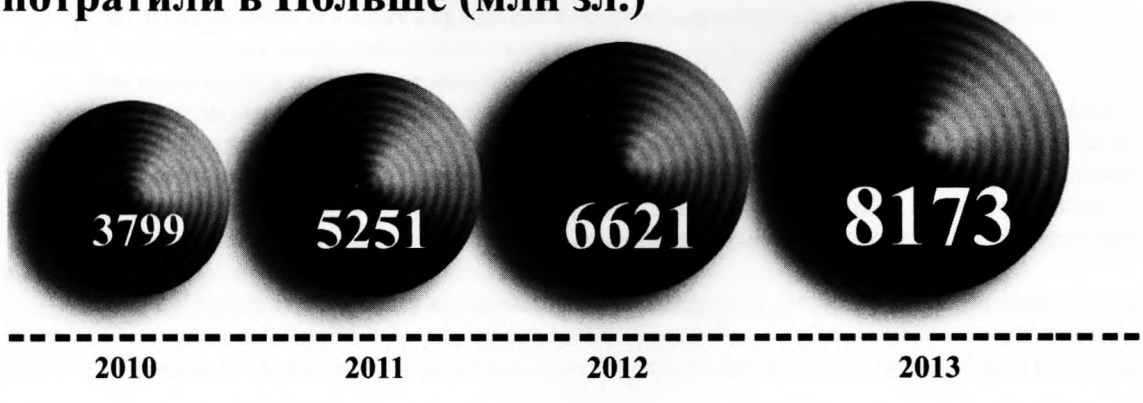
Если в экспорт включить покупки, которые делают в Польше украинцы, белорусы и россияне, то в отдельных случаях его размер увеличился бы на треть. В 2013 г. наши соседи потратили у нас свыше 8 млрд злотых.

С каждым годом наши соседи с востока оставляют все больше денег в польских магазинах и в центрах бытового обслуживания. Если в 2010 г. эта величина составляла всего лишь 3,8 млрд злотых, то в 2012 она равнялась уже 6,6 млрд зл., а в прошлом году эта цифра подскочила до рекордной отметки 8,1 миллиарда. А это означает резкое увеличение на 23,4% — таковы результаты исследований Статистического комитета в Жешуве.

По традиции больше всего покупок в 2013 г. делали у нас украинцы: их расходы составили 4,4 млрд злотых. Если эту сумму включить в общий польский экспорт в эту страну, то он увеличился бы на четверть и превысил 22 млрд злотых. Наибольшим спросом неизменно пользуются строительные материалы, запчасти и аксессуары для автомобилей, а также бытовая техника и электроника. А вот на продукты украинцы тратят около 12% расходуемых после пересечения границы денег. Польша для них настолько привлекательный рынок, что от покупок их не удержали даже последние драматические события в Киеве. «Несмотря на то, что некоторые пограничные контрольные пункты заблокированы, через подкарпатские посты проходит около 20 тыс. украинцев в сутки», — говорит майор Эльжбета Пикор из Бещадского отдела пограничной службы. В предыдущую среду их было 24 тыс., в то время как в прошлом году границу в среднем пересекало 30 тыс. человек в сутки.

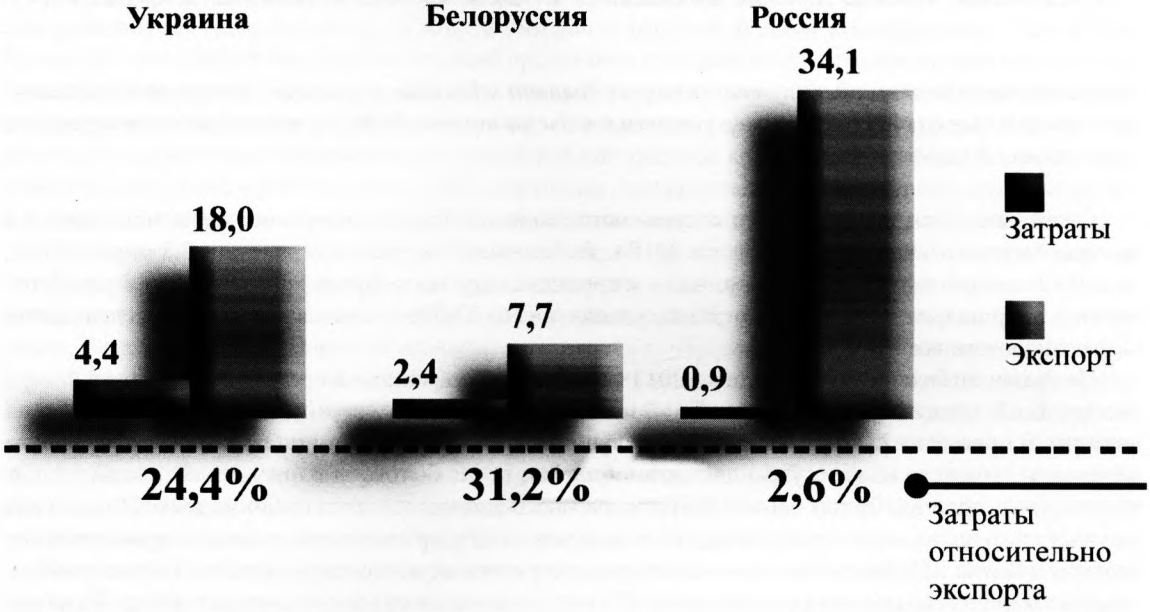
Нынешняя статистика еще улучшится, поскольку самый богатый «урожай» коммерсанты, расположившие свои торговые точки вдоль восточной границы, собирают, когда украинцы приезжают за покупками в предпраздничные дни. Примерно так же выглядит ситуация с клиентами из Белоруссии. В прошлом году они оставили у нас почти 3 млрд злотых. И вот что интересно — эта сумма составляет 31% от размера польского экспорта в эту страну.

1. Сколько иностранцы с Востока потратили в Польше (млн зл.)

2. Расходы граждан стран Восточной Европы в Польше

в сравнении с нашим экспортом в эти страны (млрд зл.)

Список завершают россияне, которые в наших магазинах, центрах бытового обслуживания, ресторанах и гостиницах потратили в минувшем году 584 млн злотых. Конечно, это немного по сравнению с украинцами и белорусами, но зато россиянам принадлежит рекорд годового роста: они оставили у нас на целых 75% больше денег, чем в 2012 году. Это связано с упрощениями, которые ввел договор о малом пограничном движении с Россией, вступивший в силу с середины 2012 года. Благодаря нему в нашем приграничном пространстве россияне могут перемещаться без виз. Однако в конечном итоге их расходы составляют всего лишь 2,6% от польского экспорта в Россию.

На чрезвычайно важную роль приграничной торговли указывают и другие данные. Например, величина прошлогодних расходов иностранцев с Восточной Европы соответствовала 42% экспорта всего Люблинского воеводства в эти страны, 22% —Подлясского воеводства, 13% — Подкарпатского и 5% Варминско-Мазурского.

ЧТОБЫ ВЫИГРЫВАТЬ КОНТРАКТЫ НА ВОСТОКЕ, НУЖЕН ПРАГМАТИЗМ

С Томашем Забоклицким, генеральным директором польского концерна АО «Песа» Быдгощ, занимающегося производством и модернизацией электропоездов, вагонов и трамваев, беседует Конрад Майшик

— Какое значение имеет для вашего концерна ситуация на Украине?

— С большим сожалением я наблюдал за событиями в этой стране, в результате которых гибли люди. Эта ситуация, конечно, повлечет за собой экономические пертурбации. В частности, для украинских железных дорог мы поставили рельсовые автобусы с двигателями внутреннего сгорания. Украина уже собиралась объявить новые торги на поставку вагонов, однако, я полагаю, что эти торги будут отложены.

— Ваше предприятие продает поезда еще в Россию и Белоруссию. Быдгощ завоевывает Восток?

— В Белоруссию мы поставили как раз первый из трех рельсовых автобусов с двигателями внутреннего сгорания. С декабря 2012 г. трамвай «Свинг» ездит по улицам Калининграда, получая весьма хорошие отзывы, в связи с чем мы рассчитываем на новые заказы. Кроме того, мы продали вагоны в Литву и Казахстан. Наш самый крупный восточный контракт, которым мы гордимся больше всего, — это договор на 120 трамваев «Фокстрот» для Москвы, который мы реализуем совместно с предприятием «Уралтрансмаш». Четыре состава приедут в Москву в марте 2014 г.

— Почему восточные рынки открылись именно сейчас?

— Потому что отношения между нашими странами стали более стабильными — это первая причина. Во-вторых, появление нашей фирмы в Германии и Италии привело к тому, что и россияне обратили на нас более пристальное внимание. И оценили, с одной стороны, наш технологический потенциал, а с другой — конкурентоспособность на фоне западных концернов.

— Российские требования сильно завышены?

— У наших заказчиков большие ожидания, связанные с износостойкостью составов при эксплуатации в суровых климатических условиях. Например, при температуре до –40°С. Конструкция должна быть специально оборудована на случай мороза, интенсивного засоления и т. д. Кроме того для своей партии россияне заказали расширенный мониторинг, включающий запись действий машиниста, что в Польше не практикуется. «Фокстроты» будут первыми в истории России, если не считать пробного запуска в Калининграде, трамваями с низкими подножками.

— Курс рубля достиг самой низкой в истории отметки. Это плохо для вашей фирмы?

— Курс рубля не имеет значения для рентабельности нашего контракта. Мы заключали его в евро, избежав таким образом риска, связанного с курсом рубля.

— Это ваша первая примерка к российскому рынку?

Уже в 90-е годы мы модернизировали для российских железных дорог пассажирские вагоны. Но тогда возникло политическое напряжение между нашими странами, в результате чего испортились также экономические отношения. Контракты сорвались, поскольку тогда Россия повернулась к нам спиной. Деловое сотрудничество возможно, но чтобы выигрывать контракты на Востоке, нужен прагматизм.

— А существуют ли вообще какие-нибудь перспективы для заключения новых контрактов в России?

— Да. В 2018 году Россия будет организатором Чемпионата мира по футболу. Во всех восьми городах — хозяевах первенства — существуют трамвайные сети, поэтому возникнет огромная потребность в трамваях. Наш новый крупный контракт напрямую связан с открытием фабрики в России.

Слишком велики расстояния, чтобы в течение длительного срока окупалась перевозка транспорта из Польши. Кроме того, Россия предоставляет торговые преференции, которые являются импульсом для того, чтобы открывать предприятия в этой стране.

— В 2012 году «Песа» подписала договор на поставку до 470 дизельных рельсовых автобусов для Deutsche Bahn. Как ведутся дела с россиянами по сравнению с немцами?

— Требования россиян так же высоки, но решения они принимают быстрее. Сначала царило недоверие, связанное с тем, что обе стороны изучали друг друга. Теперь, после его преодоления, сотрудничество наладилось.

— Недавно вы выиграли торги на поставку 20 составов для «ПКП Интерсити», которые укомплектуют парк «Пендолино». Готовы ли вы к такому количеству заказов?

— Портфель заказов «Песа» вырос в этом году до 2 млрд злотых. В течение двух лет мы добьемся 3 млрд зл. оборота, что станет рекордом в истории предприятия. На протяжении многих лет мы готовились к такому скачку. У наших производственных цехов все еще есть пространственные резервы. Совместно с нашим филиалом, ремонтным заводом железнодорожного оборудования в Минске-Мазовецком, мы даем работу почти 3,8 тыс. человек и в течение следующих двух лет будем увеличивать занятость.

— В прошлом году вы сетовали, что политики не поддерживают польских предпринимателей в сфере заключения контрактов. Что-то изменилось с тех пор?

— С того момента наблюдается значительное улучшение, в особенности со стороны министерств экономики и иностранных дел, которые начали представлять наши интересы за границей, например, изменились принципы отчета дипломатических представительств. Мы получаем также помощь со стороны президента Республики Польши, что может принести свои плоды в виде новых контрактов.

— Собирается ли «Песа» выходить на биржу, как это сделал ее самый крупный польский конкурент — фирма «Newag»?

— Мы не хотим продаваться и не нуждаемся в дополнительном капитале. Наш доход с продаж за 2013 г. составил свыше 1,6 млрд злотых. Чистая прибыль уже многие годы превышает 100 млн злотых в год. Но мы не «проедаем» прибыль, поэтому нам хватает средств на внутреннее развитие.

— Пытались ли более мировые игроки перекупить «Песа»?

— Все крупные концерны предлагали нам это. Даже в этом году мы получили предложения с Уолл-стрит и от россиян. Но с моей точки зрения, нет ничего забавного в том, чтобы быстро продать фирму, например, на бирже, заработать много денег и потом уже только их тратить. Мне нравится создавать и развивать бизнес, видеть перспективу на многие годы вперед. По моим наблюдениям, появляется новое поколение польских менеджеров — это не только «Песа», но, к примеру, объединения «Факро» и «Солярис» — которые думают так же, как я. Польский бизнес становится все более зрелым.

DZIENNIK GAZETA PRAWNA

Анна Цесляк-Врублевская

РАБОЧАЯ СИЛА В ПОЛЬШЕ ВСЕ ЕЩЕ СТОИТ ДЕШЕВО

За час работы в промышленности в Польше платят в среднем 7,5 евро, тогда как в Германии — почти в пять раз больше. Но в Болгарии эта сумма наполовину меньше, чем у нас.

Из расчетов газеты «Жечпосполита», проведенных на основании данных Евростата, следует, что стоимость труда в промышленности Польши в 2013 г. составила в среднем 7,5 евро за час. По сравнению с 2012 годом этот показатель вырос на 3,3%.

На такую динамику повлияли, прежде всего, последние месяцы. В промышленном секторе стоимость труда выросла за IV кв. на 4% (по сравнению с IV кв. 2012 г.), в сфере услуг — на 6,2%, а в строительстве — на 7,7%.

Стоимость труда — это не только вознаграждения, выплачиваемые работникам, но также обязательные взносы на различные виды страхования: пенсионное, медицинское и прочие. По сравнению с Западом рабочая сила в Польше все еще обходится относительно дешево. В Германии час работы в промышленности означает расходы порядка 36,4 евро, а в Швеции — 44,8 евро.

Но по сравнению со странами нашего региона мы выглядим уже не столь привлекательно (с точки зрения иностранных инвесторов). На заводе в Литве рабочий получает в среднем 6 евро в час, а в Болгарии —3,5 евро. В свою очередь в Португалии, где стоимость труда в период кризиса постоянно падает, рабочего можно нанять за 10 евро, в Чехии — за 10,6 евро.

Совсем иначе в смысле стоимости труда выглядела карта Европы почти 20 лет назад, в 1996 году. Тогда в Польше (равно как в Чехии и Венгрии) она составляла 3 евро в час, иначе говоря, была в восемь с лишним раз меньше, чем в Германии (теперь она меньше «только» в пять раз). В течение 17 лет стоимость труда в польской промышленности выросла на 151%, в германской — на 4%.

Однако рабочая сила в Польше по сравнению с Западной Европой по-прежнему остается очень дешевой. «Но глобальные фирмы умеют находить для своих предприятий места еще дешевле», — подчеркивает Рышард Петру, председатель Общества польских экономистов. В Китае или на Филиппинах указанные затраты колеблются в границах 2–2,5 доллара за час. Например, концерн «Дженерал электрик» недавно заявил на страницах газеты «Жечпосполита», что в Польше он уже ни в какие производственные линии инвестировать не будет. Однако, по мнению экономистов, тот факт, что стоимость труда перестает быть нашим главным козырем, — новость отнюдь не из худших. «Больше всего мы нуждаемся в инвестициях, которые будут повышать производительность труда работающих, иными словами, нам требуются заводы, оснащенные самыми современными станками и оборудованием. Заводы в значительной части автоматизированные, требующие не затрат труда, а капиталовложений, и изготавливающие товары с большой добавленной стоимостью, чтобы каждый израсходованный на вознаграждения злотый приносил максимальный доход», — говорит Станислав Гомулка, главный экономист «Business Centre Club».

— А такие инвестиции можно привлечь качеством наличных ресурсов рабочей силы и бизнес-окружения, в том числе местных предприятий-кооперантов и партнеров. Расходы на зарплату отходят при этом на задний план, — добавляет Малгожата Старчевская-Кшиштошек, главный экономист конфедерации частных работодателей «Левиафан». Эксперты согласны с тем, что чем больше таких инвестиций, тем быстрее зарплаты в Польше будут догонять уровень западноевропейских.

Критериям такой инвестиции, пожалуй, соответствует крупный проект «Фольксвагена» — новое производственное предприятие в городке Вжесня. Его стоимость оценивается в 3,2 млрд зл., а работу на нем найдут около 2,3 тыс. человек. Таким образом, подготовка одного рабочего места может обойтись более чем в 1 млн зл. «Я убеждена, что оснащение этого завода будет очень современным,

а занятые там лица будут зарабатывать больше, чем составляет средний показатель», — говорит Старчевская-Кшиштошек.

Отчет Польского национального банка

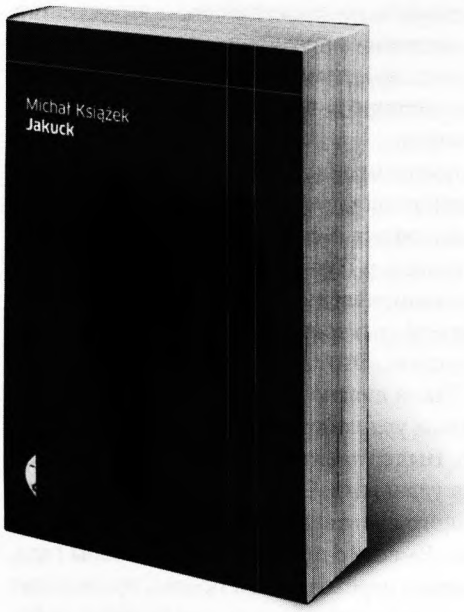
Слишком много поляков ищет работу дольше года

Ситуация на рынке труда улучшается, но затягивающееся экономическое замедление привело к тому, что увеличилось количество людей, которые больше года безрезультатно ищут работу. По данным Главного управления статистики (ГУС), в III кв. 2013 г. (это последние данные) лица, неработающие длительное время, составляли в Польше более 37% всех безработных. «Численность указанной группы продолжает расти, и это говорит о том, что для лиц, которые потеряли работу между 2010 и 2012 годами, трудоустройство — даже в период нынешнего улучшения экономической ситуации — может оказаться делом сложным», — читаем мы в отчете Польского национального банка (ПНБ) о ситуации на рынке труда в IV кв. 2013 г. Эксперты ПНБ предостерегают, что несмотря на падение среднего уровня безработицы, высокая доля среди неработающих лиц с длительным стажем безработицы существенно препятствует улучшению общего состояния домашних хозяйств. В IV кв. минувшего года число работающих возросло на 62 тыс. человек. Это больше, чем в предыдущем квартале. Быстрее всего занятость росла в секторе услуг — там годовой темп роста ускорился до 0,9% (с 0,5% в предыдущем квартале). Медленнее, чем в III кв., росла занятость в промышленном секторе. Из анализа ПНБ вытекает, что все меньше поляков работает сверхурочно. Если в 90-е годы количество тех, кто еженедельно трудился больше 40 часов, достигало даже 30%, то сейчас их доля упала примерно до 12%. Это означает, что фирмы предпочитают привлекать новых сотрудников, нанимая их, например, на основе временных трудовых договоры, чем платить за сверхурочные часы.

RZECZPOSPOLITA

Эугениуш Соболь

ГОРОДСКОЙ ТЕКСТ ЯКУТСКА

Польский репортаж по восточной тематике сформировался, прежде всего, как путевые заметки, автор которых находится в постоянном движении, знакомясь с человеческими судьбами и фиксируя их. Например, в текстах Яцека Хуго-Бадера мы часто имеем дело с потрясающими историями пропащих людей, зависимых от алкоголя и наркотиков. А вот Михал Ксёнжек в «Якутске» предложил совершенно иную, альтернативную поэтику репортажа, который можно, наверное, назвать интеллектуальным. При таком подходе ремесло репортера более напоминает научную работу. Основное время он проводит в архивах и библиотеках над рукописями, старыми книгами, вырезками из газет, картами, словарями — и неохотно покидает место, где расположился. Собственную свою субъективность он приносит в жертву собирательности. Элементы интеллектуального репортажа появились уже в «Тосте за предков» Войцеха Гурецкого, но после «Якутска» смело можно говорить о кодификации этого жанра.

Авторы репортажей в стилистике путевых записок обычно избегают называть писателей, которые стали для них примером. Ксёнжек раскрывает источники вдохновения, среди которых, в частности, феноменология Гуссерля, но прежде всего — работы польских ссыльных XIX века: «Двенадцать лет в краю якутов» Вацлава Серошевского* и «Словарь якутского языка» Эдварда Пекарского. На основе двух этих трудов автор попробовал создать новый литературный жанр — синтетическое «красочное повествование на стыке эссе, репортажа и энциклопедии». Сразу следует подчеркнуть, что эта попытка увенчалась успехом. И все же, читая «Якутск», я все время испытывал чувство, что с подобным интертекстуальным подходом уже встречался. Достаточно было освежить в памяти статью «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» Юрия Лотмана, а в еще большей мере книгу его ученика Владимира Топорова «Город и миф», чтобы понять, что текст Якутска автор создает (сознательно или неосознанно) на манер петербургского текста.

Поэтому имеет смысл сосредоточиться на сравнении литературной трактовки обоих городов. Петербург и Якутск роднятся, прежде всего, в климатогеографическом отношении. Оба города возведены в неблагоприятных природных зонах, где вообще не должны строиться города. Бывшая столица российской империи поднялась на болотах и топях, Якутск — на вечной мерзлоте. Гетерогенность петербургского текста и текста Якутска дополнительно экспонируется присутствием в их структуре полярных противоречий. Расположенный на окраине империи, Петербург, вместе с тем, составлял ее центр. Похожее ощущение «жизни на краю» испытывает и польский репортер, хотя Якутск — это столица огромной автономной республики с площадью в 3 млн квадратных километров. Пути сообщения способствуют возникновению связей между людьми, но из столицы Якутии нет проезжих дорог ни в европейскую часть России, ни в города, расположенные на юге Сибири. Здесь расстояния

* В России работа вышла в 1896 г. под названием «Якуты. Опыт этнографического исследования». Переиздана в 1993 г. *Прим. пер.*

между населенными пунктами измеряются тысячами километров, а снабжением жителей занимаются водители громадных грузовиков, с трудом продирающихся через бездорожье.

Главный герой репортажа — это сам город. Язык, которым он разговаривает с автором, обладает сложной структурой. Репортер вводит в свою книгу элементы глоссария. Приводит этимологию якутских слов, а следует признать, что язык кочевых народов, особенно в отношении семиотического упорядочения пространства, существенно отличается от языка народов оседлых. Для европейцев важнейшую роль играет оппозиция «верх — низ», в то время как для якутов пространство формируется как граница между городом и пустыней. «Начало и конец сплетаются, создавая город»,— пишет автор, и в этих словах откликается азиатская, китайско-японская концепция мироздания, понимаемого как циклический круг. Кажется, что жизнь якутов вообще нельзя описать с помощью линеарных моделей, выработанных европейской цивилизацией. Структура этого обширного пространства присутствует в самом языке, его фонетике и грамматике, — рассказывает автор.

В современной жизни город стал воплощением мечты о покорении силы стихий, которая веками сопровождала человека. Однако, как пишет Топоров, в петербургском тексте мы имеем дело с двоевластием культуры и природы, когда вторая постоянно напоминает о себе. Описания дыбящейся Невы, которая угрожает русской столице, мы находим, в частности, у Пушкина и Мицкевича. Жизнь в Петербурге привела к возникновению онирических и апокалипсических видений, миражей, раздвоению личности и сознанию присутствия дьявола, гротескной трактовке действительности, многочисленные примеры чему мы находим в литературе и искусстве. Этот город предстает как фасад и декорация, за которыми прячутся ничтожность и пустота. Такой диагноз следует иметь в виду при чтении «Якутска». Польский репортер оказался в экстремальных условиях: зима длится почти девять месяцев, температура опускается ниже пятидесяти градусов. Выдержанные в поэтике сна описания тонущих в тумане площадей и улиц следует признать весьма удачными. Одетые в шубы пассажиры автобуса могут показаться автору зверями. Недостаток дневного света вызывает психические заболевания и депрессию, часто завершающиеся самоубийствами. Вместе с приходом теплой поры года, которую, однако, трудно назвать летом (это, скорее, весна, плавно переходящая в осень), происходит карнавализация жизни в Якутске. Потребление алкоголя в течение многих недель или занятия любовью на лоне природы — это реакция его жителей на тяготы, связанные с жестокой зимой. Петербург и Якутск близки друг другу также в политическом аспекте. Собирая материалы для своей книги, польский автор очень часто сталкивается со следственными делами, протоколами допросов, доносами царской охранки. Он подчеркивает, что город этот был тюрьмой. Подобное ощущение испытывали также и петербургские писатели. Злословие в адрес Петербурга подрывало основополагающий миф города, который был построен по приказу Петра I, а тем самым ставило под вопрос правомочность царской власти.

Автору все время сопутствует убеждение, что Якутск, застроенный типовыми зданиями, появившимися в период Советского Союза, — город ненастоящий, что за его фасадом скрывается исчезнувший город прошлого. Старый, столетней давности Якутск, состоявший из деревянных домов, лучше вписывался, как полагает репортер, в сибирский пейзаж и был ближе к природе, чем дегуманизированные бетонные коробки. Аналогичную реконструкцию истории старого города предпринял Гурецкий в сборнике репортажей «Тост за предков».

Среди польских ссыльных автора более всего увлекает фигура Вацлава Серошевского, который сумел жизненное поражение обратить в успех и после двенадцати лет ссылки вернулся на родину в ореоле славы, а после того, как Польша обрела независимость, стал влиятельным политиком. Сегодня его труды играют важную роль в национальном возрождении якутов. Репортер провел раскопки в районе Нам, в месте, где стоял дом Серошевского, ему также удалось воссоздать биографию Марии, дочери Серошевского, которая, расставшись с отцом, перебралась в Москву и умерла там в 1964 году.

Присутствие поляков прочно запечатлелось в истории Якутии. Попавшие в русский плен Антоний Добжинский и Самсон Новацкий покоряли этот край, а затем революционеры Феликс Кон и Болеслав Геллерт свергли царскую власть в Сибири. «Словарь якутского языка», составленный Пекарским, не только проясняет этимологию якутских слов и объясняет фразеологию, но и содержит подробнейшие

описания повседневной жизни, верований и фольклора якутов. Ксёнжек полагает, что это уникальный научный труд, поскольку ни один иной из населяющих Сибирь народов так и не дождался столь профессионального словаря. Еще один поляк — доктор Александр Сипович завоевал уважение местных жителей, оказывая медицинскую помощь в экстремальных условиях. Часто даже не брал за это денег. На основе архивных разысканий автор воссоздает судьбы других польских ссыльных, которые непрерывно прибывали под эскортом царских жандармов в город на Лене с XVI до конца XIX века. Они учили якутов читать и писать, распространяли знания и достижения цивилизации, а одновременно организовывали заговоры против царской власти, за что карались ссылкой на Колыму.

Михал Ксёнжек показал несколько иную картину Сибири, чем Яцек Хуго-Бадер, который, например, в «Белой горячке» описал ширящуюся среди эвенков чуму алкоголизма, грозящую этому народу вымиранием. Автор же рассматриваемого нами сборника репортажей сосредоточился на теме возрождения якутов, хотя и признает, что подчас оно приобретает едва ли не гротескные формы. «Возможно ли перенесение верований из железного века в общество интернета?» — задумывается Ксёнжек. Вслед за Бадером он отправляется в путешествие по Колымскому тракту. Но у меня сложилось впечатление, что оно не увенчалось какими-то особыми открытиями. Путевые заметки и интеллектуальный репортаж попросту отличаются друг от друга методом поиска материала. После экспедиции на Колыму, полной опасностей и обильно сдобренной спиртным, Ксёнжек с облегчением возвращается в Якутск, чтобы в тиши библиотек продолжать свою работу.

Michał Książek, Jakuck. ***Słownik miejsca***,
Wydawnictwo Czarne, Wołowiec 2013.

Адам Задворный

ПОЛЬСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Поляки завоевывают приграничные территории Германии — они в массовом порядке покупают там дома, которые значительно дешевле, чем в Польше. «Стоп польскому вторжению!» — призывает националистическая национал-демократическая партия Германии. Безрезультатно.

В маленькой деревне Бланкензее, расположенной на северо-востоке Германии, в нескольких километрах от границы с Польшей, центром общественной жизни является польско-немецкая «Закусочная» (Gaststätte). Хозяйничает там полька, Алиция фон Спичак-Брезински. Поляки приходят к ней на немецкий картофельный салат, а немцы — на фирменный польский бигос — солянку из квашеной капусты, сухих лесных грибов и колбасы. Для поляков у нее всегда должно быть немецкое пиво, для немцев — польское.

В заведении пани Алиции появляются поляки, ищущие себе дом в Германии. Или такие, которые уже живут здесь, но не знают, каким образом уладить те или иные дела в немецком учреждении либо банке. За последние годы их было так много, что в конечном итоге фрау Алиция стала представительницей торгующей недвижимостью фирмы.

Наплыв польских поселенцев в восточную Германию — уже свершившийся факт. Поляки приезжают сюда не в поисках работы. Они просто оставляют квартиры в своих городах, чтобы поселиться в обезлюдевшей германской провинции, откуда на Запад не сбежали только те немцы, которые — как это сформулировал один из политиков — не добрались до вокзала. За сумму, эквивалентную цене квартиры в блочном доме времен реального социализма в Щетине, можно на другом берегу пограничной Одры купить помнящий Третий рейх домик с садом.

Гриль? Да, но не в субботу!

Витольд Бахож, гуманитарий по образованию, уже четыре года живет в деревне Пампов, что в нескольких километрах от границы.

Он продал двухкомнатную квартиру в построенной на закате социализма панельной многоэтажке в щецинском микрорайоне «Солнечный» и купил себе столетний дом с палисадником.

Как и для большинства поляков, дом в Германии — для него лишь спальня и место отдыха, здесь он проводит свободное время и уик-энды. Витек ежедневно отвозит работающую в школе жену в Щецин. Сам он тоже трудится в своем родном городе. А после обеда возвращается в Пампов. Он уже врос в местный пейзаж и притерся к немецким соседям. Может часами рассказывать всякие забавные житейские истории, побасенки да анекдоты, связанные с различиями в менталитете, нравах или обычаях поляков и немцев.

Поначалу поляков удивляют здешние неписанные законы — например, что с 12 до 14.30, в пору послеобеденного отдыха, когда пожилые соседи дремлют, нельзя пользоваться газонокосилкой или другими шумными приборами. В пятницу обязательно надлежит прибрать двор своей усадьбы, который ни в коем случае не должен быть захламлен или неухожен. Поляки тоже любят порядок, но не так сильно, как немцы. И поддерживают его только до собственного забора. Немцы же выковыривают сорную траву из зазоров между плитами публичного тротуара и косо смотрят на польских соседей, которые им в этом не помогают.

Поляки любят устраивать посиделки на свежем воздухе. Гриль, пиво, веселая компания. Обычно они собираются в субботу вечером. Тем временем для немцев попросту невообразимо, чтобы разжигать гриль в такое время. Не обходится и без неприятных последствий. Один из поляков рассказывал мне, как его знакомый после двух кружек пива, выпитых во время таких посиделок у гриля,

решил переставить свою запаркованную рядом с домом машину. Немецкие соседи донесли на него в полицию, дело кончилось судебным приговором за управление автомобилем после употребления алкоголя. По воскресеньям немцы не стирают и уж наверняка не развешивают белье. Поляки же не видят в этом ничего плохого.

— На первых порах я казался своим немецким соседям существом столь же экзотичным, как и они мне, — рассказывает Бахож. Весь период его уже более чем пятилетнего пребывания на немецком пограничье — это каждодневное опровержение стереотипов.

— В телевизионных сериалах, которые я смотрел в детстве, немца изображали как врага, убийцу, мерзавца, в лучшем случае представляли тупым болваном, но никогда он не бывал добродушным малым. Тем временем здесь я познакомился совсем с другими немцами — милыми, открытыми, симпатичными. Немец, говорящий по-польски, — это пока еще диковина, но все-таки полонизация продвигается вперед. Как-то раз пришел ко мне из коммунального управления трубочист для очередного планового контроля системы центрального отопления. Пользуясь подвернувшейся возможностью, я у него спрашиваю, может ли он частным образом сделать мне камин. Тот возмутился: «Я — официальное лицо и не могу подрабатывать на стороне!» Я вежливо извинился, на следующий день — звонок. В дверях стоит мой герр трубочист с каким-то молодым человеком и говорит: «Вот мой племянник. Он может».

Оборотистые польские переселенцы

Анджей Котуля, во времена социализма — деятель демократической оппозиции, сегодня — человек, работающий на благо польско-немецкого примирения, один из учредителей общества «Под стереотипами», объединяющего польских и немецких журналистов, которые пишут о своих соседях.

Котуля польское расселение в восточных землях Германии считает явлением весьма позитивным.

— Поляки, которые там живут, стали своего рода межкультурными посредниками, — говорит Котуля. — Обосновавшись в тех местах, они хорошо познакомились с обычаями немецких жителей и знают о здешнем обществе гораздо больше, нежели эпизодически наезжающие гости из Польши. Считаю, что в этом смысле они располагают огромным потенциалом, который должны использовать, к примеру, щецинские чиновники, занимающиеся официальным сотрудничеством с Германией. Поляки, которые купили дома за Одером, уже вросли в немецкое общество, большинство из них приняло господствующие там обычаи. Как правило, они открыты и доброжелательны, а потому точно так же, как и исконные жители этой провинции, здороваются на улице даже с незнакомыми людьми.

По мнению Котули, различия и недоразумения между польским и немецким сообществами в восточных землях Германии лишь в незначительной степени порождаются «польскостью» и «немецкостью».

— На мой взгляд, гораздо важнее различия, вытекающие из столкновения городского мировосприятия поляков (они перебрались сюда главным образом из Щецина) и провинциальности здешних немцев. Польские «колонисты-переселенцы» — это чаще всего люди молодые, предприимчивые, образованные. Тогда как местные немцы — это в значительной части люди пожилые и слабо образованные, которые ездят в Польшу только для того, чтобы на ближайшей польской заправке залить в бак более дешевый бензин и сделать покупки на приграничном базаре.

Тем временем поляки покоряют восточную Германию — открывают там парикмахерские салоны, строительные фирмы, кабачки, рыбокоптильни. И дают рабочие места немцам, что противоречит стереотипам о «чужаках, отнимающих работу», активно использующихся в пропаганде, которую ведет Национал-демократическая партия Германии.

Стоп польскому вторжению!

В приграничных немецких городках на каждом третьем столбе висят теперь плакаты Национал-демократической партии Германии, призывающие прогнать «чужаков».

Такие действия доброжелательно воспринимаются теми, у кого воры из Польши украли велосипед. Однако местные элиты выступают против этой партии. 10 августа Анджей Котуля участвовал в антифашистской демонстрации, организованной немцами на рынке в Пазевальке. Пришло на нее

и много поляков, в том числе Витольд Бахож. В недавнем прошлом немцы и поляки, настроенные против действий Национал-демократической партии, образовали живую цепь, которая должна была символически перегородить дорогу фашистам.

Уже в ходе предыдущей избирательной кампании административный суд в Грейфсвальде дал Национал-демократической партии указание снять в приграничных местностях антипольские плакаты (например, «Стоп польскому вторжению» или «Закрыть границу перед уголовниками»). Немецкий суд посчитал, что они призывают к национальной ненависти. Ну, и что из этого, коль скоро риторика Национал-демократической партии, которая тогда возмутила многих поляков и немцев, возвратилась сейчас в той же самой форме. Ей способствует усиление самой заурядной преступности, рост которой, скорее всего, связан с экономическим кризисом. Когда-то специализированные банды крали в Германии дорогие автомобили, чтобы продать их российским гангстерам. Через польско-немецкую границу контрабандой провозили наркотики, алкоголь и сигареты. Сегодняшняя преступность — мелкая, но надоедливая и вполне ощутимая: в немецких деревнях исчезают сельхозмашины, животные и даже медные водосливные желоба, которые польские алкаши продают потом в скупках металлолома, чтобы заработать на несколько банок пива.

В захолустной деревне Бланкензее живут уже двадцать польских семей. Они говорят, что местный бургомистр понимает поляков, потому что раньше в качестве офицера германской армии служил в международном корпусе НАТО в Щецине. Он даже немного говорит по-польски.

Поляки и немцы, помимо ежедневных встреч за пивом, два раза в год собираются на соседских гуляньях, которые организовывает та самая «Закусочная». Приносят свою еду. Большинство на этих встречах всегда составляют поляки. Но и немцы постепенно открываются для живущих так близко, прямо за забором славян. Им нравится, что учащиеся Государственной музыкальной школы из Щецина дали в Бланкензее благотворительный концерт, чтобы поддержать сбор денег на спасение старинной лютеранской кирхи, которую разъедает древесный грибок.

gazeta WYBORCZA

Татьяна Косинова

КАЖДОЕ ЧЕТВЕРТОЕ ЯБЛОКО В РОССИИ — ПОЛЬСКОЕ

21 мая 2014 в Музее политической истории России (МПИР) в Петербурге прошла однодневная международная конференция, посвященная 10-летию вступления в Европейский Союз Венгрии, Кипра, Латвии, Литвы, Мальты, Польши, Словакии, Словении, Чехии и Эстонии. На призыв инициатора конференции, Польского института в Санкт-Петербурге, откликнулись лишь три страны — Литва, Чехия и Словакия. Экспертов привезли лишь две из них (от Словакии на форуме молчаливо присутствовал только генеральный консул). Польские, литовские и чешские доклады перемежались выступлениями российских экономистов, политологов и социологов из ЕУСПб и СПбГУ. Планировалось проведение конференции на факультете международных отношений, но планы изменились. То ли общий климат в стране, то ли еще какие препятствия привели к тому, что конференцию перенесли в новый атриум МПИРа, что в итоге, на мой взгляд, пошло ей на пользу, потому что сделало более доступной.

Польша, гордясь успехами, которых достигла за десять лет пребывания в ЕС, представила сразу пять докладов. Роль главного европейского начальства исполнял завершающий вторую каденцию в Европарламенте Яцек Протасевич. Февральский скандал во франкфуртском аэропорту и подробное его освещение в российских СМИ не изменили программы конференции, но вопросов об этом в Петербурге не возникло ни в МПИРе, ни на радио «Эхо Москвы в Петербурге», куда Протасевича пригласили, чтобы он в прямом эфире рассказал о предстоящих выборах в Европарламент. На конференции он подробно рассказывал о принципах формирования парламента Евросоюза, его сбалансированности и роли, которая отведена в нем молодым членам («с нами играют в честную игру»), о Программе восточного партнерства для шести бывших республик СССР. Основным вопросом новой каденции Европарламента станет, по его мнению, проблема полного или ассоциированного членства Украины в ЕС. Это произойдет, может быть, «через два года, а может, дорогая Украина, через двенадцать или двадцать лет, когда страна будет к этому готова».

Выступление чешского участника было выдержано в традиционном для имиджа его страны скептическом ключе. Петр Мареш (Petr Mareš), посол по особым поручениям и вопросам Восточного партнерства МИД Чешской Республики, экс вице-премьер и историк по профессии, построил свой доклад на дихотомии евроскептиков и еврооптимистов. Одни отличаются от других примерно как чехи от поляков. «Чехи и словаки были всегда уверены в том, что живут в Европе», но если составить шкалу оценки европейских оптимистов в Вышеградской четверке, то «поляки всегда займут в ней первое место, а чехи будут на самом последнем, потому что их скептицизм распространяется и на ЕС», — отметил Мареш. Чешский эксперт напомнил о позиции, которую занимал последний президент Чехословакии Вацлав Гавел: «в Центральной и Восточной Европе не должно быть ни Варшавского договора, ни НАТО». И дискуссии о вступлении в НАТО шли в Чехии очень долго. Самый большой евроскептик из чехов — Вацлав Клаус. Тем не менее, любые проведенные в Чехии опросы или исследования покажут — нет никаких сомнений, что вступление в ЕС было благом. Сам Петр Мареш настроен скептически по отношению к соотечественникам: они «всегда хотели вступить в ЕС, но не хотели платить цену за преобразования и до сих пор любят объяснять свои неудачи влиянием извне: сначала была виновата Вена, потом Москва, теперь Брюссель».

Петербургский экономист, профессор Европейского университета в Петербурге, Дмитрий Травин попытался объяснить европейским гостям суть принципиальных расхождений политики российского руководства с ЕС. Почему изменился курс? Дмитрий Травин выделяет три момента. С самого начала в России не было спроса на демократию и европейские ценности. «Мы очень прагматичные люди. Реформы начинались при пустых прилавках и полном отсутствии нормального развития экономики.

Россияне предъявили спрос на полные прилавки и, соответственно, на рыночную экономику. Она многим не нравилась, но общество ее приняло, и желающих вернуться в Советский Союз сегодня очень мало. Но зачем нужна демократия, если колбасу можно получить и без нее? В 90-е на этот вопрос никто не ответил. В экономике тогда были большие трудности, которые российские граждане связали с демократией. В 2000-е в России сформировался режим «электорального авторитаризма» — когда все голосуют, но всегда за одних и тех же, власть не меняется. Одновременно дела пошли на лад в экономике, потому что выросли цены на нефть. Элементарного экономического анализа никто не проводил, и желание обходиться без демократии закрепилось. Российское общество перестало определять политический, в том числе и внешнеполитический курс, это занятие передоверили властям. Российское руководство при этом претендовало на более серьезную роль в мировой политике, чем та, которую отвели ему и Вашингтон, и Брюссель. Россия представляла себя если не глобальным игроком, то, как минимум, региональным лидером, контролирующим процессы на постсоветском пространстве. Такой роли России не отвели. Травин напомнил о мюнхенской речи Путина. Медведев, когда был президентом, робко попытался както смягчить этот курс, но ему это не удалось. Как только президентский пост снова отошел к Путину, курс возобновился с более жестких позиций. Третий момент — внешняя политика является в России механизмом для решения внутренних проблем. Экономика России в очень тяжелом положении, нам сулят рецессию в ближайшее время. В этих условиях нужен механизм для сохранения власти. Поэтому формируется идеологическая атмосфера осажденного лагеря, чтобы люди сплачивались вокруг руководства, меньше думали об экономике, больше — об окружающих их врагах». Сам Дмитрий Травин считает, что у России очень мало врагов во внешнем мире, и «уж точно их нет в Евросоюзе».

Руководитель Отдела содействия торговле и инвестициям Генерального консульства Польши в Петербурге Хенрык Бушта сказал, имея в виду Украину: «Польша готовилась к вступлению в ЕС 15 лет. Мы долго ждали и дождались. К 2004 году польские бизнесмены, польское население было готово к этому и сразу использовало все возможности». В 2004 году Польша была наименее богатой из десяти вступивших в ЕС стран, десятилетие в Евросоюзе стало для нее «цивилизационным скачком». ВВП Польши за годы в ЕС вырос на 46%, ни одна из стран ЕС — ни из новых ее членов, ни из старых — не показала такого результата. В Польше созданы выгодные условия для иностранных инвестиций. За десять лет доля иностранных инвестиций выросла в три раза — до 179 млрд евро. Сейчас 70% из этих инвестиций — уже реинвестиции, то есть «из Польши эти деньги не вывозят, а направляют на развитие». Перечисляя многочисленные успехи своей родины, Хенрык Бушта не умолчал и о некоторых минусах, признав, что «со вступлением в ЕС Польша получила проблему безработицы».

Аналитик Центра восточных исследований Эва Фишер рассказывала об экономических и торговых отношениях с Россией. «Каждое четвертое яблоко в России — польское», и это далось нелегко. Если раньше поляки ориентировались на логистические центры в Москве, Московской области, Калининграде, Санкт-Петербурге, то сейчас польский бизнес ориентирован на российские регионы: машины из Вроцлава работают в чукотских шахтах и в Кемеровской области. В Краснодарском крае поляки строят самую крупную свиноферму в Европе, в Новосибирске откроют огромную фабрику по производству гигиенических товаров. Польша также участвовала в проектировании и строительстве нового здания аэропорта Пулково в Петербурге, хотя это и не афишируется. Однако развитию польского бизнеса и торговли в России препятствуют «длительные бюрократические процедуры, быстро растущее отрицательное торговое сальдо, отсутствие двустороннего договора о защите инвестиций» и другие факторы.

Краковский политолог Рафал Лисякевич не видит оснований для оптимизма. У Польши нет шансов изменить свое маргинальное положение в экономических взаимоотношениях с Россией, которая, по словам Лисякевича, делит страны на три группы: стратегических партнеров (США, КНР и большинство стран ЕС), поставщиков технологий (Японию, Южную Корею, Турцию, Бразилию) и страны СНГ и бывшего соцлагеря. Польша относится к третьей группе и дороже всех в ЕС платит за российский газ. Кто-то считает, что это хорошо, потому что Россия не имеет политического влияния на Польшу. Но энергетическая зависимость Польши от России не может не воздействовать на экономические отношения между ними. Товарооборот, казалось бы, немного вырос (Лисякевич показал диаграмму, на которой Польша занимает 5-е место в ЕС по торговле с Россией), но этот рост незначительный. «Мы не являемся для России серьезным партнером, потому что Польша не в состоянии оправдать ожиданий России и способствовать ее экономическому развитию, не имеет значительного инвестиционного капитала, инновационных технологий

и развитой промышленности». Кроме того, с точки зрения России, Польша инициирует неблагоприятные проекты — расширение НАТО на Восток, расширение влияния ЕС на Восток».

Единственный литовский участник конференции был и единственным социологом. Директор Центра исследований общественного мнения и рынка «Vilmorus» Владас Гайдис рассказал о том, как менялось отношение жителей Литвы к членству в ЕС за последние десять лет. Разочаровались ли литовцы в Евросоюзе с тех пор, как в референдуме 2003 года приняли решение о вступлении Литвы в ЕС? В большинстве своем — нет. В последнем «Евробарометре» на вопрос: «Было бы вашей стране лучше быть вне ЕС или в ЕС?», — 20% литовцев ответило, что лучше было бы выйти из ЕС, 70% считало, что Литве лучше оставаться в ЕС (в Великобритании и на Кипре за выход из ЕС было по 28%). Гайдис напомнил, что в 2003 году во время референдума из 63% населения, участвовавшего в нем, 91% — т.е. абсолютное большинство — проголосовало за вступление Литовской Республики в ЕС.

Есть целый список плюсов членства Литвы в ЕС, который сформулировали сами граждане. Первое место занимает в нем «экономическая помощь для села из ЕС (это очевидная, полезная помощь) — около 30% отмечают эту положительную сторону членства в ЕС. Далее идет свобода передвижения («это какое-то чудо, для моего поколения — особенно») — 20%. Возможность работы за рубежом ценят 12,5% (для литовцев это, прежде всего, означает работу в Великобритании). Возможность учебы за рубежом важна для 6,1% (молодым литовцам в некоторых странах, например, в Великобритании и Дании, не надо платить за учебу), лишь на пятом месте оказались такие ценности, как свободная торговля и большой рынок (чуть более 5%).

Однако на оптимистической ноте заканчивать литовский социолог не стал, наоборот, обратил внимание на проблемы. Что настораживает литовцев? Люди выступают против атомных электростанций, боятся введения евро (основной страх вызывает рост цен), продажи земли иностранцам. В Литве есть поговорка «идет как продавший землю», поэтому тема продажи земли вызывает иррациональный страх. Однако, несмотря на все эти оговорки, европейский проект в Литве, безусловно, удался.

Заместитель главного редактора польского журнала «Нова Эуропа всходня» Малгожата Ноцунь говорила о предпочтениях поколения сегодняшних тридцатилетних и сорокалетних поляков (на момент вступления в ЕС им было 20–30 лет). Сегодня это самые убежденные еврооптимисты в Польше. «Среди молодых людей более 78% поддерживает евроинтеграцию и хотели бы, чтобы она была еще больше. Все преференции, которые получила Польша после вступления в Евросоюз, были выгодны и принесли пользу прежде всего молодым людям. Поколение пожилых людей до сих пор не очень понимает, зачем Польша вступала в Евросоюз. Они опасаются, что когда Польша войдет в еврозону, когда у нас будет евро, их пенсии резко упадут. Около 30% пожилых людей не понимает, для чего нужно было столько страдать из-за вступления в ЕС и какую пользу сейчас это приносит нам, гражданам. Евросоюз дает молодым больше прав и больше свобод, чем Польша. В ЕС есть рабочие места не только для простых рабочих-поляков, но и для самых разных специалистов — юристов, журналистов, врачей. Очень много медиков уезжает на работу в ЕС, в Польше не хватает врачей некоторых специальностей, потому что они работают в Англии, Германии. Есть примеры, что в Польше права поляков соблюдаются хуже, чем в ЕС». Последний известный пример — дело Алиции Тысёнц, которая в 2007 году выиграла иск в 25 тысяч евро в ЕСПЧ в Страсбурге против Польши. Ей отказали в аборте по медицинским показаниям. Беременность и роды сильно вредили ее зрению, но врачи отказались делать аборт, после третьих родов она фактически ослепла, стала инвалидом 1-й группы.

Малгожата Ноцунь считает также, что Польша играет очень серьезную роль в Евросоюзе в качестве эксперта. Все это подчеркивают, но, к сожалению, слова часто расходятся с реальной политикой, яркий пример чему — Украина. Польша принимала активное участие в решении конфликта в Украине и хорошо разбирается в украинских проблемах, но это не находит отражения в политике Евросоюза. Европа не хотела слушать Польшу. По мнению Ноцунь, позиция европейцев далека от солидарности, а политика слишком зависит от денег.

Оказалось, что обо всем этом в сегодняшнем Петербурге можно свободно говорить и писать. К сожалению, не возникло дискуссии с аудиторией, однако доклады отражали разные, порою противоположные точки зрения, поэтому дебаты можно считать состоявшимися. Более подробный отчет о них представлен в спецпроекте «Польский Петербург» сайта «Когита!ру»:
http://www.cogita.ru/polskii-peterburg/debaty/evrooptimisty-i-evroskeptiki-v-litve-chehii-i-polshe

ЕЖИ БУЗЕК: ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ — ЭТО ДЛЯ ПОЛЬШИ ГОДЫ БОЛЬШОГО УСПЕХА

С Ежи Бузеком, бывшим премьер-министром и бывшим председателем Европейского парламента, беседует Агатон Козинский

— Дональд Туск выдвинул проект создания энергетического союза. Как вы оцениваете эту инициативу?

— Сегодня для Евросоюза это один из ключевых проектов. Различные евросоюзные организации уже давно работают над реализацией идеи Европейского энергетического сообщества.

— Это ведь проект, который предложили именно вы, когда были председателем Европейского парламента.

— Да. В нем предусматривались, среди прочего, такие вещи, как совместная закупка энергетического сырья, создание механизмов энергетической солидарности (в том числе строительство соединяющих страны ЕС газовых и электрических сетей), разработка таких технологий производства энергии (главным образом из угля), которые были бы полностью безвредны для окружающей среды.

Многое из этого мы уже реализовали. Хотя страны ЕС без особого энтузиазма отнеслись к идее внедрения всего проекта. Были приняты конкретные решения, приведены в действие некоторые механизмы, но название «сообщество» не прижилось. Отчасти повторилась ситуация с евросоюзным договором, — его удалось принять лишь после того, как слово «конституция» заменили понятием «лиссабонский договор». У идеи «энергетического союза» больше шансов на успех, поскольку сейчас мы находимся в совершенно другой политической ситуации, я имею в виду украинский кризис.

— А почему не удалось реализовать проект Европейского энергетического сообщества?

— В Евросоюзе многие важные проблемы решаются медленно. Разве переговоры по бюджету на 2014–2020 гг. шли легко, в комфортной и приятной атмосфере? Нет. Они продолжались два года, постоянно вызывали напряжения в отношениях, время от времени какая-либо из сторон просто срывала переговоры. Не менее трудно сегодня, после недавних событий в Украине, понять, как сложились взаимоотношения между ЕС и Россией. Примеры можно множить, поскольку Евросоюз — это 28 стран, причем разной величины, с разным уровнем развития и разными интересами. Предлагая в 2010 г. такой важный и сложный проект, как Европейское энергетическое сообщество, я осознавал, что евросоюзные государства зачастую преследуют противоречивые интересы. Однако то, что планка установлена на таком высоком уровне, позволило нам достигнуть очень неплохих результатов.

— Какими достижениями Европейского энергетического сообщества мы уже располагаем?

— Например, из бюджета ЕС мы выделили 6 млрд евро на строительство газовых и электрических соединений между отдельными странами. Из этих средств Польша построит 12 соединений с соседями. Миллиард евро мы предназначили на развитие новых технологий, позволяющих использовать уголь, не причиняя ущерб окружающей среде.

— Теперь вы говорите так, словно Европейское энергетическое сообщество — это уже отлаженный механизм.

— Увы, все не настолько хорошо. Совместным закупкам сырья принципиальным образом мешает закон об акционерных энергетических обществах, коммерческая тайна и свобода конкуренции. Крупные концерны будут протестовать против лишения их права на переговоры с «Газпромом» относительно цен, потому что благодаря этому праву они зарабатывали уйму денег. Болгария, Венгрия, Австрия — зависящие от российского газа — поддерживают строительство «Газпромом» газопровода

«Южный поток». В этом контексте видно, какой большой ошибкой ЕС был отказ от строительства газопровода «Набукко», который уменьшил бы зависимость многих государств региона от поставок из России. Зато нам удалось провести закон о честной конкуренции, что позволило наложить на «Газпром» санкции за нарушение правил. Отчет о едином энергетическом рынке ЕС, автором которого я был, Европейский парламент принял огромным большинством голосов. Впереди Евросоюз ждет настоящий экзамен, связанный с необходимостью ответить на вопрос: в какой мере члены ЕС будут реализовать собственные кратковременные интересы, а в какой — долгосрочные интересы всего сообщества. Причем не только в области энергии.

— Критики идеи совместных закупок утверждают, что это — всего лишь красивая идея.

— Это значительно больше, чем идея. В ЕС уже на протяжении двух лет действует принцип, что о переговорах по закупкам энергии вне Евросоюза непременно должна оповещаться Европейская комиссия. Следовательно, координация закупок уже началась. У нас в трактате даже имеется запись о сотрудничестве Евросоюза с третьими странами для обеспечения взаимной энергетической безопасности. Теперь нам необходимо расширить наше евросоюзное энергетическое сообщество, принимая в его ряды наших ближайших соседей: Украину, Молдавию, Грузию и шесть государств западных Балкан. Важно, чтобы мы были связаны не только газопроводами и линиями электропередач, но также единым законодательством и принципами рыночных отношений. Для Украины это было бы сейчас спасением — она могла бы получать подпитку энергией с Запада.

— Вы как раз готовите новую стратегию развития Европейского энергетического сообщества, предусматривающую расширение этого сообщества за пределы Евросоюза.

— В соответствии с полномочиями, которые были мне предоставлены правительствами упомянутых девяти стран, а также Европейской комиссией, я председательствую в группе по вопросам о будущем такого расширенного сообщества. Известно, что соответствующий договор о сотрудничестве будет действовать до 2026 г. Из этого вытекают обоюдные выгоды — и для Евросоюза, и для соседних государств. В мае я представлю отчет с конкретными предложениями, как расширить рынок ЕС за пределы Евросоюза.

— 1 мая исполнится десять лет с момента входа Польши в Евросоюз. Как вы оцениваете прошедший период?

— Для Польши это были годы большого успеха. Для всех. Начиная с больших, средних и малых фирм, которые во многих областях не дали западноевропейским конкурентам победить себя, включая польских земледельцев, экспортирующих продовольствие во все страны ЕС, вплоть до обычных граждан и молодежи. Поляки свободно путешествуют по Европе, могут учиться, познавать мир, заниматься своим бизнесом. Кроме того, всем нам пошли на пользу инвестиции, ставшие возможными благодаря евросоюзным дотациям.

— Что в этом успехе сразу бросается в глаза?

— Средний доход на душу населения вырос у нас с 49% среднего евросоюзного показателя в 2003 г. до 67% в 2012 г. А ВВП увеличился в полтора раза! Но есть еще и косвенные эффекты.

— Какие косвенные эффекты нашего присутствия в ЕС вы имеете в виду?

— Мы стабильная, предсказуемая страна, в которой имеет смысл инвестировать. Для каждой фирмы, расположенной за пределами Евросоюза, сотрудничество с Польшей означает доступ к европейскому рынку и к 500 млн потенциальных клиентов. Ничего подобного не было бы без нашего членства в ЕС. Это не значит, что мы избежали ошибок. Многие вещи можно было сделать лучше. Однако в целом баланс безусловно положительный.

— Обо всех этих выгодах и преимуществах было известно еще со времен наших переговоров с ЕС о вступлении. То, чего мы ожидали от Евросоюза в 2004 году, сбылось. Но ведь и сегодня наши ожидания не изменились, мы не ждем от ЕС ничего нового. Не виноват ли в этом наш политический класс, который даже не попытался разъяснить полякам, насколько сложным механизмом является Евросоюз? Ведь в польских публичных дебатах евросоюзная тематика почти полностью отсутствует — если не принимать во внимание голоса евроскептиков.

— Будет честно, если мы — политики и журналисты — поделимся ответственностью за это. От наших совместных усилий зависит, какая информация о Евросоюзе попадает к полякам. Но вместе с тем не стоит предаваться самобичеванию. В Польше ЕС поддерживает более 70% населения. Это гораздо более высокий показатель, чем в других европейских странах. Мы считаемся страной, которая хорошо справилась с кризисом. Высокую оценку получило также польское председательство в ЕС, которое пришлось на 2011 г. Нам многие завидуют. Поэтому — хотя мне понятны некоторые ваши возражения и замечания — я считаю, что мы можем говорить об успехе Польши.

— С той лишь оговоркой, что этот успех — искусственный, поскольку он накачан деньгами из ЕС. Когда после 2020 г. дотации сойдут на нет, польский евроэнтузиазм растает, словно снег в апреле.

— Это отнюдь не искусственный успех! Миллиарды из Евросоюза — только малая часть инвестиций, составляющая в масштабах года всего лишь около 10%. Если мы потратим их благоразумно, то евроэнтузиазм не растает. Важно, однако, чтобы все политические круги убеждали общество в том, что нельзя относиться к Евросоюзу, как к банкомату. Евросоюз — это цивилизационный проект.

— Вместо этого часть политиков утверждает: «Деньгам из Евросоюза — да, сообществу — нет».

— Это шизофрения. От столь узкого и партикулярного понимания европейского проекта пострадают все — и поляки, и остальной Евросоюз.

— Другими словами, вы считаете, что поляки поддерживают Евросоюз не только потому, что он много нам платит?

— Вне всяких сомнений! Парадоксально, но в других государствах Центральной Европы деньги из ЕС — в пересчете на одного жителя — близки к той сумме, которая предоставляется нам, или даже превышают ее. Невзирая на это, членство в Евросоюзе не вызывает там такого энтузиазма.

— Чем объяснить эту разницу?

— Мы в Польше с 1989 г. строили позитивное отношение к Евросоюзу. Политические силы, выводящиеся из «Солидарности», сумели убедить посткоммунистические партии, что только интеграция с западными структурами даст Польше настоящий шанс. Это — наследство «Солидарности». Главная аллея перед зданием Европарламента в Брюсселе носит название «Солидарность 1980». Это очень важный знак, увековечивающий усилия людей, связанных с этим движением.

— Вы связаны с «Солидарностью» еще со времен реального социализма. Был ли уже тогда очевиден этот проевропейский курс?

— Да. В тот период — например, взять хотя бы первый съезд «Солидарности» — наши проевропейские устремления, возможно, не проявлялись с особой наглядностью, но ведь попасть в структуры Западной Европы было мечтой нескольких поколений поляков.

— Польские связи с ЕС можно разделить на три этапа. Первый из них — время вхождения в европейские структуры — уже за нами. Второй как раз продолжается — это период быстрой модернизации с использованием денег из Евросоюза. Третий начнется после 2020 г., когда таких средств станет намного меньше, но вместе с тем основа коммуникационных и энергетических связей будет заложена. Как будет выглядеть этот третий этап?

— Все зависит от ближайших лет. Нам необходимо завершить ключевые реформы и укрепить нашу конкурентоспособность. Тогда после 2020 г. мы справимся со всеми экономическим, технологическим, социальным, демографическим и — что является новостью последних месяцев — оборонным проблемами. Следует таким образом тратить средства ЕС, чтобы — в соответствии с принципом домино — одни проекты запускали следующие. Это вполне возможно. Мы уже умеем тратить евросоюзные деньги с толком и до последнего гроша. Теперь нам нужно научиться расходовать их как можно эффективнее.

— Как можно увеличить эффективность в области расходов?

— Ключевое значение будет играть стратегия развития Польши. Нам нужно лучше функционирующее государство, рациональная промышленная политика, рост инвестиций, максимальное использование трудовых ресурсов, расширение нашего присутствия на глобальных рынках, подготовка к вхождению в зону евро.

— В 2020 г. Польша по-прежнему будет страной не настолько важной, чтобы оказывать влияние на все, что происходит в ЕС. Нам придется и дальше выбирать темы, которыми мы будем заниматься. Как вы полагаете, на чем нам следует концентрироваться? На энергетических вопросах, на Украине, на безопасности?

— 2020 год — это довольно отдаленная перспектива. Мир меняется так быстро, что лучше думать о том, чем мы должны заняться сегодня. Очевидно, что важнее всего безопасность — военная, но также энергетическая, сырьевая, климатическая, демографическая, хозяйственно-экономическая.

— Но ведь мы всегда стремились к такой безопасности.

— Это правда. И Европе будет что сказать по этому вопросу только при одном условии: она должна стать подлинным сообществом, управление которым должно быть проще и удобнее, а решения — приниматься быстрее. Сообществом конкурентоспособным, но при этом твердо опирающимся на ценности.

— Что должна сделать Польша, чтобы соответствовать такому ЕС?

— Использовать то, что для нашего экономического и социального развития, а следовательно, и для политической силы важнее всего. Я имею в виду инновационность, реиндустриализацию и ревитализацию тех территорий, которые в индустриальном плане когда-то были в Европе главными (как, например, Силезия). Без особого ущерба недавний кризис перенесли только те страны, где существует хорошо развитая промышленность. Это наш шанс, причем процесс реиндустриализации и ревитализации, связанный с новым взглядом на экономику, конечно же должен начаться с Силезии.

— А как это соотносится с переговорами США — ЕС по вопросу о свободной торговле?

— Это новый шанс для Европы, но и для Польши тоже. В Соединенных Штатах цены на энергию намного ниже, чем в Евросоюзе. Польша с ее относительно дешевой энергией из угля может дать шанс всему ЕС. Нам, однако, необходимо применить новейшие технологии, которые защитят окружающую среду и здоровье людей. Подытоживая вопросы, касающиеся 2020 года, скажу, что интеграцию надо усиливать, а не ослаблять — ради экономического развития, общественной солидарности и создания рабочих мест, а также для стабильности и политической безопасности. И это наша задача на ближайшие годы.

— Но кондиция самого ЕС вызывает сомнения. Не успел Евросоюз отойти от последствий финансового кризиса, как его настиг очередной — на сей раз связанный с Украиной. В состоянии ли Брюссель выдержать столько потрясений сразу?

— Европейский Союз меняется. Он способен к большим изменениям. Под воздействием кризисов, хотя не только — напомню принятый в 2008 г. Лиссабонский договор, который укрепил компетенции евросоюзных институтов, в частности, европарламента, и ввел принцип энергетической солидарности. Что касается кризиса — его вызвали жадность, безответственно управляемые финансовые учреждения и чрезмерная задолженность некоторых государств. Евросоюз не был источником трудностей (хотя и позволил появиться этим чрезмерным задолженностям), зато всегда искал пути их преодоления.

— Что мы сделали, дабы в будущем избежать безответственности финансовых институтов или отдельных государств?

— Довольно много. Укрепили надзор за финансовым рынком и ведем мониторинг публичной помощи. Ввели предварительное рассмотрение национальных бюджетов с тем, чтобы избежать возникновения чрезмерных дефицитов. Установили зависимость между финансовой помощью, оказываемой переживающим кризис странам, и реформами, которые они должны провести.

— Да, появился даже банковский союз. Но, едва ЕС выработал способы, позволяющие совладать с финансовым кризисом, как начался украинский кризис. Не много ли всего сразу на нас навалилось? Справится ли Евросоюз?

— А другого выбора у нас нет. Европа — небольшой континент, а Евросоюз — всего лишь его часть. Ни одна европейская страна — в сколько-нибудь длительной перспективе — не в силах сама преодолеть глобальные вызовы современности и справиться с конкуренцией. Хотя и с трудом, но все же государствам ЕС удалось выработать общую позицию по отношению к России.

— Очень уж мягкой и мелкой представляется эта наша позиция по отношению к России.

— Таково мнение тех, кто не должен нести политическую ответственность, считаться со своими парламентами и электоральными реалиями. Согласен — с точки зрения Польши этой позиции далеко до идеала. Все мы знаем, что президент Путин будет продвигаться дальше — пока не решит, что это ему уже не выгодно. Европейская комиссия работает над санкциями, которые затруднят перемещение денег между Россией и Европой. Это весьма болезненно ощутит банковский сектор и связанные с ним фирмы, а также олигархи. Продолжаются переговоры между США и ЕС о наложении санкций на целые секторы российской экономики.

— Когда же эти действия приведут к реальным последствиям?

— Уже теперь у нас есть сигналы о серьезном оттоке капитала — как зарубежного, так и отечественного — с российского рынка. Финансовые проблемы России могут также усугубиться падением цен сырой нефти ниже 110 долл. за баррель, — а мы помним, что Соединенные Штаты обладают сегодня возможностью формировать эти цены.

— Что может сильнее всего повлиять на Россию?

— Я все время повторяю, что самой чувствительной санкцией стало бы обеспечение независимости Евросоюза от поставок энергетического сырья. Мы уже продолжительное время готовимся к этому. Здесь нас могут поддержать американцы, которые через несколько лет будут в состоянии экспортировать в Европу газ из своих сланцевых месторождений. Нас ждет долгий путь, но это мощное оружие в руках Евросоюза. Я убежден, что Россия тоже об этом знает и считается с этим.

POLSKA THE TIMES

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Уважаемая редакция!

Просим Вас выслать нам польский вариант беседы с профессором Ежи Регульским из № 1 за 2013 год «О самоуправлении в Польше». В этой статье наиболее концентрированным образом сформулированы задачи и направления взаимодействия местного самоуправления и гражданского общества как его основы. Наша общественная организация работает над темой «Когнитивные города Украины» как механизмом наиболее полного учёта всех новых вызовов, которые появились для Украины в последнее время. Мы полагаем также, что применение когнитивных технологий в дальнейшем развитии местного самоуправления в Польше в контексте тех проблем, которые описал пан Ежи в этой статье, могут быть также использованы и в муниципальной практике Польши. Мы хотели бы связаться с паном профессором (...), чтобы обсудить изложенную идею применения когнитивных технологий в муниципальном управлении, тем более, что в Варшавском университете имеется специальность «Когнитивистика», поэтому фантастическим такое наше предложение выглядеть не должно. (...).

Эти материалы нам очень нужны. Тем более, что в последние дни в недрах новой украинской власти произошли некоторые события, открывающие пути для уверенного, управляемого с нашей стороны, полноциклового и полномасштабного применения социальных когнитивных технологий в реформе местного самоуправления в Украине. И, таким образом, появилась полная возможность решить на новейшем и безгранично перспективном инструментально-технологическом уровне также те проблемы пассивности местных общин в избирательном процессе, которые так беспокоят и разочаровывают пана Ежи. Так что Ваши материалы становятся реальной подготовительной базой для продвижения, причём на новейшем инструментально-технологическом уровне, муниципальных реформ не только в Украине, но и в Польше, а далее, по мере отработки технологий, и за их пределами, обеспечивая тем самым обеим нашим странам общее лидерство в этом направлении в мировых координатах. А это, с учетом наших собственных и имеющихся в Украине наработок, более чем реально..

(...)

Я сейчас готовлю к выдвижению общественную инициативу «Когнитивный город Николаев» и пишу докладную записку «Об определении и закреплении места и роли когнитивных технологий в реформе местного самоуправления в Украине». Я базирую её именно на реформационной парадигме пана Ежи, который видит процесс во всём его многообразии и сложности, чего явно не хватает нашим украинским реформаторам, и уже давно. (...) Кстати, в своём недавнем интервью пан Ежи Регульский вынужден был вести дискуссию со своими недоброжелателями, которые по политическим мотивам занижают значение муниципальной реформы для развития Польши. Вот это зря. Существенное положительное влияние польской муниципальной реформы на экономику и общество Польши и, соответственно, ценность и пригодность для внедрения этого польского опыта в других странах признаны властями и экспертным сообществом Казахстана, Белоруссии и Азербайджана, чему есть подтверждения в Интернете.

Поэтому, я думаю, если мы с паном Ежи поднимем и разовьём этот его опыт в новейшей беспредельно развивающейся инструментально-технологической парадигме, каковой являются когнитивные технологии, как индивидуальные, так и коллективные, то и противники его реформы и его лично «прикусят язычок». Я бы сказал и погрубее. Нашего пана Ежи в обиду не дадим!

Стехин Пётр Дмитриевич,

Президент Николаевского городского интеллектуально-компьютерного клуба «Третья волна», город Николаев-областной, Украина.

»

PS

Наша общественная организация создана по книге Элвина Тоффлера «Третья волна» и зарегистрирована в ноябре 2000 года. С тех пор мы непрерывно, последовательно и настойчиво осуществляем нашу миссию — всемерное продвижение компьютерных технологий во все сферы жизни Украины. Результатами мы, как и вся Украина, похвастаться не можем. Но это не наша вина. Если бы власти, общество и бизнес воспринимали и своевременно внедряли идеи компьютерного развития Украины, которые мы постоянно транслировали с мирового уровня на национальный, региональный и местный, не было бы того хаоса, до которого докатилась наша страна.

Но мы не унываем! Мы уверены в хорошем будущем нашей Украины! Уверены, что когнитивные технологии, правильно и своевременно применённые на местном, муниципальном, уровне Украины, помогут ей и всем нам выбраться из того болота, в которое вся наша страна так дружно спешила вляпаться за годы своей Независимости. Ещё раз — большое спасибо за внимание.

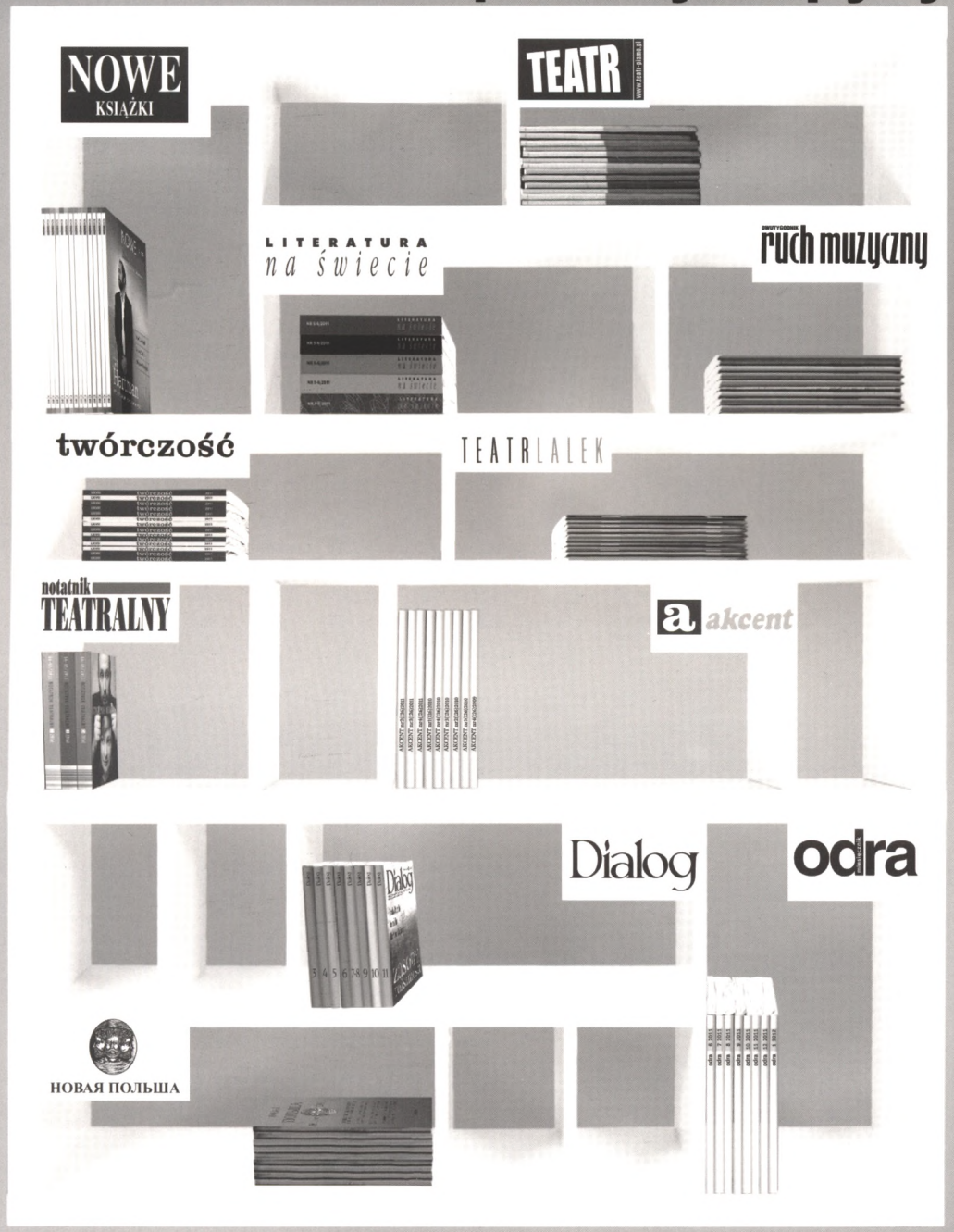
Из переписки Пётра Дмитриевича Стехина с редакцией «Новой Польши», май 2014

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)
Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:

www.novpol.ru

INSTYTUT KSIĄŻKI
©POLAND

Достаточно протянуть руку

Instytut Książki Dział Wydawnictw
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa, tel. +48226082374, tel./fax +48226082488
e-mail: czasopisma@instytutksiazki.pl
www.instytutksiazki.pl

Cena 8 zł. w tym 5% VAT
ISSN 1508-5589